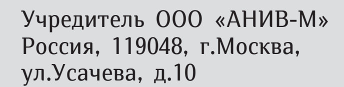
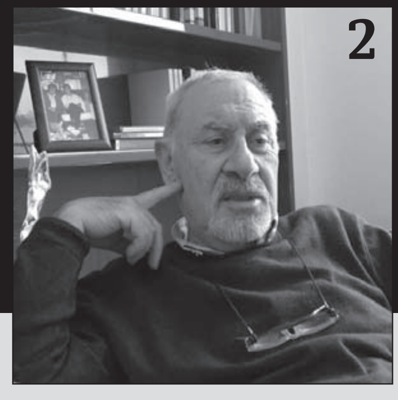

армянский журнал

АНИВ № 1 (40) 2012

Учредитель ООО «АНИВ-М»
Россия, 119048, г.Москва,
ул.Усачева, д.10

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны
культурного наследия.
Свидетельство ПИ №ФС77-31782
от 23.04.2008

www.aniv.ru
e-mail: Aniv2005@yandex.ru

по вопросам подписки
в странах ЕС
e-mail: info@ethnoprincipe.net
Представитель журнала
в Украине Самвел АЗИЗЯН
e-mail: aniv-ukraina@mail.ru
tel.+380 99 70718 68

Подписано в печать 27.02.2012г.
Отпечатано в типографии
ИП «Альтиора – Живые краски»
Адрес: 220072, г. Минск,
ул. Сурганова, д. 11
Заказ №
Тираж 2000 экземпляров

При верстке журнала
был использован шрифт
«AMG Anahit Semi Serif»
http://anahit.armenia.ru
предоставленный
ООО «Аракс Медиа Групп»
http://arax.ru

ՏԱՐՕՐԻՆԱԿ ՀԱՅԸ – ՍՈՎՈՐԱԿԱՆ ՀԱՅԸ

Արմեն Խեչոյանի զրույցը Պիետրո Քյուչյուքյանի (Քիւչիւքեանի) հետ

Пьетро Кучюкян родился 18 января 1940 года в Арко (провинция Тренто), в Италии, в семье Игнадиосwa Кучюкяна и Паолы Бруньоли. Его предки по отцовской линии переселились в Константинополь из Себастии. Отец приехал в Италию в 1915 году, учился в Венеции у мхитаристов, затем получил медицинское образование в Туринском университете.

Пьетро Кучюкян тоже обучался вначале у мхитаристов, а затем медицине в университетах Падуи и Милана. В 1967 году он женился на преподавательнице философии и истории Анне Марии Самуэлли.

Любитель-энтузиаст конного спорта, планеризма, тенниса и в особенности кроссовых мотогонок, он стал тренером команды гонщиков мотоциклетного завода. В 1981 году один из его гонщиков выиграл мировое первенство.

Кучюкян сотрудничал как журналист-фрилансер с итальянским ежемесячником «Motociclismo» и ежедневным финансовым обозрением «Il Sole 24 Ore». Он написал более сотни статей о своих путешествиях и два технических руководства по езде на мотоцикле.

В 1988 году после землетрясения в Армении он одним из первых отправился в зону разрушений. В тесном сотрудничестве с сотрудниками «Итальянской деревни» в Спитаке он участвовал в организации помощи Армении из Италии, в частности, помогал строительству и оснащению стоматологической клиники в Спитаке и трех школ в Степанаване. В июле 2009 года за участие в ликвидации последствий землетрясения он получил

звание почетного гражданина Спитака. Он был избран членом правления Союза армян Италии, где отвечал за отношения с Республикой Армения. С 1996 года он более десяти лет был президентом Совета при посольстве РА в Италии.

Вместе с Габриэлем Ниссимом, Анной Марией Самуэлли и Юлиановой Радиче Пьетро Кучюкян стал одним из основателей Комитета по Садам Праведников во всем мире, который поставил своей целью увековечить память Праведников всех геноцидов XX века. В 2003 году он получил большую золотую медаль «Ambrogino d'Oro» от Городского совета Милана за вклад в увековечение памяти иностранцев, которые помогали армянам во время Геноцида. В марте 2007 года Пьетро Кучюкян был назначен Почетным консулом Республики Армения в Милане.

Пьетро Кучюкян обычно путешествует по миру на мотоцикле. Его книги появились в результате поездок по Армении и Грузии, Ирану и Сирии, Египту, Австралии, Японии, Южной Африке. Под его редакцией вышли воспоминания выжившего во время Геноцида Рафаэле Джаникяна «Хоторджур». Он спонсировал издание «Руководства по работе на компьютере» на армянском языке для учащихся старших классов, а также новое издание на армянском языке сказки «Пиноккио». Кучюкян перевел на итальянский язык сборник трудов Католикоса Гарегина I «Идентичность Армянской Церкви». В 1995 году он организовал выставку «Армин Вегнер и армяне Анатолии в 1915 году», которая с успехом прошла в крупнейших городах Италии (собрав здесь в общей сложности около миллиона посетителей), а также в США, Великобритании, Греции и на Кипре.

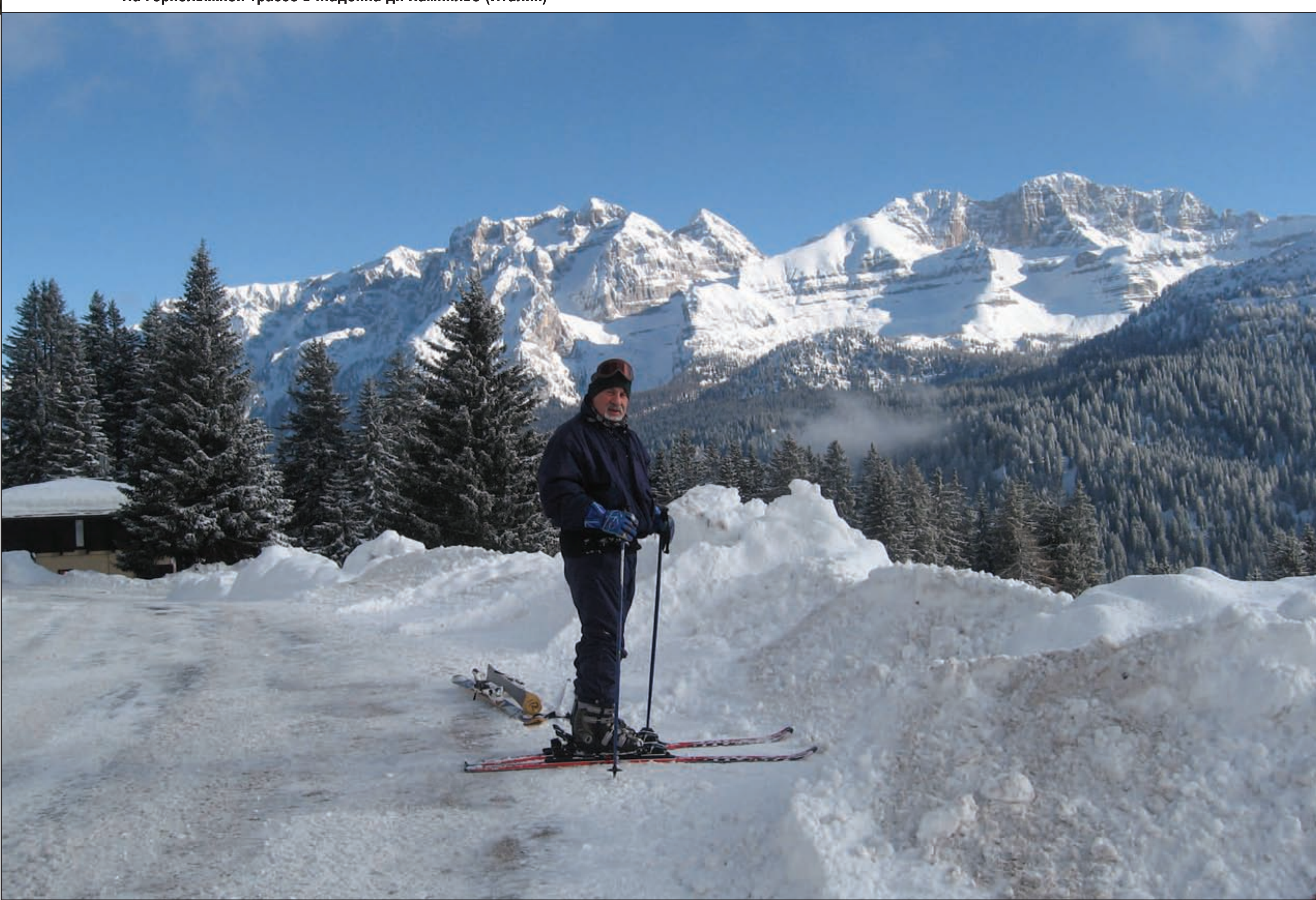
Каждый год, к 24 апреля он отправляется в Армению, привозя землю с могил Праведников для закладки в Стену Памяти в Цицернакаберде. Он состоит в Совете, по решению которого присуждается ежегодная премия Президента Армении за выдающийся вклад в дело признания Геноцида армян.

Ավտո և մոտո

Ուրեմն, եթե դու ավտոյով կերթաս, ոնց որ հեռուստացույցի առջև ըլլաս, ու նստած ես, և կդիտես: Ո՜չ հով կզգաս, ո՛չ ձյուն, ո՛չ արև` ոչինչ: Եթե ուզում ես գնալ, դժվար է միշտ, մարդ կա, թրաֆիկ կա հետո, երբ կհասնես տեղ մը: Եթե ավտոյով ես, ավտո և մարդ սահման կա, որին ճանաչում ես: Արդեն սահման կա, և չես կարող լավ հարաբերություններ ակնկալել:

Ուրիշ բան էլ կա ավտոյի մասին. դու կարող ես արգելակել, երբ ուզես, առանց մտածելու: Մոտոյով առաջ մտածում ես, ավտոյով առաջ մտածել չկա, չես պատկերացնում, թե ինչ կլինի մինչ այդ: Բայց եթե մոտոցիկլետով լինես, չես կարող գնալ, երբ ուզես, դառնալ, երբ ուզես. պետք է պատրաստվել: Ամեն ինչ պետք է մտածես

На горнолыжной трассе в Мадонна ди Кампильо (Италия)

առջևդ: Եթե դու մոտոցիկլետով գնաս, և մեքենա գա առջևդ, ես ի՞նչ կանեմ, որպեսզի վտանգ չլինի: Մեքենայեն կշեղիմ, գլուխը կնայեմ սկզբում, հետո կնայեմ աջ ձեռքին, հետո անիվները կնայեմ, որպեսզի գիտենամ, թե ինչ կպատահի: Պետք է առաջ մտածել մոտոցիկլետով:

Ես շատ աշակերտ ունեցա, որ սովորցրեցի, թե ինչպես պետք է գնալ մոտոցիկլետով: Հիմա նրանք մեծացան, 30-40 տարեկան են, երբեք վթար չունեցան ավտոյի հետ, որովհետև առաջ մտածում են: Ուրիշ բան էլ կա մոտոցիկլետի հետ կապված. եթե տեսնիս գյուղ կամ քաղաք, քեզ աղքատի պես կընդունեն, կամ ոչ որպես կարևոր մարդու, և ուրեմն իրենց սիրտը կբանան քեզի շատ լավ ձևով: Եթե մեքենայով անցնես, ոչ մեկը քեզի հոգ չի տանի: Սկզբում կսկսեն մեքենան նայել, հետո՝ քեզի: Իսկ եթե մոտոցիկլետով լինես, կասեն, որ նորմալ մարդ է ասիկա՝ աղքատ է: Եթե օգնության պետք ունես և մոտոցիկլետով ես, պատրաստակամ են քեզ օգնելու, իսկ եթե ավտոյով ես՝ դժվար է:

Տարբերությունը մեծ է մոտոցիկլետի և ավտոյի, բայց ամենակարևոր բանն եմ ասում. եթե կարող ես մասնավոր մոտոցիկլետով դուրս գալ մասնավոր ճանապարհներ և այնտեղ բերդ տեսնես կամ մեկ այլ բան, կարող ես մոտենալ, իսկ մեքենայով չես կարող: Ուրեմն, նաև ժամանակի խնդիր է: Մոտոցիկլետը ժամանակը կրճատում է. ամեն ինչի կարող ես հասնել արագությամբ, ավտոյով չես կարող հասնել երբեք: Ես ի՞նչ տեղեր տեսա Թուրքիայում, որ ոչ մեկը չի կարողացել տեսնել, որովհետև մեկ-երկու ժամ ոտքով պետք է գնաս, մեքենա չի հասնում այնտեղ, ճանապարհ չկա, իսկ ես մոտոցիկլետով կարողացա հասնել և շատ բաներ տեսա: Այդ կապերով կարողացա ամեն գյուղերը տեսնել Թուրքիայում, Վրաստանում, Պարսկաստանում, Սիրիայում, Հորդանանում, Եգիպտոսում, Թունիսում, Մարոկկոյում, Նամիբիայում, Մեքսիկայում, Հարավային Աֆրիկայում և այլն, և այլն:

Թաղված մոտոցիկլետ

Հայրս ուներ մոտոցիկլետ: Երբ ես 10-11 տարեկան էի, տալիս էր քշեի, հետո փոքր մոտոցիկլետ էի քշում շատ լավ: Հետո ես վարժարան գնացի Վենետիկում, Մուրադ-Ռաֆայելյան վարժարան: Վարժարանում սովորեցի տասներկու տարեկանից մինչև տասնութ տարեկան:

Երբ վերադարձա տուն, մոտոցիկլետ չկար: Դա ամառային արձակուրդներին էր: Հարցրեցի. «Ի՞նչ է եղել մոտոցիկլետը»: Մայրս ասաց. «Նայի՛ր, հայրդ կվախենար, թաղեց գետնի տակ»: Ամա՜ն, մտածում էի, թե ի՞նչ անեմ: Մեկ տարի հետո փորեցի, հանեցի, կտոր-կտոր արած էր: 4800-ից ավել կտորներով: Հանեցի, որ մաքրեմ: Երեք ամիս աշխատեցի, հավաքեցի, և այն «քայլում» էր: Միայն 3 կտոր դուրս մնաց, 3 փոքր կտոր, և մինչև հիմա չգիտեմ, ինչո՞ւ դուրս մնացին: Ավելացան:

Փոքր մոտո էր, «Lambretta» կկոչվեր, իտալական մոտոցիկլետ էր: Երբ վերջապես հավաքեցի մոտոցիկլետը, սկսեցի պտտվել: Մի բարեկամ ունեի, նրա հետ կպտտվեի: Քանի որ այն ժամանակ մոտոյի գլխարկ չկար, ես գերմանական երկու հատ ռազմական, նացիստական գլխարկ առա, ներկեցի կապույտ և գնացի: Այդ ժամանակ տասներեք տարեկան էի:

Այդ ժամանակ, երբ մոտս փող չկար, գնում էի վանքերի կողմը: Քանի որ հորս ճանաչում էին, ինձ առանց փողի էին ընդունում գիշերելու համար: Ցերեկը քշում էի, գիշերներն էլ վանքում էի մնում: Ծնողներս ինձ կվստահեին: Հետո բարեկամս տասնհինգ տարեկան էր և բավական լուրջ էր:

Չորս տակտով շարժիչը

Կարևոր է, որ մոտոն լինի թեթև: Ռուսաստանից տիտանիում պատվիրեցի և շինեցի խողովակները: Տիտանիումներն իրար կպցնելը շատ դժվար է: Այնտեղ մասնավոր սենյակ կար: Փոքր սենյակ էր, մեջը՝ արգոն, դրանով պետք է կպցնեի: Դժվար էր: Շատ դրամ ծախսեցի, բայց մոտոցիկլետը 90 կգ-ից դարձավ 74 կգ, բավականին թեթևացավ, և հիմա ավելի լավ կքշեի: Այն ժամանակ շարժիչները երկու տակտով էին, և բենզինի մեջ յուղ էիր լցնում նաև, բայց իմացա, որ ճապոնացիները պատրաստել էին չորս տակտով շարժիչ, և բենզինն առանց յուղ: Սակայն դա միայն ԱՄՆ-ը կծախեր: Այդ ժամանակ գնացի Ամերիկա և գնեցի այդ շարժիչից: Հատուկ գնացել էի, որ դա գնեի: Ամերիկայում քշելու հատուկ իրավունք էլ հանեցի և հոս բերեցի:

Իբրև թե դասարան էր, որտեղ այդ իրավունքը ստանալու համար սովորում էինք: Տաս հոգի էինք: Կարծեմ կես ժամից պետք է լրացնեինք թեստը, իսկ ես երեք ժամ մնացի: Անցա և պրծա: Առաջին տեղը, որ գնացի այդ օֆիսներից, հարցրեցին՝ ամերիկահպատակ եմ, ասացի՝ ոչ, նրանք էլ ասացին, որ հնարավոր չէ իրավունքի թուղթը վերցնել: Ուրիշ տեղ գնացի, նորից հարցրեցին՝ ամերիկահպատակ եմ, ասացի՝ այո: Կուզեի ունենալ դա:

Հողից բարձր, վերևից՝ ցած

Այնուհետև ի՞նչ արեցի: Շվեյցարիայում աշխարհի մրցում կա այդ տեսակ՝ Տրիալ կասեն: Մեկը կա, անունը՝ Սեմմի Միլլեր, նա թեթև մոտոներ էր սարքում: Նա Ամերիկայում էր, Հոնդայի համար մասնավոր բաներ էր սարքում: Գնացի նաև, որ իրեն տեսնեմ: Խոսում էի իրեն հետ, մեկն եկավ այնտեղ, Իտալիայի մոտոցիկլիստների նախագահն էր: Ինձ ասաց, որ իրենք գիտեն, որ շատ հետաքրքրված եմ մոտոներով, կուզեն ֆիրմայի մեջ մտնել և օգնել, որպեսզի նրանք այսինչ տեսակ մոտոցիկլետ սարքեն, որն այն ժամանակ միայն իսպանացիները կշինեին: 3 տեսակ՝ Ossa, Montesa, Buntaco: Սրանք իսպանական էին, իսկ իտալական չկար:

Իտալիայի մոտոցիկլիստների նախագահը, որ հետո եղավ աշխարհի մոտոցիկլիստների նախագահը՝ փաստաբան-ադվոկատ Ձերբին, թերթերից գիտեր, որ ես այդպիսի բաներով կզբաղվեմ: Մրցույթներին մասնակցում էի: Երեսուն տարեկանում նոր անցա նորմալ մոտոցիկլետից մասնագիտական մոտոցիկլետի: Հետո Իտալիայի

Перед пилотированием планера вместе с другом, канадским армянином Джозефом Гурунляном

չեմպիոն եղա: Մոտոցիկլետ մը կա, որ երկու հոգով կքշես, դրա Իտալիայի չեմպիոն եղա: Ես այնչափ լավը չէի, բայց այն տղան, որ հետս էր, շատ լավն էր: Ինքն էր քշում:

Գնացի Միլան, մոտոցիկլետներ պատրաստող ֆիրմա: Ֆիրմայում հարցրեցին, թե ինչպե՞ս է շինվում մոտոցիկլետը, որը կհաղթի: Պատասխանեցի՝ տակից բարձր, այսինքն՝ հողից բարձր, վերևից՝ ցած: Ինձ ասացին՝ խենթ է ասիկա: Հիմա ասեմ՝ ինչու. տակից բարձր պետք է լինի, որպեսզի քարերի վրայով անցնի, իսկ վերևից ցածր, որպեսզի կարողանաս լավ շարժել, որ ոտքերին չխանգարի:

Սարքեցին իմ պրոտոտիպով: Պահեցի մոտս, հետո արդեն նվիրեցի Մոտոցիկլետի թանգարանին:

Համատեղ «SWM» ֆիրմայի հետ Միլանում սկսեցինք աշխատել նոր մոտոյի վրա:

Իբրև ատամնաբույժ ի՞նչ եմ անում՝ մոտոցիկլետն եմ բուժում:

Լավ, ինչ որ է, երբ մոտոյով աշխարհի մրցումում գրավեցինք առաջին տեղը, նոր պրոտոտիպ շինեցինք մյուս տարվա համար, որ կոչվեցավ «Jumbo», որն ավելի մեծ մոտո է: Առաջին պրոտոտիպը ես միշտ կքշեի: Գնացի Շվեյցարիա, աշխարհի չեմպիոնատին: Միայն ես ունեի նոր միակ պրոտոտիպը: Իմ պիլոտները՝ վարորդները, չգիտեմ քանի հոգի էին, կարծես տաս հոգի էին, հիներով կաշխատեին, բայց այդ պրոտոտիպը, որ մենք շինած էինք ինժեներների հետ միասին, շատ դժվար էր աշխատեցնել, շա՜տ: Պինդ և լավ չէր շինված, հետո փոխեցին չգիտեմ ինչով: Ես կարողանում էի վարել, քանի որ այն ժամանակ ես հետևում էի իմ վարորդներին, թե ինչպես են վարում, մրցում չէի անում այլևս, որովհետև շատ դժվար էր: Մի քանի անգամ աշխարհի մրցումներին եմ մասնակցել: Հինգ-վեց անգամ: Հետո ասացի, որ ավելի լավ է, որ իմ լավ երիտասարդներին հետևեմ և օգնեմ, եթե պետք ունեն, ինչ որ է: Հասա այնտեղ, և մոտոցիկլետ չկա: Փնտրեցինք, փնտրեցինք ոստիկանության օգնությամբ, բայց գողացան Շվեյցարիայում:

Իմ խումբը

Այս խումբը տանում էի ամբողջ աշխարհով: Կիլիմանջարո, Չինաստան տարա: Ֆինանսը կտար ֆիրման: Շատ փողեր հավաքեցին իմ գործիքով: Ես դրանով մի փող չարեցի:

Կիլիմանջարո ղրկեցի, բայց չկարողացան հասնել, որովհետև հարմարություն չկար: Հետո խումբս ղրկեցի Չինաստան: Խմբումս կային անգլիացի, գերմանացի, ամերիկացի, ֆրանսիացի և այլն: Ես ղեկավարն էի: Ուզում էի Արարատ, բայց չկարողացա, իհարկե: Եվ, որպես ի

Pietro Kuciukian
Dispersi
Viaggio fra le comunità armene nel mondo
introduzione di Gabriele Nissim
GUERINI E ASSOCIATI

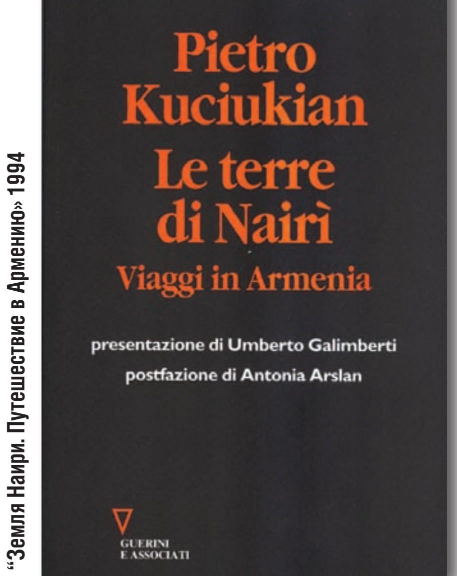
«Рассеянные. Путешествие по армянским общинам мира» 1998

ցույց, այս բոլոր երկրներում 1977-ից մինչև 1981 թվականը խումբս չեմպիոն դարձավ: Ամերիկայում չեմպիոն դարձավ ամերիկացին, ճապոնիայում՝ ճապոնացին, Ավստրիայում՝ ավստրիացին, Գերմանիայում՝ գերմանացին:

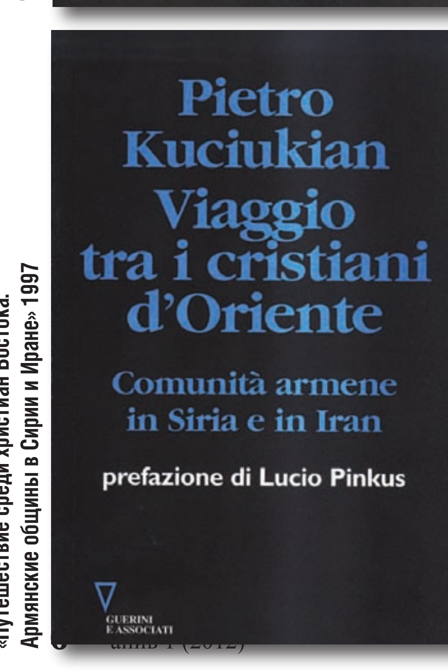
Ամերիկացին, օրինակ, 18 տարեկան էր, որ ես վերցրի: Իմ տանս մնաց մեկ տարի, կավակի պես: Շատ խելացի էր, բայց խենթ:

Ուրեմն, ես կազմակերպիչն էի: Գիտեին, ասենք, որ ապրիլի 10-ին մրցում կա Շվեդիայում, ապրիլի 20-ին՝ Ֆինլանդիայում, բոլորն էլ գիտեն: Բոլոր երկրներից գնում էին Շվեդիա, այն տեղը, որտեղ գիտեին: Իրենք ճանապարհին թուղթ կպահեին և այդկերպ ամսական կտային: Ես էլ օդանավով կերթայի, կամ մինչ այդ եթե մեծ քամիոնի (ավտոբուսի) մեջ կերթայի, մեխանիկները շատ մոտոցիկլետներով մեջը կերթայինք թրեյլերով: Հոն կհասնեինք, մրցում կանեինք և այդպես:

Բայց հետո ի՞նչ եղավ: Երբ այս մրցումները հաղթվեցին, այս ֆիրմայի տնօրենները մտածեցին, որ պետք է շատ ծախսեն մոտոցիկլետի համար: Նորմալ ֆիրմա էր, իսկ իրենք մեծացրեցին տաս անգամ և սննկացան: Մտածում էին, որ աշխարհի չեմպիոն են, իսկ ո՞վ գիտե, թե հետո ինչ կլինի: Սխալ արեցին: Ես մեկ տարի պահեցի խումբս: Պահեցի տասնհինգ հոգու առանց գործի, իմ դրամովս: Քուչիկյան ազգանունիս պատճառով «Քեյ քեյ թիմ» է կոչվում. բուն անձնական,

“Земля Наири. Путешествие в Армению» 1994

«Путешествие среди христиан Востока. Армянские общины в Сирии и Иране» 1997

ֆիրմայի հետ կապ չուներ:

Ֆիրման հազարներով մոտոցիկլետ էր արտադրում և ծախում: Սկսեց ծանր դառնալ ինձ համար, որովհետև նրանք, որոնք գնում էին այս մոտոցիկլետները, չէին կարողանում տանել Շվեդիա, Բելգիա, Ավստրիա և այլն: Ես էի կարողանում: Սկսեցին ինձ ստիպել, որ ծախեմ, սկսեցին ինձ կոնտրակտներ և դաշինքներ առաջարկել, իսկ ես դա չէի սիրում:

Չորս օր ատամնաբույժ էի աշխատում, իսկ երեք օր՝ մոտոյով: Գիշերը կգնայի ֆիրմա ժամը 8-ին, 1-ին էլ հետ կգայի: Առավոտյան նորից գործի կգնայի:

Գործը 82-ին փակվեց: Դրանից հետո սկսեցինք Աննա Մարիայի հետ մոտոյով ճամփորդել:

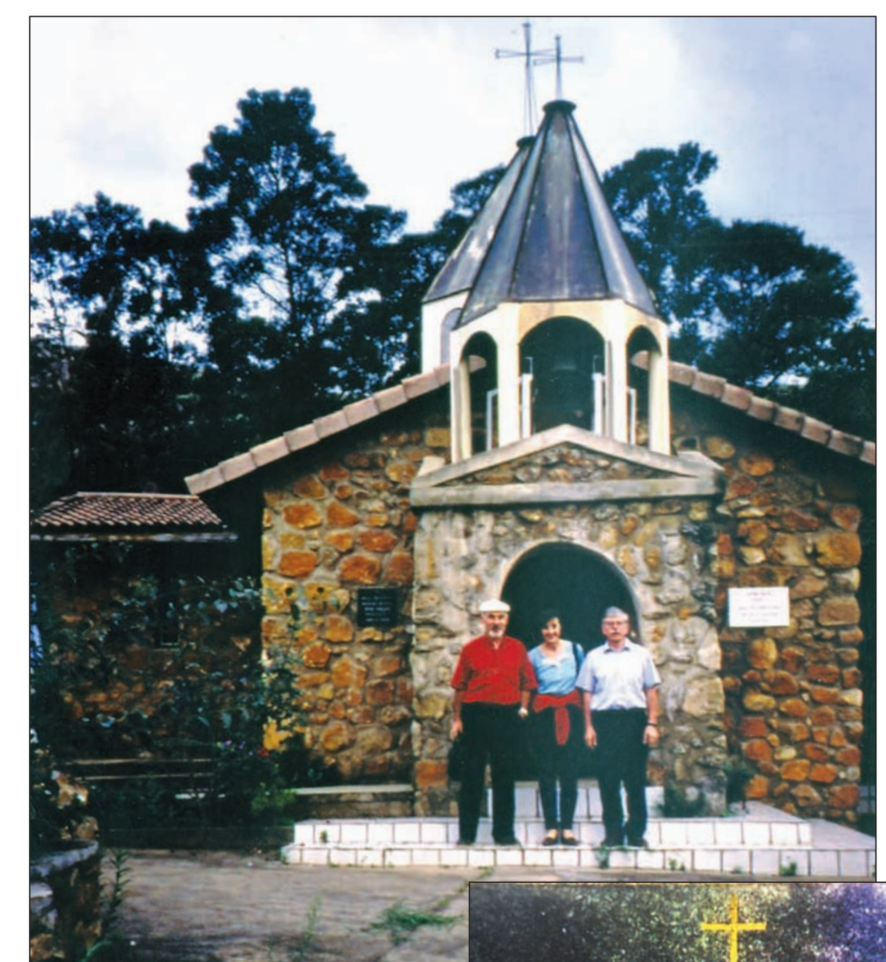
Ֆոտոլրագրող

Ես «Մոտոցիկլիստ» ամսագրի թղթակից և ֆոտոլրագրող էի 10 տարի: Տաս-քսան հազար նկար ունեմ: Ամսագիրը ամիսը մեկ անգամ է լույս տեսնում: Արդեն երթալու համար շատ չէին ուզում ծախսել: Այդպես ինձ ասացին, որ եթե ուզեմ, կարող եմ գրել թերթերի համար: Մինչ այդ, քանի որ ես կղեկավարեի այս խումբը, որ շատ զորավոր խումբ էր այն ժամանակ, ինձի ասացին, որ խնդրում են, որ ֆոտո անեմ և գրեմ: Ճանապարհի դրամ տվեց ֆիրման: Գիտեին, որ ֆիրման կվճարի, ինձ տալիս էին հոնորար, դրամ: Հետո արդեն ամեն ֆիրմաներն իմացան, որ ես այդ գործը կանեի, օրինակի համար «BMW»: Նրանք ինձ ասացին՝ կարո՞ղ եմ իրենց համար ռեպորտաժ անել: Իրենց հետ գնացի Մեքսիկա: Եվ «BMW»-ի մոտոյով, իհարկե:

Մատուռը Սվազիլենդում

Ուրեմն Յոհանեսբուրգից գնացինք այն տեղը, ուր մեծ պարկ կա, փիղ կա... Հիմա անունը չեմ հիշում: Այնտեղից ուզում էինք դեպի ծովը գնալ, և Սվազիլենդով պետք է անցնեինք: Տարօրինակ բան կար այնտեղ. կուլուսների թագավորը, որ հարյուր կին ունի, երկու հարյուր չգիտեմ ինչ:

Այնտեղ նոր տեղ էր, և ես վերցրեցի հեռախոսի գիրքը: Բայց K-ով կնայեմ՝ Կարապետյան, Կրիկորյան, չգիտեմ ինչ, կամ A-ով՝ Աբրահամյան... Մի խոսքով, կնայեմ անունները: A-ն էի նայում, տեսա՝ Հայկական մատուռ: Հասցեն կար: Ճանապարհը լավը չէր, ցեխոտ էր, բայց գնացի կիլոմետրերով, մինչև հասա այդ տեղը: Լուռ մտա: Երկաթե դուռը բաց էր: Հունվարի 1-ն էր դա: Ներս մտա, տուն մը կար, մեծ տուն էր, մարդ չկար: Ուրիշ դուռ տեսա, վերև բարձրացա և մտա: Պատուհանից նայեցի, այնտեղ Արարատ կար, դրոշ կար հայկական, դուրսն էր դրված դա: Մարդ չկար: Մի քիչ հետո մյուս կողմից վար իջա, նստեցի մատուռում... Լավ մատուռ էր: Գնացի զանգակատուն: Հետո վերադարձա այս տուն և գրություն գրեցի. «Սիրելի վարդապետ, ես հոս եմ, հունվարի 1-ն է, կուզեի ձեզ տեսնել, Դուք չկայիք, ես իմ հեռախոսի համարը կթողնեմ, եթե ուզում եք, զանգ տվեք»: Վերադարձա:

Армянская часовня в Свазиленде, в городе Мбабане

Այնտեղ խումբ կար, հավաքվեցան, տեսան, որ մենք եկել ենք: Սկսեցին հարցնել, թե ի՞նչ ենք անում այդտեղ: Հարցնում էին՝ ինչո՞ւ ենք խանգարում: Մի քիչ էլ գինովցած էին, հունվարի 1-ն էր, չէ՞: Նրանք ասում էին, որ այդ տան տերն ամեն ինչը կփրկե:

Նրանք ասում էին, որ այդ մարդն իրենց համար շատ բան է արել, նույնիսկ ամուսնություններ է անում, հիվանդ եթե կա, կփրկե, իրենց համար սուրբ է: Իրենք քրիստոնյա չեն: Ասացին նաև, որ

սուպերմարկետ ունի: Զարմացա: Հետո գնացինք Ըմբաբանե: Վերադարձա տասնիհինգ օր հետո: Հեռաձայնեց նա, ասաց, որ ինքը այսինչյանն է, ես իրեն նամակ եմ գրել: Ես ասացի. «Աա՜, վարդապետ»: «Ի՞նչ վարդապետ, ես իսկի էլ եկեղեցական չեմ, ես վաճառական եմ, սուպերմարկետ ունեմ»: Ես էլ հարցրեցի՝ «Բա՞ մատուռը, որ կա»: Պատասխանեց. «Մատուռը շինեցի, երբ մամաս մեռավ: Զանգակատունն էլ՝ երբ պապաս մեռավ»: Հունաստանի հայ էր: Երբ Էջմիածին գնացի, Գարեգին Բ-ին ասացի, որ Սվազիլենդում մատուռ ունենք, և անունն ու հասցեն տվեցի, բայց չգիտեմ, թե ինչ եղավ:

Ճապոնիա

Ճապոնական մոտոցիկլիստների պետական խումբն ինձ հրավիրեց, որպեսզի դաս տամ, սովորեցնեմ Yamaha–ի վարորդներին: Բայց ի՞նչ կուզեին: Կուզեին իմանալ, թե ինչո՞ւ այն չէր աշխատում: Ես իմ պիլոտի (վարորդի)՝ բելգիացի Պիեռ Շրայբերի հետ գնացի այնտեղ: Գնացի հոն և դաս տվեցի այդ ապուշներին: Չէին կարողանում լավ շարժել մոտոցիկլետը: Ինչևէ, վերջացրեցինք, դասերը տվեցինք չեմպիոնների, և ես էի շինում, թե ուր պետք է գնալ, ուր՝ չէ. մասնավոր ճանապարհները: Մի հատ էլ ճանապարհ շինեցի, որ ոչ ոք չանցավ: Հիմա Ճապոնիայում դա կա: Կոչվում է Քուչիկյան ճանապարհ, Իվատայի մոտ է:

Մեկ ցույց տվեցին Yamaha ֆիրման: Տարօրինակ շղթա կա, շղթա կասվի, որ մոտոցիկլետը կշինեն՝ կոնվեեր: Դրա վերջավորությունը գրված էր 1205, հետո, երբ նոր մոտոցիկլետ պետք է շինվեր՝ 1206: Հետո՝ 1207, հետո՝ 1208: Բոլորը կգոռային՝«Աա՜» որ այդքան հասած է: Այսօր հասած է 1207-ի, որպեսզի ավելի աշխատեցնեն: Եվ մեկի ի՞նչ տված են՝ ինձ և Պիեռ Շրայբերին: Գլխարկ, որ մեկ մետր բարձր էր՝ կարտոնով շինված: Որպեսզի տեսնեին, թե ուր կերթայինք:

Հետո վերջին օրը քսան ինժեներ մեծ սրահում, ես ու Պիեռն էլ էինք, մեր առջև մեծ էկրան էր դրված, թարգմանիչ էլ կար, մեկ հարցրեցին, թե ի՞նչ կմտածենք ապագայի համար, ի՞նչ պետք է լինեն այդ մոտոցիկլետները: Նայեցի Պիեռին, համաձայնվեց և սկսեցինք գրել և մոտոցիկլետ շինեցինք, անիվները սրանք են, չէ՞, ամեն սիստեմ մը մշակեցինք, որ կարող են մոտենալ անիվները, ծիծաղելու համար արեցինք: Մեջը սպրինգ (կսպակ), բաներ դրեցինք, ասացինք, որ այսչափ կարող են մոտեցնել և հեռացնել անիվները: Կես ժամ տևեց, հետո բոլորը ելան և գնացին. հասկացան, որ կծիծաղեինք:

Անապատ

Շատ բաներ կան հետաքրքիր, ո՞ր մեկը պատմեմ: Մի անգամ, օրինակի համար, գնացինք Թունիս: Ուկում էինք Սահարա անապատ հասնել մոտոցիկլետով, ես, ուրեմն, ետևում մեծ քանակությամբ ջուր էի վերցրել՝ պլաստիկ շշերով, դժբախտաբար: Բայց երբ հասանք գյուղ մը, որտեղից սկսում էր անապատը, մեկ ոստիկանությունը կանգնեցրեց: Ասացին, որ իրենք չեն կարող մեկ թողնել, որ գնանք, որովհետև կմեռնեք: Ասացին, որ իրենք հոգնած են, որպեսզի երկար ժամանակ մեռածներ փնտրեն անապատի մեջ: Ասացին, որ կարող ենք գնալ մինչև այնտեղ, որտեղ որևէ ջիփ կհասնի. «Եթե ադոր հասնի, դուք կարող եք հետևել»: Ասացի՝ եղավ, մենք կսպասենք: Սպասեցինք 2 օր, հետո ջիփ մը անցավ, ոստիկանությունից ինձ ասացին, որ գնանք դրա հետևից: Այսպես տարօրինակ մեկը՝ իսլամ, կվակեր, շատ

На борту гоночного автомобиля «Мерседес» на трассе международного автодрома в Мизано (Италия)

Пьетро Кучюкян демонстрирует внедорожный спортивный мотоцикл SWM, изготовленный им самим с использованием специальной рамы

Թիֆլիսից Հայաստան

Ուրիշ բան էլ եղավ հետաքրքիր: Երբ հասա Թիֆլիս մոտոցիկլետով, կռիվ էր այնտեղ: Հետո ավերինների գյուղեր կային անտեղ՝ սահմանի վրա, հայկական սահմանին մոտիկ: Անունները չեմ հիշում:

Այնտեղ մնում էի «Ինտուրիստ» հյուրանոցում: Դուրս եկան անոնք, որ դրամ կփոխեին, ես վար իջա և ասացի, որ ցանկություն ունեմ Հայաստան գնալու Թիֆլիսից: Ասացի, որ փող էլ կտամ դրա համար: Եվ սկսեցին իրար մեջ խոսել: Հետո ասացին. «Շատ լավ, վաղն առավոտյան ժամը 9-ին իջեք»: Մեկին պետք է գտնեին: Առավոտյան իջա, այնտեղ մեկը կար, առանց ակռայի, խոշոր, մորուքով: Նա ասաց, որ ինքն ինձ կտանի: Մարիային ասացի՝ ես ասո՞ր հետ կերթամ: Ասաց, որ ինքը չի գնա: Հայերեն էր խոսում, հրեա էր, հոս տեղին հրեական նշան ուներ:

Նա էլ ասաց. «Ինձի նայի՛ր. ես հրեա եմ, պետք է ինձ հավատաս, որովհետև ես Հավլաբարում եմ բնակվում հայերի հետ և հայերեն խոսում եմ: Ես քեզի տանում եմ»:

Սկսեցինք գնալ «Ժիգուլիով»: Ուրեմն ի՞նչ կաներ այս խենթը: Ճանապարհը բավական լայն է, և, ուրեմն, կգնայինք: Երբ ճանապարհի վրա 2 մեքենա էին, արագ կվավեր: Վերջ ի վերջո դժվարությամբ կհետևեի, բայց ի՞նչ կլիներ. երբեմն անապատում շատ տարբեր կացություններ կան, ուրեմն, Ֆեշ-ֆեշ մտանք:

Ֆեշ-ֆեշն ի՞նչ է: Ուրեմն, տակը քար կա: Այդ քարը ծակ ունի, բայց ճանապարհի մեջտեղում է, ճանապարհին ի՞նչ կլինի: Ավազը հովով կգա և այդ ծակերը կփակե, և դու ամեն ինչ տափակ կտեսնես, բայց երբ անցնես արագութամբ, փոսի մեջ կընկնես առջևի անիվով, և բո՛ւմ: Դրան Ֆեշ-ֆեշ կասեն: Բավական խորը փոս է: Շատ խորը, բայց չես տեսնի, մոտ մեկ մետր կլինի:

Ես արդեն տեսնելով կկգայի, որ բան մը կա, բայց դիմացինս անընդհատ ասում էր՝ պատրա՜ստ ես, պատրա՜ստ ես, նետվի՛ր: Բո՛ւմ: Կնետվեր ինքը: Դուրսը կնայեի ես: Այսպես 200 կմ գնացինք Սահարայով: Ջուրը կտրվեցավ, որ գործում էր ամեն մի ժամում 1 լիտր ջուր, իսկ սրանք կանցնեին, չես հասկանում, թե ինչպես: 52-53 աստիճան շոգ էր:

Մտքումս ջուր կուլեի, հետո էլի ջուր: Այդ իսլամը կուշտ էր: Տեսնում էր, որ ես գնում էի, չէր սպասում՝ ինձի հակառակ: Մինչև որ հասանք օազիս: Նա գիտեր, որ քրիստոնյա էի, երբ հասանք, ասաց՝ բրավո՛: Սիգարետ մը տվավ ինձի: Ես էլ սիգարետը չկարողացա բռնել, անչափ հոգնել էի, բայց ասացի. «Ինձ լավ է, ես քրիստոնյա եմ»:

Ամեն տեղ արյուն էր: Մոտոցիկլետը ցիլինդր ունի, վրան կտպեի...

PIERO KUCIUKIAN
TRIAL
E MOTOALPINISMO
COLLABORAZIONE DI SILVANO PIACENTINI
NUOVA EDIZIONE COMPLETAMENTE RIVEDUTA
GLI SPORT/LONGANESI & C.

«Триал и мотоальпинизм» 1986

В училище Мурат-Рафаэлян в 1953 году

նա այստեղ կանգներ, որպեսզի ժամանակ խնայե: Մեկ անգամ կեցավ միայն: Շատ արագ կերթար, հիմա՝ դանդաղ: Թուրքերն արդեն սահման դրած էին կանաչ դրոշներով: Պատուհանը բացեց և ասաց. «Հիմա ասենք այդ թուրքերին: Ես դանդաղ կանցնեմ, թող տեսնեն, որ դանդաղ եմ անցնում»: Եվ մեկը չկանգնեցրեց, մինչև որ հասանք բլուր մը: Այնտեղ նա կանգնեց և ասաց, որ այդտեղ արդեն իմ երկիրն է, և ես պետք է իջնեմ ու գնամ համբուրեմ երկիրս: Ես իջա և համբուրեցի: Մինչ այդ մարդիկ եկան: Բավական ցուրտ էր, բայց եկան: Էվլու կկոչվեր՝ Ռիվանո: Մարդիկ էլ սկսեցին գալ, հողին վրա գալ:

Ասում էին, որ հայ են՝ Ադրբեջանեն եկած այդտեղ: Խնդրեցին, որ իրենց նկարեմ, ես էլ նկարեցի: Այնտեղի ուսուցիչ կար, մեծավոր, իրենց հետ էր: Նա ասաց, որ իրենց ուղարկեմ նկարները: Ասացի՝ շատ լավ: Գնացինք Ստեփանավան, հետո վերադարձանք այդ մարդու հետ: Հետո սկսեցինք բարեկամանալ: Նա պատմեց, որ ինքը բանտում է եղել Սիբիրում, որովհետև մարդ է սպանել: Վա՜յ: Բայց այնտեղ կին էր գտել, որը նույնպես մարդասպան էր, և միացել էին ու ամուսնացել: Հիմա դու օտարի մասին շատ բան կդատես, բայց ասելուց առաջ ես քնած էի, ինքը ճանապարհը կտրել և դեպի Ադրբեջան էր գնում: Նա էլ շատ վգույշ էր: Ասում էր՝ նայի՛ր, կեցի՛ր: Նայեցի և ասացի, որ ախր ճանապարհը սխալ է, նա էլ վերադարձավ:

Երկու գյուղ

Մեկ տարի հետո ես որոշեցի գնալ Էվլու: Նաև տեսնեմ, թե ի՞նչ եղավ այդ մարդկանց հետ: Ես այն նկարը, որ նկարել էի, փոստով ուղարկել էի նրանց: Գնացի, իմանամ այդ նկարը հասել է, թե՞ ոչ: Այնտեղ ասացին, որ միայն ուսուցիչը կարող է ասել՝ հասել է նկարը, թե՞ ոչ: Գնացի ուսուցչի մոտ, նա ասաց, որ նկարը ստացել են և ներողություն խնդրեց, որ դեռ չի բացել: Հարցրեցի, թե ինչպե՞ս է, որ այնտեղ է, ի՞նչ է եղել:

Պատմեց, որ նրանք հայկական գյուղ ունեին Ադրբեջանի մեջ: 1988-89 թվին, արդեն սկսեց վիճակը վատանալ: Գնացքով գնացել է Երևան և ասել՝ ո՞րն է թուրքական գյուղը, Ադրբեջանեն ամենահեռուն: Կրնան ասել, որ Կալինինոն, դա գյուղ մըն է: «Պետք է գնամ այնտեղ, գյուղապետ է, ինչ է, նրա մոտ գնամ: Ես 6 ամիս հոս պառկել եմ: Ինքը հոն տեղ կպառկեր, մեր գյուղում»: Հետո համաձայնել են փոխել տները, նա ասել է, որ թուրքերը գնան Ադրբեջան, հայերը գան հոս: Ամբողջ գյուղը՝ հապարավոր թուրքեր, ավտոբուսներով գնացին այդ հայկական գյուղը Ադրբեջանում, իսկ հայերը եկան այս գյուղ:

Բայց ասացի, որ ես տեսել եմ, որ գերեկման կա իսլամական, և լավ է, ոչինչ չարեցին, նորմալ է, մենք կպահենք: Իսկ մենք այնտեղ եկեղեցի ունենք, և նրանք էլ են ասում, որ կա եկեղեցին, բայց նաև իմացանք, որ այն կուգարան է դարձել, բաղնիք և այլն:

Մուրադ-Ռաֆայելյան վարժարան

Վարժարանին դիպլոմը շատ կարևոր է, որովհետև ընդունված էր աշխարհի բոլոր համալսարաններում: Դժբախտաբար, մտածում եմ, որ Մուրադ-Ռաֆայելյան վարժարանին մակարդակն իջավ, որովհետև հայաստանցի տղաները եկան: Կարծում եմ, որ դրա համար իջավ, որովհետև գողցան, բաներ արեցին, դուրսը բռնեցին: Հիմա լավ չեմ հիշում, բայց գիտեմ, որ պրոբլեմ կար: Սովետական Միության ժամանակներն էին, չգիտեմ, թե ով էր գալիս, բայց դրա համար չփակվեց: Փակվեց, որովհետև ֆինանս չկար, փող չկար:

Տարօրինակ մի բան: Չգիտեմ ուրիշ տեղ ինչպես է, բայց որպեսզի Իտալիայում վերջին քննությունդ անցնես, պետք է հսկիչ գար Հռոմից: Իսկ Վենետիկում հսկիչ չկար, ամենը վարդապետի ձեռքն էր: Միակ ինստիտուտն էր Իտալիայում, որ հսկիչ չուներ Հռոմից, դիպլոմ ստանալու համար կառավարական հսկողություն չկար: Հայ վարդապետներն էին հսկում:

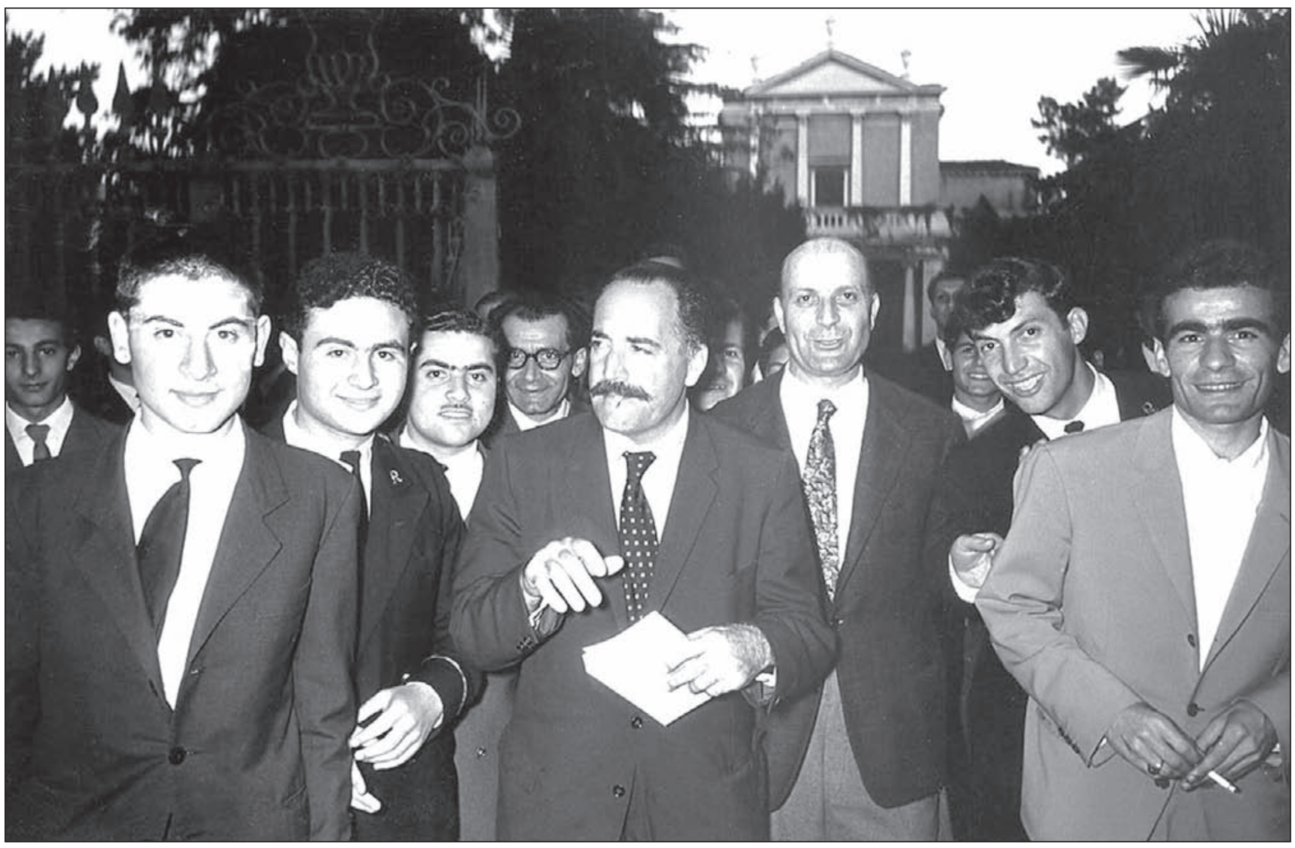
Սովորում էին միայն տղաներ: Ուսման համար կվճարեին: Կային նաև ձրի, որ բարերար ունեին, կային, որ ընտանիքն էր վճարում:

Սուրբ Ղազարոս գնում էինք մի անգամ Զատիկին, և այն ատեն վերջին դասարաններում գինի էլ կտային մեզ:

Իտալացիների հետ չկար հարաբերություն: Երբեմն ֆուտբոլ կխաղայինք ուրիշ վարժարանների տարածքներում, բայց տարին մեկ-երկու անգամ: Չէինք կարող դուրս ելնել: Դուրս էինք գալիս միայն կիրակի օրը երկու ժամով: Գնում էինք համազգեստով, կպտտեինք ու կվերադառնայինք: Բայց վերջ ի վերջո բան մը մտածեցինք. երբ կիրակի գնում էին հաղորդության, դրանից առաջ անպայման էր խոստովանության գնալը, ուրեմն, կասեինք, որ ամոթ է, և մենք չենք կարող ձեզ հետ հաղորդության մասնակցել՝ առանց խոստովանության, քանի որ գաղտնիքներ ունենք: Ուրեմն պետք է հրաման տրվի, որ գոնե շաբաթ օրը կեսօրից հետո

Преподаватели и учащиеся «Мурат-Рафаэлян» в Венеции в 1956 году (восьмой слева в предпоследнем по высоте ряду – Пьетро Кучюкян)

Учащиеся «Мурат-Рафаэлян» вместе с американским писателем Уильямом Сарояном (крайний слева - Пьетро Кучюкян)

գնանք դուրս խոստովանվելու իտալացի վարդապետներուն հետ: Վերջապես հրամանը տվեցին: Մենք էլ կինո էին գնում:

Ուսանողների մեջ բոլորն առաքելական էին: Մխիթարյաններն էլ, ճիշտն ասած, տարբերություն չէին դնում: Ես էի կաթոլիկ միայն: Հին ատենե հինգ հարյուր տարի ընտանիքս կաթոլիկ է եղել: Հայրերս Սեբաստիայից են: Երբ ֆրանկներն այնտեղ են գնացել, այդ ժամանակվանից էլ կաթոլիկ ենք:

Մեկ համար վարժարանի ներսում եկեղեցի մը կար: Գրադարանը շատ լավն էր, լավ կահավորված էր: Եվ կենդանիներով, քարերով թանգարանի նման: Կրոն որպես դաս չկար, բայց կար կրոնի պաշտպանություն, մասնավոր լեկուներով կտային, շաբաթը 3 անգամ, որովհետև գրեթե ամենքն էլ կգային իսլամական երկրներից, ուրեմն պետք է կարողանային քրիստոնյա կրոնը պաշտպանել: Ֆրասերենի դասախոսը ֆրասիացի էր գալիս, անգլերենն՝ անգլիացի, իտալերենն՝ իտալացի: Անցնում էինք անգլերեն, ֆրանսերեն, իտալերեն, լատիներեն, հայերեն, գրաբար: Բավական լուրջ կրթություն էր: 18 առարկա էր: Նույնիսկ դիվայն կար՝ արվեստական և ինժեներական: Կոմպուտիստերիա էր նշանակված, որ նշականում է՝ հաշիվ պահել, դրամի սիստեմով: Գիտեին, որ հայերը վաճառական էին, առևտրի սիստեմը կար: Ֆիզիկա, մաթեմատիկա, քիմիա: Ես շատ լավ էի մաթեմատիկայից: Իտալացի էր սովորեցնողը, ձրի կերպով, որովհետև իր հայրը շատ բարեկամ էր հայերի հետ: Ինձ համար աբռնեմենտ էր արել ֆրանսիական ընկերության հետ, որ ամեն ամիս մաթեմատիկայի խնդիրով կգային, և եթե կարողանայիր լուծել, ապա դրամ մը կուտային: Մրցումի պես բան էր: Ես կանեի միշտ այդպիսի բան և կհաղթեի:

Երբ վերջին քննությունը եղավ, ես փիլիսոփայությունից բան չէի հասկանում (և փիլիսոփայի հետ ամուսնացա, բան չէի հասկանում), որովհետև հայերեն էր քննությունը, իսկ գիրքն իտալերեն էր: Չէի հասկանում, շատ դժվար բան էր: Աշակերտներով դաշինք արեցինք, և ես ասացի, որ մաթեմատիկան ես կանեմ բոլորիդ համար, իսկ դուք ինձ օգնեք փիլիսոփայության հարցում: Մաթեմատիկայից լավ էի, ամենուն գրեցի, իսկ փիլիսոփայությունը բանավոր էր: Դասախոսները գիտեին, որ ես ամենից շատ լավ էի, բացի փիլիսոփայությունից: Վերջը ինձ «6» դրեցին (10 բալով էր գնահատումը). բոլորն օգնել էին:

Ուրեմն խոհանոցում սկզբում մայրապետներ կային, հետո գնացին, սինյոր Պլաչիդոն եկավ խոհանոց: Շատ լավ կերակուր էին պատրաստում: Կերակուրը հերիք էր, նորմալ էր: Տարօրինակ էր. ամեն օր ժամը 4-ին խնձոր և շոկոլադ էինք ուտում:

Ես բոլորից փոքր էի: Ապրիլի 1-ին միշտ կատակ կանեինք: Օր մը բարձր դասարաններում աթոռ չկար, սեղան չկար: Պարզվեց, որ մեծերն ամեն ինչը տանիքի վրա դրած էին: Այդտեղ՝ ծեծ: Կբռնեին և կասեին՝ դիր ձեռքդ: Եվ փայտով խփում էին: Մենք սպասում էինք, հենց խփում էին, փախցնում էիք ձեռքերը: Վերջ ի վերջո դասատուն էլ կխնդար:

Սկզբում ես երգչախումբի անդամ էի, և ամեն 6 օրը մեկ երեկոյան երգում էինք: Խումբ մը կար մեծերի, մեկն էլ կար դաշնակահար, կլոր էին հավաքվում, մեջտեղում ապատ էր մնում, և ես քնում էի. ինձի կպաշտպանեին մյուս աշակերտները: Ես գետնին կքնանայի, իրենք կշրջեին ինձի ծածկելով, և ես չէի երգում 1-2

◄ В училище Мурат-Рафаэлян. 1956 год

На площади Сан-Марко в Венеции в пору учебы. 1958 год

Группа учеников училища Мурат-Рафаэлян на острове Сурб Газар (с цветами в руках – Пьетро Кучюкян)

տարի: Չբռնվեցի, բայց գուցե գիտեր դասատուն:

Հետո սինյոր Ստեֆանո Չենեդեկեն, որ հսկիչ էր, ուրբաթ կեսօրից հետո չկար երբեք: Ազատ օր էր, նա էլ գնում էր: Ճանապարհը երկար էր, կամուրջով ոտքով կգնար, իբրև թե իր ազգականին քով, որպեսզի ձուկ ուտեր: Բայց հետո իմացանք, որ նա գնում էր ձուկ ուտելու կնոջ հետ: Ամեն ուրբաթ կերթար: Ինքն ամուսնացած չէր:

Ուսուցիչներ

Հայր Սահակ Տեր-Մովսեսյան կար, պատմագետ էր, շատ ծեր՝ 90-նն անց էր, Մխիթարյան էր: Գալիս էր դաս տալու, աչքերը փակում էր և պատմում պատմությունը: Մի անգամ կամաց-կամաց բոլորս դուրս եկանք, դուրս գացինք պարտեզ ման գալու: Իսկ ինքը մնաց՝ մեկ ժամ պատմելով: Հետո որ արթնացավ, պարմացավ, բայց բարի մարդ էր:

Ամենաչար տղան կար՝ Ղազարոսը, որ միշտ ամենուն կծեծեր, ինձ էլ է ծեծել, այս Հայր Սահակի մոտ հրեշտակ կդառնար: Կերթար առավոտը գուլպա կդներ, որովհետև շատ ծեր էր: Այն օրերին էլ, երբ Վենետիկում ջուրը բարձրանում էր, ինքը՝ Ղազարոսը, որ Հունաստանից էր, մեկ անիվով սայլակի մեջ էր նստեցնում Հայր Սահակին ու տանում, որ ջրի մեջ չընկնի:

Հայր Սահակը միշտ հայ ընտանիքներին հյուր էր գնում: Մեկ էլ այդպես գիշերով գնում է ու ընկնում ջուրը, մահանում: Խեղդվեցավ: Ղազարոսը կուլար, կուլար:

Հայր Եղիա Պեչիկյան կար, որ տեսուչ էր այն ատեն, շատ հայասեր էր: Նա մշտապես կապեր ուներ ոստիկանության հետ: Երբ հայերը կգային՝ գաղթողները և այլն, միշտ անձնագիր կտար այս հայերուն, որ այստեղից գնում էին Ամերիկա, Ֆրանսիա և այլն: Շատ էր օգնում հայերին: Ինքն էր, որ կրոնքի պաշտպանություն դասը կտար:

Հայր Եղիան էլ բավական սիրում էր մեզ: Ես լացում էի, գնում ցուրտ պարտեզում նստում, նա գալիս էր և ասում՝ գնա՛, գնա՛ ման արի, որ չսառես:

Աղի կերակուրս

Ինչպես ասացի, այնտեղ 110 հոգի կային հայ, որ ամբողջ աշխարհից էին Վենետիկի Մուրադ-Ռաֆայելյանում՝ Թուրքիայից, Սիրիայից, Հորդանանից, Պարսկաստանից, Եգիպտոսից, Մեքսիկայից և միայն 3 հոգի Իտալիայից: Ես էլ հայերեն չգիտեի, մինչև 12 տարեկան չգիտեի նույնիսկ, որ հայ էի: Դասատուներն արգելել էին ինձ հետ իտալերեն խոսել: Կծեծեին. փայտ կար, որ մատերին կխփեին, մենք էլ կփախցնեինք մատերը: Շատ խիստ էր, կիսապինվորական էր, անգամ պինվորականի հագուստ էինք հագնում: Ուրեմն, ես երեք տարի լացեցի: Գիշերը կուլայի, առավոտը կուլայի, միշտ կուլայի:

Խենթացա. մենակս, բոլորն օտարներ են, լեզուն չգիտեի, 12 տարեկան էի: Ինչ որ ուտում էի այն ժամանակ, ամենը աղի էր, չգիտեմ ինչու: Ամեն 3 ամիսը մեկ տուն էի գնում, իսկ այնտեղ աղի չէր: Չէի հասկանում, թե ինչ էր: Իմ արտասունքներ էին, որ մեջն էր գնում և աղի դարձնում կերակուրս: Սկսեցին ուրիշ աշակերտներն էլ լալ: Մեկը Սիրիայից էր, մեկը՝ Մեքսիկայից, հինգ տարի է, որ տուն չէին երթա, մինչև որ տնօրենն ասաց, որ այլևս նման ձևով չի կարելի: Կանչեց մորս ու հորս և ասաց, որ այս տղային պետք է տուն վերադարձնել, կմեռնի այստեղ: Եկան, որ ինձ հետ տանեն,

պայուսակներով, բաներով, բայց ես ասացի. «Ո՛չ, դուք բերել եք ինձ այստեղ, ուրեմն պետք է մնամ այստեղ»: Եվ մնացի:

Բայց շարունակեցի լալ: Չգնացի, որովհետև կուլեի պատժել ծնողներիս: Բերել էին, ասացի, որ կուլամ, բայց կմնամ: Մնացի, մինչև որ ավարտեցի: Առաջին տարին, որ հոն էի, 12 հոգի էին դասարանում: Երբ լրացավ առաջին տարին, ես մենակս մնացի, 11 հոգի վռնդվեցան, բոլորը Թուրքիայից էին: Ինձ ասացին, որ ես պետք է մեկ դասարան առաջ կամ հետ գնամ, ես էլ ասացի, որ ուզում եմ առաջ գնալ: Հայրս եկավ, ասաց, որ հետ գնամ, որ ավելի լավ հայերեն սովորեմ:

Սկզբում ամենը հայերեն էր: Միայն կար իտալերեն լեզուն և գրականություն, ֆրանսերեն կար, անգլերեն կար, իսկ մյուս նյութերը՝ հայկական պատմություն, գրաբար, կրոնի պաշտպանություն, հայերեն էին: 18 տեսակ առարկա ունեինք:

Երբ նամակ էի գրում, ստուգում էին իմ նամակները: Ցենզուրա էր, որովհետև ուզում էին իմանալ՝ ի՞նչ ենք մտածում, բայց ես շտամպին տակ կգրեի, օրինակ. «Քիչ մը շոկոլադ ուղարկիր», բայց դա էլ էին կարդում: Ապուշություն:

Համալսարան

Երբ ավարտեցի, փող չկար այլևս, մնացի վարժարանում՝ իբրև մաթեմատիկայի դասախոս, որովհետև շատ լավ էի մաթեմատիկայից, առաջինն էի: 3 տարի մնացի, իրենք այնտեղ կերարկուր կտային: Ամեն օր առավոտյան 5-ին էի կարթնում, Պադովա կերթայի, բժշկական համալսարան, միայն այնտեղ կար, ուրիշ տեղ չկար: Սովորում էի և աշխատում:

Պադովա 40 կիլոմետր հեռու էր, բայց գնացքով էի գնում-գալիս: Սկզբում ավտոբուսով էի գնում, հետո արդեն՝ մոտոցիկլետով: Երկու տարի այդպես կգնայի: Հետո շատ դժվար էր, որովհետև բժշկության շատ դժվար դասեր կային և այլն: Արդեն սկսեցի Պադովայում մնալ, մինչև որ վերջացրեցի: Վեց տարի է բժշկականում սովորելը մեկ մոտ, 6-րդ տարվա հունիսին վերջացրեցի: Վեց հարյուր հոգուց երեք հոգի էինք, որ կարողացանք վերջացնել: Պադովայի բժշկական համալսարանը, կարծեմ, Եվրոպայի ամենահին համալսարանն է կամ ամենահիններից է, և ամենանշանավորն է: Դրանից հետո, ես արդեն սկսել էի օգնել հորս, թոքերի մեջ ասեղ էի կարողանում դնել և այլն, և այլն: Հայրս հարցրեց. «Ուզո՞ւմ ես բժիշկ դառնալ, որին գիշերը 12-ին, 1-ին արթնացնում են: Ավելի լավ է ատամնաբուժ դառնաս, շաբաթ օրերը ատամնաբուժարանը կփակես և կհանգստանաս»: Հետո ասաց, որ հեշտ է, ինքն ինձ կսովորեցնի: Համոզեց:

Ատամնաբուժություն

Տասը տարի առաջ նոր հասկացա, թե ինչու ես ատամնաբույժ դարձա:

Ուրեմն հետ գնանք 1911 թվական: Հորս մայրը թոքերի հիվանդ էր, հայրս տեսավ իր մոր մահանալը, այնտեղ էր, համբուրեց և այլն, և այլն: Նրա մայրը երեք բան ասաց մեռնելուց առաջ՝ կզգուշանա քաղաքականությունից, կարտ (թուղթ) խաղալուց և կանանցից, և մեռավ: Անոր համար ինքը եկավ Իտալիա, երբ 12 տարեկան էր, ինքը դպրոցում այնչափ լավ չէր, սակայն լավագույն երեք ուսանողներին Մխիթարյան վարժարանը Ստամբուլից

Дед по отцу Андон Кучюкян (Стамбул)

Отец, Игнадиос Кучюкян в пятилетнем возрасте (Стамбул)

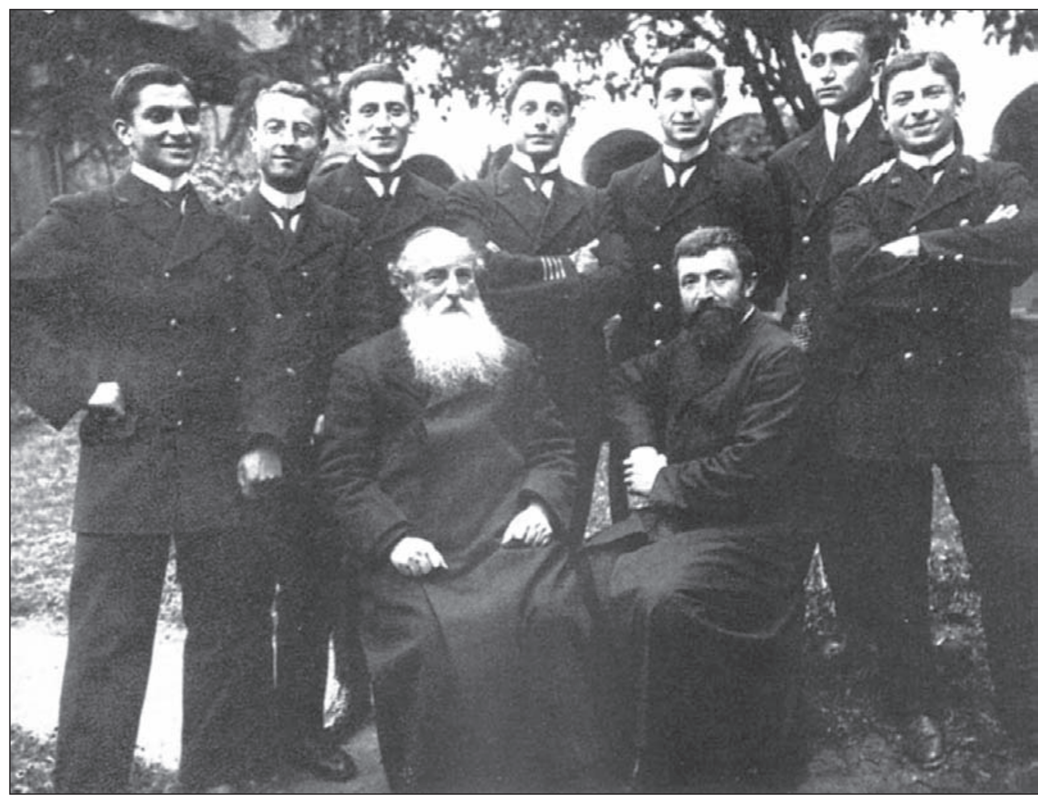

Бабушка Шушан Кёсеян-Кучюкян (Стамбул)

տեղափոխում էր Վենետիկ, և ինքը իշու պես աշխատեց, մինչև որ կարողացավ երկրորդ դառնալ և եկավ Իտալիա: Նրա հայրը ամուսնացած էր նրա մոր քրոջ հետ, որին հայրս չէր սիրում, ուստի գնաց: Հետո դարձավ թոքաբան:

Բայց ի՞նչ հասակացա ես: Երբ ես 7 տարեկան էի, եղբայրս ու կուփինս (պարմուհի), հեծանիվ էին քշում, ինձնից ավելի մեծ էին: Ես էլ էի ուզում հեծանիվ գործածել, բայց ես հեծանիվ չունեի և մորս հեծանիվը վերցրեցի: Որպեսզի անիվի աղմուկն էլ լինի՝ տա-տա-տա-տա, անիվների վրա կարտ էինք դնում, իսկ քանի որ ես ավելի խելացի եմ, ապա 4 հատ կարտ դրեցի, բայց այդ ժամանակ տոռմուկը (արգելակ) հանեցի: Ամեն օր մայրս հորս համար կերակուր էր տանում իր աշխատանքի վայր: Այդ հիվանդանոցը բլուրի մը վրա էր: Նա ոտքով բարձրանում էր, իսկ կերակուրը տալուց հետո՝ վար իջնելուց, արդեն հեծանիվի վրա կիջներ: Բլուրի տակը երկաթե դուռ մը կար, որ միշտ բաց էր, իսկ այդ օրը փակ էր, ինքը վար իջավ, պարկավ այդ դռանը, և

Отец, Игнатиос Кучюкян (крайний справа) в училище Мурат-Рафаэлян

բոլոր ատամները կոտրվեցան: Եկավ տուն արյունոտ: Ես էլ մտածեցի, որ իմ հանցանքն է, և ատամնաբույժ դարձա:

Մայրս իմացել էր, որ ես եմ հանել տոռմուկները: Ընդհանրապես ինձ կծեծեին, բայց այդ անգամ չծեծեցին: Ութ ատամ հանեցին: Հետո պրոտեզ դրեցին: Երբ մայրս 80 տարեկան էր, ես որոշեցի նրա համար նոր պրոտեզ շինել, բայց չկարողացա: Չորս անգամ փորձեցի, բայց լավ չէր ստացվում: Հիշում էի, ինչպիսին էին ատամները, երբ ես 7 տարեկան էի, և ցանկանում էի նույնը շինել: Չկարողացա: Ատամնաբույժ ընկեր ունեի, խնդրեցի, որ նա սարքի:

Հետո բժշկություն արեցի երեք տարի Միլանում: Սկզբում գնացի Փարիզ, հետո՝ Վիեննա, որովհետև լավ դպրոց ուզում էի ունենալ, բայց ինձ ամենն ասացին, որ Միլանում ամենալավն է: Այն ժամանակ ատամնաբուժության համար ամենալավն էր, հիմա՝ չէ: Այն ժամանակ Ամերիկայեն էլ կուգային Միլան: Մինչ այդ ես սովոր էի վանքում մնալ: Իմ տնօրենը հարցնում էր, թե որտեղ կապրեմ, ես նորեն ասում էի, որ վանքի մը մեջ: Երկու տարի մնացի: Հիմա ես կլինիկա ունեմ հոս:

Կլինիկա

Ինձ ասում էր, որ գնամ կլինիկա, սովորեմ այնտեղ, առաջինը մասնագիտությունն է, կես տարուց հետո ինքը կտեղափոխվի Միլանի կենտրոն, իսկ եթե հաճախորդ գա կամ հեռաձայնի, ես իրեն մոտ ուղարկեմ: Ես այսպես էի երկու տարի: Հետո ինձ ասաց, որ քանի հոգի կան, որ նախընտրում են այստեղ մնալ՝ կենտրոնից հեռու, ասաց, որ տուն առնեմ, ես էլ ասացի, որ շատ լավ: Այդպես սկսեցինք: Ինքը նվիրեց ինձ կլինիկան: Կողքին հյուպատոսարան կա, նույն շենքն է:

Այդ մարդը իտալացի էր, անունը՝ Կարլո Սանչես: Այս տարի մեռավ: Ես իր վիլլա գնացի, իր մոտ մնացի: Բարի մարդ էր: Նրա նվերից հետո բավական շահեցա, սկսեցի լավ ապրել: Հարուստ չէ, բայց լավ: Այդ ժամանակ մոռացա հայ լինելս: Նորից իտալացի դարձա, ինչպես որ առաջ էի: Այդպես էր, մինչև որ հայրս մեռավ:

Дом, принадлежавший семье Кучюкян в Стамбуле

Семья отца перед его рождением

Прадед Антон Кёсеян (Стамбул)

Հայրս

Ուրեմն պապերիս հին անունը Ծաղիկյան էր, բայց վստահ չեմ: Երկու եղբայրներով նույն գործը կանեին, բայց չգիտեմ, թե ինչ գործ: Սեբաստիայից փոխադրվեցին Ստամբուլ: Այնտեղ 2 խանութ բացեցին, նույն բանն էին ծախում, երևի երկաթ մը, վստահ չեմ: Դա 1700-ական թվերի մասին եմ խոսում: Եղբայրներից մեկը փոքր էր, իսկ մյուսը բարձր էր: Ու մեկը Քյուչյուքյան դարձավ, մյուսը, որ բոյով էր՝ Բոյիկյան դարձավ: Իմ պապիկը, որ Քյուչյուքյան էր, երկաթ կկարկեր գնացքի երկաթգծի համար: Սկզբում երկաթը բերում էր Գերմանիայից: Հետո հայրս լսում է, որ պատերազմ է սկսվելու: Դա 1911 թվականն էր: Հայրս այդ ժամանակ Պոլիսում էր ու 8 տարեկան էր: Լսում է, որ հորեղբայրը, մորեղբայրն ու պապիկը իրար հետ խոսում են, որ վստահաբար պատերազմ կերթա, որովհետև երկաթը սուղացավ, թանկացավ, և հիմա անգլիացիները կուզեն Թուրքիայի շուկային մեջ մտնել: Նրանք խոսում էին, որ ավելի լավ է Անգլիայից երկաթ առնել, որը շատ ավելի էժան է: Այս խնդրի համար վստահ պատերազմ կերթար:

Հետո ասեմ, որ մեծ մայրս Քեոսեյան էր: Նա մահացավ, երբ հայրս երիտասարդ էր դեռ՝ 11 տարեկան էր, մահացավ Պոլիսում 1914 թվականին: Այդ ժամանակ պապս հորս ուղարկեց Վենետիկ՝ Մուրադ-Ռաֆայելյանում սովորելու: Նա եկավ Վենետիկ ընկերների հետ: Միասին նավով եկան Վենետիկ: Հետո ինքն ասաց, որ այլևս երբեք չի վերադարձել Թուրքիա, և թուղթ մըն ալ կար, որ իտալացիների թագավորի կողմից էր տրված, որտեղ նշված էր, որ չնայած նրան, որ Իգնատիոս Քուչիկյանը իտալացի չէ և ունի հայկական ծագում, մենք նրան պաշտպանում ենք: Դա թուղթ մըն էր, որ հայրս Իտալիայի պաշտպանության տակ է: Այդ թղթի վրա Ստամբուլի կնիք կար: Ուրեմն ինքը 1923-ին կամ 24-ին, հիմա լավ չեմ հիշում, Ստամբուլ է վերադարձել, հետո անմիջապես էլ հետ է վերադարձել: Վտանգ կար, սակայն նա Իտալիայի կողմից պաշտպանված էր:

Եղել էր բանակի պատմություն, ինքը դրա համար ուզեց Իտալիայի պաշտպանությունը: Եթե ոչ, ապա նրան կբռնեին, որովհետև նա իր թուրքական պասպորտը նետեց: Ուրեմն գնաց այդ թուղթով, տեսավ իր ծնողներին, բայց երբեք չպատմեց ինձ: Շատ չէր պատմում նա, չէր սիրում: Կվախնար:

Նա պետք է վերադառնար որպես վինվոր, պետք է ծառայեր թուրքական բանակում: Եթե չգնար, կհամարվեր դեզերտիր, իսկ այդ ժամանակ պետք է գրավեին իր ընտանիքի ամբողջ ունեցվածքը: Պետութունն էր բռնագրավում: Ծնողները, բոլոր բարեկամներն ասացին, որ իրենց կավակին ուղարկել են Իտալիա, և նա այնտեղ մահացել է: Նրանք ստորագրեցին թուղթը և շուտ թաղեցին: Չգիտեմ ում Շիշլիում թաղեցին ու գերեզմանոց սարքեցին: Գրել են՝ Քյուչյուքյան:

Պապիկն ինքն ասում էր, որ բանտարկված է: Թուրքերն ուզում էին, որ բոլոր խոշոր խանութներում, բոլոր վաճառականները թուրքեր լինեն, ուստի հայերին կառնեին ու թուրք կդնեին ամեն տեղ: Այս ամենը նախօրոք մտածված էր: Օրենք կար, որ տնօրենի քովը պետք է փոխտնօրեն լիներ, որը թուրք պետք է լիներ, որ հասկանար, սովորեր և ինքը տեղը մտներ աշխատելու: Սիրիայի դպրոցներում դեռ կա սա:

Դա ձև էր: Երևի այս ձևով բանտարկեցին, և նա մի քանի տարի մնաց բանտում: Կասեին, որ նա սրտի ցավից մեռավ: Ներսում էր, թե՞ արդեն դուրս էր եկել, չգիտեմ:

Հարուստ մարդ էր. 3 հարկանի շենք ուներ, խանութը՝ Գալատայի թունելի մոտ էր, տունը Պերայում էր, թաղամասի ճիշտ կենտրոնում էր: Քադիքըյի դիմացը ամառային տունն էր: Հայրս ասում էր, որ նավակ էլ ուներ, չգիտեմ՝ փոքր, թե՞ մեծ, որով կիրակի օրերին միասին գնում էին ձուկ բռնելու՝ Լյուֆեր կասին, շատ համով ձուկ է, ասում են: Երբ հայրս դեռ միակ պավակն էր, նավակի վրա կրակ կվառեին, կեփեին և կուտեին այդ ձուկը:

Քանի որ փող չկար այն ժամանակ, հայրս բժիշկ էր թոքերի հիվանդների համար, տնօրեն էր և միայն վարդապետներ ու մայրապետեր ինքը կխնամեր, այլևս ոչ ոքի: Մեծ հոսպիտալ էր, մասնավոր շենքեր էին 2 հատ, ամբողջ աշխարհի մայրապետները և վարդապետները կգային այստեղ: Կաթոլիկական հիվանդանոց էր, բայց միայն թոքերի համար: Միակն էր աշխարհում: Ինքն էր հիմնել: Երբ մահացավ, փակեցին: Շատ լավ մասնագետ էր, տուբերկուլյոզ էր բուժում: Ես հիշում եմ, որ հայրս ամեն օր, որ տուն էր գալիս, բոլոր հագուստները փոխում էր: Երբեմն կուլար, որովհետև գիշերը մեկը մահացել էր: Շատ վատ կերպով էին մահանում, խեղդվում էին արյունով: Մեզ արգելված էր տնից դուրս գալ հինգշաբթի և շաբաթ, քանի որ հինգշաբթի թոքերով հիվանդ կիները, իսկ շաբաթ օրը՝ տղամարդիկ դուրս էին գալիս հիվադանոցից: Այն ժամանակները շատ վատ էր տուբերկուլյոզը:

Հորս մեռնելուց առաջ, կինս, որ շատ լավ էր նրա հետ, (հայրս նրան սովորեցնում էր, թե ինչպես հայկական կերակուրներ շինել, Աննա-Մարիան հայկական կերակուրները շատ լավ կշինի), հորս ստիպել էր գրել իր պատմության մասին, թե ինչ է եղել Ստամբուլում: Սկսել էր գրել: Նա պատմում է, որ 1896-ին, երբ ինքը դեռ ծնված չէր, բայց գիտեր իր պապիկեն, որ հարձակում եղավ, մեծ հարձակում, 6000 հայ սպանեցին Պոլիսում: Խանութների մեջ կմտնեին և կսպանեին: Իր հայրը պատմել էր, որ բոլորը քուրդ էին և փայտից շինված նոր գավազաններ ունեին, որոնցով էլ ջարդում էին ձեռքերը, մինչև որ կտրեին: Ասում է, որ իր հոր տունը երեք հարկ էր, որի տակը նկուղ կար, և իրենք այնտեղ էին պատսպարվել: Թուրք բարեկամ ունեին, որ ասում էր, որ այդ տանը հայեր չկան, պետք չէ այնտեղ փնտրել: Այսպես ազատվեցան: Ինքն ասում էր, որ մեկ շաբաթ լուռ էին և իրենց շեռը կխմեին: Այս բաները գրեց և մեռավ հայրս:

83-ին հայրս մահացավ: Այդ թվականից հայ դարձա: 83–ին հոբբի մոտոցիկլետը գնաց և սկսեց իմ հոբբի հայրենասիրությունը: Ես սկսա հայերու մասին գրել:

Հայերի ոսկի

Ես էլ մտածեցի, որ երթամ տեսնեմ բոլորը: Գնացի Պոլիս: Առաջին անգամ լինելով Պոլիսում՝ տունը տեսա, խանութը տեսա, մյուս տունն էլ, որ ասիական կողմում էր: Սկսեցի խոսել հայերի հետ: Այն ժամանակ՝ 80-ական թվականներին, նրանք ասում էին, որ արտասահմանից սփյուռքահայերը կխանգարեն իրենց՝ միշտ խոսելով ցեղասպանության մասին, ամեն ինչ էլ լավ է այնտեղ: Վախենում էին, չէ՞: Ասիկա ինձի հետաքրքրեց, և սկսեցի կարդալ ցեղասպանության մասին և ասացի, որ պետք է երթամ տեսնեմ այդ տեղերը:

Այդպես մոտոցիկլետով գնացի հին պատմական Հայաստան՝ Ղարս, Վան, Նոր Բայազետ, Մուշ, Էրզրում, մոտոցիկլետով տեղեր գտա, որ հնարավոր չէ ուրիշ կերպով գնալ: Օրինակ համար, Յուսուֆելի մոտ գյուղ մը կար, անտառի մեջ 4 հրաշալի եկեղեցի կար: Այն ժամանակ ամեն կիրակի հնարավոր էր մեկ պատարագ անել միայն մեկ եկեղեցու մեջ: Այնուհետև այլ եկեղեցիներ գտա ուրիշ գյուղերում... շատ եկեղեցիներ ունեն:

Այնտեղ ապրողներ էին սարքել: Շատ մարդ չի մտնում այդ եկեղեցիներ: Որ շրջում էի գյուղերով, թուրքերն ինձ տեսնում էին, հարցնում, թե ի՞նչ եմ անում այնտեղ, միթե՞ հայ եմ: Ես էլ պատասխանում էի, որ այո՛, հայ եմ: Հարցնում էին՝ ոսկի՞ եմ փնտրում: Մտածում էին, որ հայ եմ և հետ եմ եկել իմ տուն ու ոսկի կփնտրեմ: Հետո Բայազետ եկա հասա: Իշա փաշայի բերդը: Մեծ բերդ է, շատ տարօրինակ կերպով շինված է բլուրի վրա: Մի հատ վրացական, մի հատ հայկական, մի հատ հնդկական, մի հատ թուրքական, մի հատ քրդական շենքեր են, վատը չէ:

Այնտեղ մի քուրդ տեսա, նա ինձ էր նայում, ես՝ իրեն: Ասաց, որ ինքը քուրդ է, ես էլ ասացի, որ հայ եմ: Ասաց, որ քուրդ է և գերմաներենի ուսուցիչ: Աննա-Մարիան քիչ մը գերմաներեն գիտի, սկսեցինք խոսել: Ասաց, որ հոն Նոր Դոգու Բայազետն է, մեկ կիլոմետր հեռու, հոս էլ Բայազետն է: Ասաց, որ այնտեղ հայկական թաղամաս կա: Ասում էր. «Տե՛ս, քարերը մնացել են», հիշում էր բոլորին, ասում էր, որ այս մեկը Հակոբյանն է, մյուսը՝ Բոյախչյան և այլն: Այնտեղ մեջտեղում եկեղեցին կար, որը հիմա չկա, փլված է: Նա ասում էր, որ հստակ գիտե, որ այդ եկեղեցու տակը ոսկի է թաղված, առաջարկեց իր հետ գնանք փնտրենք: Ես հրաժարվեցի, ասացի՝ խե՞նթ

Прижизненная могила отца, Игнатиоса Кучюкяна на стамбульском кладбище

По пути в Карабах на мотоцикле KTM Enduro

На своем мотоцикле «Ява» на Селимском перевале

ես, ի՞նչ ես: Ասաց. «Նայի՛ր, ես գիտեմ տեղը ձորերի մեջ դեպի Պարսկաստան, Պարսկաստանի մոտ է: Այնտեղ ժայռ մը կա, որի վրա հայերենով բաներ են գրված»: Առաջարկեց այնտեղ գնանք: Ես կրկին հրաժարվեցի: Աննա-Մարիան ասում էր՝ արի գնանք, մի վախեցիր: Իհարկե, վախենում էի, մտածում էի, որ ինձ կմորթի: Վերջը գնացինք, Աննա-Մարիան մնաց, մենք գնացինք ձորի մեջ մոտոցիկլետով, հասանք մի բարձր ժայռի: Նա ասաց, որ մենակ գնամ ժայռի մոտ, բայց ես չէի ուզում, մատիտ մը տվեցի և թուղթ մը, նա կոշիկները հանեց և բարձրացավ ժայռի վրա, այնտեղ կես ժամ մնաց, իջավ՝ տառերը գրված թղթի վրա, բայց հայերեն նա չգիտեր: Գրված էր՝ 1915, եկեղեցու հիշատակ և խաչ մը: Երևի տեր հայրերը, վարդապետները եղել են առաջ, որոնք մահացել են, կամ նրանց էլ տարել են անապատ: Ես ասացի, որ այնտեղ ոսկի փնտրելն ապուշություն է:

Հայերի ոսկորները

Դրանից հետո պատմական Հայաստանը տեսնելով սկսեցի խանդավառվել, կարդալ և այլն, սկսա ուրիշ պտույտներ: Հիմա լավ չեմ հիշում, կարծեմ, այնտեղից հետո գնացի Սիրիա՝ Հալեպ: Դա 1995-96 թվականներն էին: Ինձ ասել էին, որ Սիրիայում ոսկորներով մի բլուր կա: Ինձ հետ այդ ժամանակ Իտալիայի հեռուստատեսությունից եկած խումբ մը կար, որի հետ գտանք այդ բլուրը: Բոլորը նկարեցինք, ֆիլմ պատրաստեցինք, որը նաև Հայաստանում ցուցադրվեց: Այն բոլոր տեղերը, որտեղ հայեր շատ մահացան: Շադադե, օրինակ, անապատի մեջ փոսեր կա, արաբերեն դրանց ասում են «հայերի փոսեր», հենց այդ փոսերի մեջ են լցրել հայերին: Մի բեդուին պատմում էր, որ այդ փոսերի վրա փայտ էին դնում, այրում, որ փոսի միջի մարդիկ խեղդվեին: Բայց այդ փոսերի տակ երկար թունելներ կային, անցք, որը մինչև Եփրատ տանում էր, ուստի ջուրը գալիս էր և դիակները տանում Եփրատ: Հավարավոր նման կոհեր կային, կարծեմ՝ 40 հազար: Ոսկորներով բլուրի վրա 50 հազար մարդու

Вместе с директором Музея-института Геноцида армян Гайком Демояном и бывшим послом РА в Италии Гагиком Багдасаряном после закладки в Стену Памяти в Цицернакаберде земли с могилы Праведницы Карен Йеппе

Мемориальная доска, установленная Пьетро Кучюкяном в Стену Памяти в Цицернакаберде

Пьетро Кучюкян закладывает землю с могилы Файеза Эль-Хуссейна в Стену Памяти в Цицернакаберде

В Цицернакаберде во время торжественной церемонии в память об Анатоле Франсе

ոսկոր կա: Դեր Զորում էլ փոքր որբերին այնտեղի կառավարիչ Ջեքի-բեյը քարանձավի մեջ այրեց: Այս ամենի մասին ֆիլմ արեցի:

Իսրայել

Երուսաղեմում, Իսրայելում արգելված է մոտոցիկլետը: Ուրեմն երկու դեպք պատահեցավ հետաքրքիր: Հոն Սուրբ Հակոբ եկեղեցի կար: Ես բարեկամացա մի հայ տղայի հետ, որ թոփալ էր: Դոնապանի պես բան մըն էր: Նա ասաց, որ գիշերը պետք է գյուղ գնա: Ես էլ ասացի՝ միասին երթանք: Գնացինք մեքենայով: Ես էի, ինքը և կինս: Ասաց, որ ավելի լավ է գնանք Ջերիկո, որը Մեռյալ ծովի ափին է: Այնտեղից սկսվում են արդեն արաբական հողերը: Հասանք տեղ մը, որ քարերը շարված են և ճանապարհը գոցած է, և մարդիկ այդտեղից սկսում են քար նետել վրադ: Դուրս եկավ այդ տղան և գոռաց. «Էէէ՜, էրմենի»: Այս արաբները պատասխանեցին. «Օ՜, գնացե՛ք, անցե՛ք»: Գնացինք գիշերը: Այնտեղ անապատի պես տեղ մը կա մեծ, որ պատկանում է պատրիարքարանին, մեջտեղում փոքր տուն մը կա, որտեղ երկու ծերեր են մնում: Ասացին. «Մտեք այնտեղ: Մենք հոս ստիպված ենք գնալ, եթե մենք չգնանք, հրեաները կգան, կգրավեն»:

Հետո գնացինք Ջաֆֆա, Թել-Ավիվի մոտ: Այնտեղ հայկական հին վանք մը կա և փարոս, որ լույս կտա նավակներուն: Դա հին է և չի աշխատում հիմա, բայց կպատկանի հայերուն: Վերջը հասանք այս երկու ծերերի տուն, դուռը կթակենք և կգոռանք, որ մենք հայ ենք, նրանք կբանան: Պատմեցին, որ այդ փարոսը պատկանում է իրենց ընտանիքին արդեն երկու հարյուր տարի: Օսմանյան կայսրությունից հետո իրենցն է: Ասացին, որ շատ են վախենում, որ եթե մեռնեն, և իրենց կավակներն այնտեղ չլինեն, հրեաները կգրավեն: Հրեաների համար կարևոր չէ, որ նոտարը գրել է, և եթե բան մը չի պատահել, իրենք հոս պետք է լինեն: Ասում են, որ իրենք չգիտեն, երբ են մեռնելու, բայց կվախենան:

Հետո Երուսաղեմում գնացի գերեզմանոց: Շատ լավ վարդապետ կար մեկ հետ: Գերապմանաքարերը չես տեսնում. բոլորը խոտ են: Ես ասացի, որ ամոթ է, ինչո՞ւ է այսքան խոտ, ասացին, որ երբ Զատիկ է լինում, ոչխար են բերում, և միանգամից մաքրում է: Գերեզմանի մեջտեղում քառակուսի քար մը կար: Ես հարցրեցի այդ քարի մասին: Ասացին, որ հայ երկու եղբայր էին, որ ամուսնացան իսլամին հետ, մենք նրանց փակեցինք: Հետո քովը եկեղեցի կա, որ առաջին մասը երկու մետրի չափ բարձր էր: Ես հարցրեցի, թե ինչո՞ւ չեն շինել, պատասխանեցին, որ ամենի մեջ ավելի բարձր է, քան մզկիթները, սինագոգները և այլն, դրա համար չէին շինում: Շատ բարձր էր, պետք չէր այդքան բարձր լիներ:

92-93 թվերն էին: Հետո պտտեցանք Իսրայելը և այլն, և այլն: Հետո օդակայան եկանք, այնտեղ հարցումներ կանեն միշտ: Ես քարտեզ ունեի և նշել էի կարմիր և կանաչ կետերով, թե ուր կերթայի: Իրենք բացում էին և նայում էին, որտեղ էի եղել: Հարցնում էին՝ բարեկամ ունե՞մ այնտեղ, պատասխանեցի՝ այո: Նորից հարցրեցին՝ ի՞նչ բարեկամ՝ հրեա է, թե՞ արաբ: Պատասխանեցի, որ հայ են իմ բարեկամները: Հարցրեցին՝ արաբներ էլ ունե՞մ, պատասխանեցի՝ այո: Հարցրեցին՝ Եվրոպայում արաբ բարեկամ ունե՞մ, ասացի՝ այո, մի հատ աղջիկ մը, որ ֆրանսիացի

С Генри Моргентау III и его женой в Бостоне

էր, ամուսնացավ արաբի հետ: Հարցրեցին, որտեղի՞ց է այդ տղան, պատասխանեցի՝ Սիդի-Բուզիդից, Թունիսից: Լռություն տիրեց, փինվորներ էին գնում գալիս: Աննա-Մարիան ինձ ասում էր. «Ապու՛շ, ինչո՞ւ ասացիր նման բաներ, քեզի պե՞տք էր»: Քիչ մը անհանգստացավ: Նրանք էլ գնում գալիս էին, աղմուկ էին անում, իրար հետ էին խոսում: Ասացի, որ մեր օդանավ նստելու պահն է արդեն: Բռնեցին մեր ձեռքերից և վազելով տարան օդանավի մոտ, խոթեցին մեջը, որ հեռանանք: Երկու օր հետո, որ հասանք Միլան, իսրայելցիները հարձակվեցին Սիդի-Բուզիդի վրա, որովհետև կուզեին Արաֆատին մեռցնել: Քանի հոգու մեռցրին, Արաֆադին չկարողան մեռցնել: Ուրեմն, պատրաստված էին հարձակվել Սիդի-Բուզիդի վրա, և ես պատահական ասացի դա:

Իսրայելում չեն թողի, որ մոտո քշես, որովհետև կմտածին, որ տեռորիստ ես: Նույնպես Սիրիայում: Այնտեղ ես Հորդանանից անցա, գրեթե կես օր սպասեցի, որ սահմանն անցնեմ, չէին թողնում անցնել: Վերջապես փոքր տղա մը տեսա, 12 տարեկան, ասացի, որ օգնի ինձ, այդ փոքրերը լավ են շարժվում, չէ: Վերջ ի վերջո մի քիչ դրամ տվեցի, մեկ օֆիս գնացի, մեկ ուրիշը, վերադարձա, ստորագրեցի, չգիտեմ էլ ինչ ստորագրեցի այդքան, 8 ժամ ձգեցին: Գնացի Դեր Զոր, այլ տեղեր էլ գնացի և մոտոցիկլետ մը չտեսա: Միայն ես էի: Մինչև որ Լատակիա հասա: Այնտեղ լեփ լեցուն էին մոտոցիկլետները: Ալավիտներ են Ասադին բարեկամները, ուրեմն միայն իրենց կտային մոտոցիկլետները, մյուսներուն արգելված էր իբրև տեռորիստներ: Իբրև թե մոտոցիկլետով կարող ես ռումբ նետել ու փախչել: Միայն այստեղ էին մոտոցիկլետներ, ուրիշ տեղ չկար, որովհետև այստեղին կվստահեն:

Իրան

Հետո գնացի Իրան: Սկզբում այցելեցի Ղարաքիլիսայի Սուրբ Թադևոս եկեղեցի, հետո Սուրբ Ստեփանոս: Առաջին անգամ, որ գնացի այնտեղ, տեսա գերեզման մը, որ իբրև թե Վարդանանցի մեռածներն են: Ֆիլմ նկարեցի նաև Ջուղայի գերեզմանի մասին: Այդ ֆիլմը դեռ ունեմ: Մի քանի տարի առաջ, երբ նորից այնտեղ գնացի, չկային այլևս Նախիջևանի խաչքարերը:

Выступление в Национальной Академии наук РА в Ереване

Նույնիսկ Սուրբ Ստեփանոսի գերեզմանը չկար: Հայ ու պարսիկ միասին որոշել էին նորոգել: Նորոգեցին Սուրբ Ստեփանոսը, ուզում էին ռեստորան կամ դրա նման մի բան անել: Միգո՞ւցե չեն քանդել, բայց ես այլևս չգտա այդ գերեզմանը:

Հետո ուրիշ հետաքրքիր տեղեր էլ գնացի՝ Ուրմիա լիճը և քաղաքը: Ուրեմն Սուրբ Թադևոսում մի աղջիկ կար բժիշկ: Նա ինձ պատմեց, որ տարօրինակ վանք մը կա Ուրմիայում՝ Սուրբ Սարգիս: Մար Սարգիս կասին: Սիրիական (ասորական) լեզվով Մար կնշանակե Սուրբ: Ասաց, որ գնամ տեսնեմ՝ հետաքրքիր է: Ես գնացի հոն: Տարօրինակ եկեղեցի էր, բաժանված էր 2 մասի, առանձին դռներով՝ մեկը՝ հայկական, մյուսը՝ ասորական: Եկեղեցու դրսում պարսիկներ կային, սպասում էին, թերթ էին

կարդում: Հնարավոր է մուլլա կամ վարդապետ էին սպասում, բայց սովորություն էր սպասել: Ինձ պատմեցին, թե ինչու: Ուրեմն, ասորական մասում անցք մը կա պատի մեջ, եթե ուզում են հղիանալ, մազերը վերցնում են մտցնում այդ անցքի մեջ և հղիանում: Այդպես էին ասում: Հայկական մասում փոս մը կար տակը՝ երկու մետր լայնությամբ, մեկ մետր խորությամբ: Առջևը քար մը կա, որ կարող ես համբուրել: Այս իսլամները ի՞նչ կանեին: Իբրև թե, եթե մեկը խենթ է, այդ խենթին կփակես քարով այդ փոսի մեջ և չես բանա, մինչև որ ինքը չասի, որ այլևս հիվանդ չի, առողջ է: Իբրև թե ամենը կառողջանան: Այս եկեղեցին Ուրմիա քաղաքից քիչ մը դուրս էր՝ բլուրի վրա: Եվ իսլամներն էլ էին հավատում դրան:

Թեհրանում մեծ ակումբ կա հայկական: Շատ լավ ակումբ է: Կանայք քաղաքում գլուխները կապած էին ման գալիս, ամեն ինչը փակ, տղամարդիկ էլ չեն կարող կարճ հագնել, երկարաթև է պետք, վզկապ չեն դնում, իսկ այս ակումբի մեջ նրանք իրենց կանանց ցուցադրում են, տղամարդիկ իրենց վզկապներով, գինի են խմում. լրիվ ուրիշ երկիր էր ներսում: Հետո ուրիշ փոքր քաղաք կա, որ Հայկաշեն է կոչվում, Կասպից ծովի ափին է և բոլորովին հայկական է: Փողոցներում ամեն ինչ գրված է հայերեն: Միայն հայերը կարող են մտնել այստեղ: Այնտեղ կա փոքր ռեստորան, որտեղ ֆիլմեր են ցուցադրում: Թատրոնը մեծ է: Փոքր շենք էլ կա, ուր կերթան ամառանոց: Երբ հեղափոխություն եղավ Պարսկաստանում Այաթոլլա Հոմեյնիի կողմից, այդ ժամանակ 40 հազար մարդ այս քաղաք գնացին: Հետո Թեհրանում Արարատ մեծ կենտրոն կա, որտեղ գնում են միայն հայերը կամ քրիստոնյաները, բայց ոչ իսլամ, այնտեղ էլ իրարու կնշանվեն: Թենիս կա, ֆուտբոլ: Մեծ է, մարզական տեղ է:

Մի բան էլ պատմեմ: Մի անգամ էլ, որ ես հոն գնացի, երկու հայ վարդապետ չարչարեցին, սպանեցին, կախեցին, այդպիսի բաներ: Հարցրեցի, թե ի՞նչ է եղել: Հասկացա, որ դրանք առաքելական չէին, բողոքական էին, Ամերիկայից էին և Ավետարան էին բաժանում: Առաքելական հայերին չէին դիպչում, այնտեղ թաղամաս ունեն հայկական, դպրոց ունեն, եկեղեցի, բայց միայն թաղամասի ներսում, չես կարող դուրս երթալ և քրիստոնեությունը տարածել: Բողոքականներն արեցին, բայց մեռան:

Նոր Ջուղա էլ գնացի, շատ հրաշալի բաներ կային: Անապատի մեջ մոտոցիկլետով էինք, այնտեղ կնոջս եղբայրը կար, աշխատում էր Պարսկաստանում, նրա հետ գնացինք և ամբողջ անապատն անցանք, բայց էլի մարդիկ կային, որ մեզ կհետևեին: Վախ կար, որովհետև մի քանի օր առաջ երկու ապուշ ֆրանսիացի աղջիկներ կիսամերկ հոն էին գնացել: Անապատի մեջ բեդուիններ կան, գնչուների պես են, սև վրաններ ունեն, և սպանել էին նրանց: Նրանք այն ժամանակ

վտանգավոր էին, անգամ շահը նրանց դեմ բանակ էր ուղարկել և բոլորին սպանել: Մի քանի հարյուր էին:

Առաջին անգամ Պարսկաստան գնացի 1970-ական թվականներին: Այն ժամանակ Ուրմիա չգնացի, գնացի միայն Իսֆահան (Սպահան): Ինձ պատմեցին, որ երբ Այաթոլլա Հոմեյնիի կառավարությունը ուզում էր փակել բոլոր քրիստոնյա եկեղեցիները, դպրոցները և հայերինն էլ, Թեհրանից եպիսկոպոս Մանուկյանը գնաց Հոմեյնիի մոտ և ասաց, որ պայմանգիր մը կա, Նվարսակի պայմանագիրը 483 թվականի, որը կնքել էին պարսիկներն ու հայերը, Վարդան Մամիկոնյանի եղբայրը՝ Վահան Մամիկոնյանը: Այդ պայմանագիրը ասում է, որ մենք ազատ կրոնք ունենք Պարսակաստանի մեջ էլ: Հոմեյնին տեսավ և ասաց, որ հայերին հանգիստ կթողնի, մինչև հիմա էլ ազատ են:

Երկրաշարժ

Վարժարանի ընկերների հետ հոս բարեկամություն չկա: Մեկը կա, Բրեշիա կապրի: Մարտիկյանը: Ինքը բժիշկ է, հոգեբան: Մեկն էլ կա՝ Սևակ Կուլոջյան, որ միասին Հայաստան էլ գնացինք՝ օգնության, երբ երկրաշարժ եղավ:

88-ին առաջին անգամն էր, որ գնացինք Հայաստան: Մի խումբը իմս էր, որ օգնության կգնար Սպիտակ, և մի խումբն էր, որ պինվորական էր: Կես պինվորական, իտալացի պինվորներ էին: Ես նրանց մեջ մտա իբրև բժիշկ և թարգմանիչ: Եվ առաջին անգամ եղած էր, որ ՆԱՏՕ և Վարշավայի փակտը կմիանային: Զինվոր և թշնամի էին, չէ՛: Երբ իջանք պինվորական օդանավակայանում, համբուրեցին և այլն: Տարօրինակ էր:

Ճիշտ այդ ժամանակ, երկրաշարժից հետո, ես էլ այդ օդանավի վրա 2 հատ մոտոցիկլետ դրի, որոնք այնտեղ նվիրեցի հայերին: Այնպիսի մոտոցիկլետներ էին՝ պարաշյուտով, փոքր, ինչ որ է: Ադոր համար ինձի վրա կխնդային, կասեին՝ ապուշ է, ինչ է:

Բնավ մոտոցիկլետ քշած չէին: Միայն գյուղացիները կգործածեին քիչ մը: Ներկրում

В 1989 году во время посадки на итальянский военно-транспортный самолет, направляющийся в Армению для помощи пострадавшим от Спитакского землетрясения

Спитак после землетрясения

Два военных мопеда, доставленных в Армению для поездок из «Итальянской деревни» до Спитака

Речь в память о Джакомо Горрини, итальянском консуле в восточных вилайетах Османской империи, протестовавшем в 1915 году против Геноцида армян

На приеме 19 сентября 2010 года в честь Дня Независимости Армении вместе с супругой Анной Марией, послом РА Рубеном Карапетяном и его супругой

էին Ուրալ սայդքարով (sidecar — մոտոցիկլետի սայլակ) Այսասկա, Դնեպր:

Երկրաշարժի ժամանակ ես հոն գնացի, հոստեղ մենք իտալահայոց միությունում այդ ժամանակ հավաքեցինք գրեթե մեկ ու կես միլիոն դոլար: Սկզբում Սևակ Կուլոջյանը գնաց, ինձ և մյուսներին ասաց, որ շարունակենք գործ անել: Այդպես երեք հատ դպրոց շինեցինք Ստեփանավանում և մեկ հատ ատամնաբուժարան Սպիտակում:

Այստեղ նաև իտալացիներն էին դրամ հավաքել՝ երեք ու կես միլիոն դոլար: Մենք ունենք երկու տեսակի քաղաքապետեր: Մեկը պետական է, մյուսը՝ քաղաքական, պրեֆեկտո կասեն, ֆրանսերենից կգա: Անոր քովը կհավաքվեր, և ինքը չէր ուզում տալ: Կգային սոցիալիստները, դեմոկրատները, լիբերալները, սրանց խմբերը, որ այդ դրամը կուզեին առնել և Հայաստանում գործ անել՝ ֆիրմա շինել, ասենք հիվանդանոց, տներ և այլն, բայց ինքը չէր ուզում ասոր կամ մյուսին տալ այդ գումարը: Այնքան, մինչև որ ես գիտցա և սկսեցի նրա մոտ գնալ: Ես խնդրեցի, որ այդ դրամը հասցնենք Հայաստան մեղք են: Նա ասաց, որ չի լինի այդպես, քանի որ դրանք կբողոքեն: Բայց ես նորից ու նորից էի գնում: Իտալահայոց միության նախագահը կասեր՝ մի երթա, ժամանակ կծախսես իզուր, բայց գնում էի: Վերջապես երեք տարի հետո՝ 91 թվին, ասաց, որ բավական խանգարեցի իրեն, և խոստացավ, որ եթե Հայաստանի նախագահը գա հոստեղ, նա ինքն իր ձեռքով այդ գումարը կտա նրան: Վեց ամիս էլ աշխատեցինք Լևոն Տեր-Պետրոսյանի հետ, որ նա գա այստեղ: Նա չէր ուզում գալ, ասում էր, որ ժամանակ չունի, ժամանակները շատ դժվար էին: Վերջապես եկավ այնտեղ և դրամը վերցրեց, տվեց կառավարությանը, շատ ուրախացավ այդ դրամի համար: Շատ կարևոր էր այդ դրամը այն ժամանակ Հայաստանի համար:

Խորհրդի նախագահ

Ուրեմն այստեղ դեսպան եկավ: Այն ժամանակ Լևոն Տեր-

Открытие памятной доски в честь Праведника Джакомо Горрини

Պետրոսյանը խումբ մը կապմեց, հարցրեց, թե ով իտալերեն գիտի: Գագիկ Բաղդասարյանը իտալերենից հայերեն կարողանում էր թարգմանել: Երևանից էր: Նա էլ ասաց, որ գիտի իտալերեն: Լևոնն ասաց՝ շատ լավ, դու Իտալիայում կլինես մեր դեսպանը: Եկավ այստեղ: Ես այն ժամանակ իտալահայոց միությունում էի, և իմ պաշտոնն էր՝ հարաբերություններ պահել Հայաստանի հետ, քանի որ այդ ժամանակ Լևոնին բերել էի այստեղ, որպեսզի գումարը տանք նրան:

Առաջ դեսպանատուն չկար: Ես, Հակոբ Մանուկյանը և Արտակ Սերոբյանը գնացինք, որպեսզի այդ նպատակով տուն գնեինք: Մենք՝ իտալահայոց միությունը, պիտի վճարեինք կեսը: Ավելի շուտ սկզբում՝ մենք, իսկ մյուս կեսը՝ հայ Լևոնյանները Հռոմում, որ կաթոլիկ էին: Բայց նրանք ձգեցին մինչև հիմա, մինչև երկու-երեք տարի առաջ, ինչ որ է:

На торжественной церемонии вместе с мэром Молино дей Торти, родного города Джакомо Горрини

Основатели Комитета Садов Праведников во всем мире Габриэль Нессим и Пьетро Кучюкян

Ժողով էր հրավիրվել, բոլորն եկան, հայտարարեցին, որ պետք է դեսպանության խորհուրդ կազմել: Այդպես ինձ դեսպանության խորհրդի նախագահ ընտրեցին: Քսան հոգի էին, և ես պետք է այդ խորհուրդը պահեի: Ես էլ դուրս եկա և ասացի, որ ես այլևս ժողով չեմ անելու, միայն եթե ձեվի պետք ունենամ, կհարցնեմ անձամբ, բայց չկարծեք, որ ես ժողով կանեմ: Ասեմ, որ խորհուրդը պետք է ամեն տարի, կամ տարին 2-3 անգամ ժողով աներ: Բայց երբեք չարեցի: Երբ Հայաստանում պատմեցի, խնդացին: Ասացին, որ պետք է անեի, բայց ես այդպես արեցի, և շատ լավ աշխատեցավ: Տաս տարի աշխատեցի առանց պրոբլեմ: Ժողովը կար, բայց երբեք իրար չէինք գտնում: Ես եթե պետք ունեի փաստաբանի կամ մաթեմատիկոսի, կամ էլ ճարտարապետի, ապա նրանց կհարցնեի: Նորմալ էր: Դիկտատոր ձևով էր: Այդպես առաջ գնացինք, մինչև որ այն ժամանակվա արտաքին գործերի նախարար Վարդան Օսկանյանն ինձ ասաց, որ ներկայացուցիչ է ուզում Միլանում և ինձ հարցրեց՝ կուզե՞մ, ես էլ պատասխանեցի՝ այո, ինչու՞ չէ: Հիմա նույն գործն եմ անում, ինչ որ կանեի նախկինում. հարաբերությունները կպահեմ Հայաստանի հետ, հավաքույթներ կձեռնարկեմ: Ստացա սփյուռքի մեդալ Ֆրանսիայում, Ամերիկայում և այլն: Հետո սկսվեց հողահավաքությունը Ամերիկայում, Օսլոյում, հետո Ֆրանսիա գնացի: Գնում էի ամեն տարի մի ճշմարիտ մարդ մը գտնելու: Տանում էի այս աճյունները Ակադեմիա, նրանք էլ Ծիծեռնակաբերդում թաղում էին:

Սա շվեյցարական թերթ է: Գրված է «Հիշողության ուժը», ամեն տարի կգնամ հոն: Ծիծեռնակաբերդում այդ արարողությունը կանեն, չէ՞: Ինձի համար այստեղ գրել են, որ ես հիշողության պինվոր եմ:

Դասախոսություն, ֆիլմ, ցուցահանդես

Աննա-Մարիայի հետ գնացինք քաղաք մը՝ Վարալլո, որ մեկ հատ հայկական հող բերենք: Այդ Վարալլո գնացինք մեկ օր: Հայկական տներում կերակուր, հայկական դասախոսություն, արվեստ և Վեգների ցուցահանդես: Հանկարծակի մտավ թուրք մը, որ չէինք գիտե, թե ով է, և սկսեց վատ ձևով մեր շարած նկարները պատռել, գցել: Ես հեռու էի, Աննա-Մարիան փորձեց կանխել, բայց նա խփեց, և կինս գետնին ընկավ, հետո ոստիկաններ եկան և բռնեցին: Մեկ ժամ հետո մեծ ավտոբուս մը եկավ անտենաներով, Իտալիայի համաշխարհային լրատվամիջոցից ինձնից հարցազրույց վերցրեցին: Երկու ժամ հետո Վատիկանն ամեն ինչ գիտեր արդեն, որովհետև այն նկարները, որոնք հանել և պատռել էր թուրքը, պապերի նկարներ էին, իսկ տաս օր հետո Հռոմի պապը պետք է գնար Թուրքիա: Գնաց, բայց իրենք կմտածեին, որ ինքը ոչ թե հայերի հանդեպ էր արել, այլ պապի նկարների համար: Բոլոր աշխարհը ելավ: Այդ թուրքն էլ խեղճ ապուշի մեկն էր, որ քյաբաբանոց ուներ: Տեսել էր այս ցուցահանդեսը և շատ բարկացել էր, թե ինչպես են իտալացիները թույլ տալիս, որ այսպիսի սուտ բաները տարածվեն: Ցեղասպանության մասին էր այդպես մտածում: Չէ՞ որ նրանք այդպիսի կրթություն են ստանում:

Երկու տարի առաջ Հայաստանի օրերը Միլանում տասնհինգ օր նշեցինք: Ես կազմակերպեցի դասախոսություն, երաժշտություն:

Բավական աշխատանք կա: Ես կեսօրից հետո պբաղված եմ, ես հիմա աշխատանքի մեջ եմ: Երեկ չէ առաջին օրը երկու խուլ և համր եկան, Հայաստանից էին և պետք ունեին: Հետո դասախոսություն, դաս կուտամ, շատ կուտամ: Այս հինգշաբթի ցույց տվեցի Հարություն Խաչատրյանի ֆիլմը: Շատ լավ, հրաշալի ֆիլմ է, կոչվում է «Սահման»: Երևանից հրաման եկավ, որ այս ամիս արդեն Ղարաբաղի, Սումգայիթի մասին պետք է խոսենք: Կինս հետս է աշխատում: Երեկ, օրինակի համար, նա գնաց իտալական դպրոց մը՝ հայերի մասին խոսելու:

Բավական աշխատանք կա...

Лекция Пьетро Кучюкяна «Сады Праведников»

Реальные и виртуальные Сады Праведников хранят память о Добре. Каждое дерево, посвященное Праведникам, напоминает об основополагающей ценности человеческого сосуществования. Мы чтим людей, достойных подражания, которые отвечали на крайние проявления Зла, пытаясь помочь, спасти и свидетельствовать.

Сады Праведников — это места, которые передают нам силу обязательства сближать народы и культуры, утверждать идеалы солидарности и следовать общему Благу.

Мой поиск Праведников и свидетелей истины по армянским событиям — это не плод сентиментальности, не вариант принятия реальности и политического сотрудничества. Это борьба за правду и справедливость, продиктованная историей моей семьи и моего народа. В основе лежит вопрос, которого нельзя избежать: как людям не потерять гуманность во время трагических событий истории?

Во время абдул-гамидовской резни 1896 года число жертв среди армян превысило 300 тысяч. Семья моего отца в Константинополе была спасена турком, который стоял перед входной дверью и отвел от нее курдских бандитов, крикнув им: «Здесь нет армян!» Позднее, в начале геноцида, совершенного младотурецкими властями в 1915 году, корабль перевез моего отца, тогда еще ребенка, в безопасное место, в Венецию. Мы больше никогда не слышали о моем деде.

Я вновь открываю страницы этой истории. Я путешествовал по Турции, по земле моего отца. Я слушал предания и обрывки свидетельств, встречал выживших, которые тогда встречались со свидетелями. Я глубоко прочувствовал, что означает быть жертвой отрицания памяти, и пытался понять, как возникает Зло, как трагические события прерывают цепь солидарности между людьми, как Зло в своих крайних проявлениях неожиданно набрасывается на человеческие существа; я спрашивал себя о важности общественных институтов, идеологий, фанатизма, экстремизма и тех условий, которые позволяют Злу распространяться во все стороны.

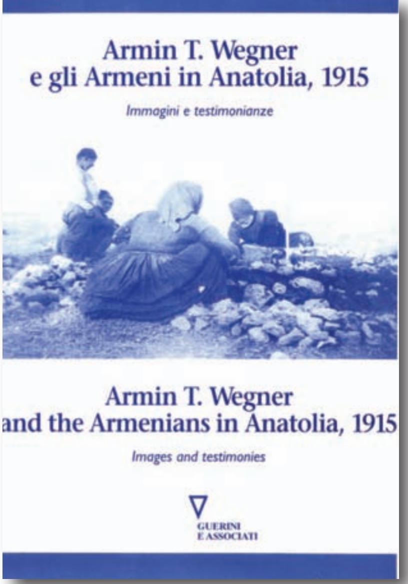
Я чувствовал бремя памяти, которая была сфокусирована только на Зле, и вину «добровольных палачей» (*Термин стал употребляться после выхода книги американского писателя Дэниэла Гольдхагена «Добровольные палачи Гитлера. Простые немцы и Холокост». В ней он утверждает, что подавляющее большинство простых немцев были такими «добровольными палачами» во время Холокоста в силу специфического для немецкой идентичности антисемитизма, который развивался столетиями, начиная со Средних веков, вначале на религиозной, а в дальнейшем на секулярной основе. — Прим. ред.*). Я чувствовал тревогу, возмущение, ярость и беспокойство. Зачем воскрешать все это в памяти? Однако время Зла показало мне и другое свое лицо — лицо «Добрых людей», мужчин и женщин, которые преодолели страх и отозвались до, во время и после геноцида, лицо тех, кто продолжал видеть в других человечность, а не угрозу.

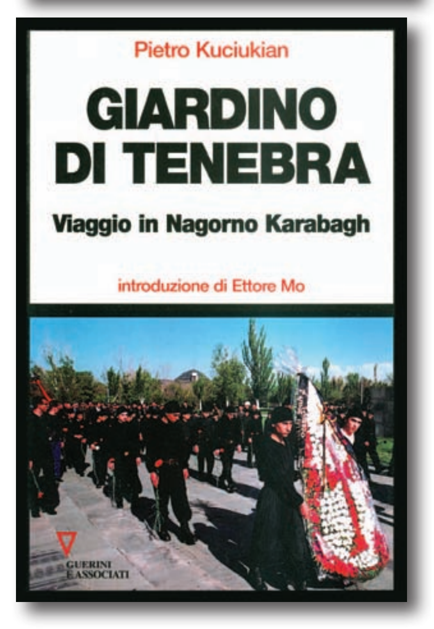
Вместе с женой Анной Марией перед Стелой памяти о Геноциде армян в Саду Праведников в Левико (Италия)

«Третья Армения. Путешествие на постсоветский Кавказ» 2007

Сборник «Армин Вегнер и армяне Анатолии в 1915 году. Фотографии и свидетельства» 1996

«Сад тьмы. Путешествие в Нагорный Карабах» 2003

©ARHE

Фокусируясь только на совершенном Зле, мы «злоупотребляем» историей. Это не позволяет нам преодолеть раскол, который геноцид создает в истории людей.

Я продолжал искать выживших после геноцида армян в разных странах мира, я собирал их свидетельства, которые показывали мне путь не только к тем, кто помогал им и спасал их, но также к поиску тех свидетелей правды, которые раскрывали через газеты, документы и выступления суть событий, происходящих на территориях, опустошенных ужасом. Я путешествовал среди армян Диаспоры и на Кавказе. Я искал кладбища, где покоились Праведники, и принял решение воссоздать их биографии и собрать рассказы о мужчинах и женщинах, которые смогли сражаться со Злом и показали нам путь морального сопротивления. Это те, кто непосредственно противостоял преследователям в попытке остановить депортации; те, кто помогал жертвам и спасал их; кто отмежевывался от преследователей и не повиновался приказам. Были также «активисты памяти», которые платили и все еще платят цену за свою приверженность защите правды и свидетельствованию.

Вот как родился «Международный комитет по Праведникам для армян – Память есть будущее». Уже много лет, как я посвятил себя этому Комитету и по-прежнему продвигаю эту инициативу, теперь – с новым энтузиазмом, после того как я вместе с Габриелем Ниссимом основал Лес Праведников, боровшихся против геноцидов по всему миру. Я собрал, привез в Ереван и захоронил в Стене Памяти землю или

частицу праха с могил Праведников для армян, включая немецкого офицера Армина Вегнера, пастора Иоханнеса Лепсиуса, писателя из Праги Франца Верфеля, посла Генри Моргентау, историка ирландского происхождения Джеймса Брайса, норвежского лауреата Нобелевской премии Фритьофа Нансена, итальянского консула Джакомо Горрини, французского писателя Анатоля Франса, Карен Йеппе из Дании, Якоба Кюнцлера из Швейцарии, мусульманина-араба Файеза эль-Хуссейна.

У турок тоже были моральные противники геноцида, которые помогали жертвам и защищали их. Теперь моя цель, поскольку для этого есть подходящие условия, — почтить память тех турок «вне закона», которые противостояли «законному варварству». Я бы хотел захоронить землю с их могил в Стене Памяти и написать нашу историю совместно с ними, с убеждением, что память о свидетельствах правды и о тех, кто отказывался выполнять геноцидальные приказы в прошлом и настоящем, приведет всех к признанию события и выбору дороги диалога и примирения. Это наилучший способ почтить память жертв.

Сущность Зла исследовалась очень часто, гораздо реже люди задавались вопросами о фундаментальной природе Добра.

Обогащение Сада Праведников воспоминаниями о Добре также полезно, для того чтобы потомки выживших не были порабощены своим возмущением, для того чтобы рассмотреть культуры и организации, которые благоприятствовали созданию «серой зоны» (*в «серой зоне» оказываются те, кто в явном виде не принимает участия в геноциде, однако фактически представляют собой среду, в которой он может быть осуществлен. — Прим. ред.*) и ослаблению принципа ответственности. Оно также полезно для превращения индивидуальных воспоминаний в общую историческую память на основе общего демократического гражданства.

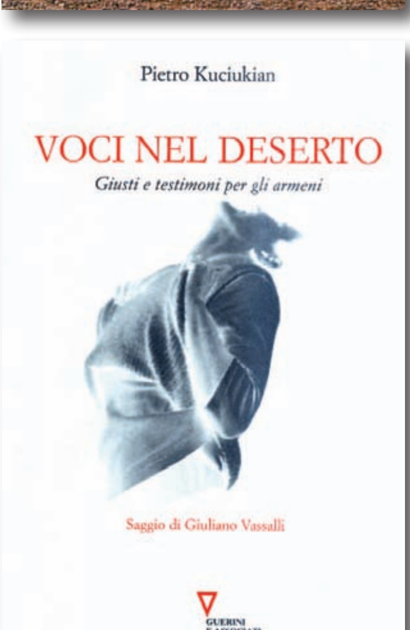
Это полезно для новых поколений, которые открывают себя надежде благодаря выхваченным из забвения достойным подражания личностям.

Послесловие от редакции:

Интересное ощущение складывается после знакомства с биографией Пьетро Кучюкяна, его живым и непосредственным, напрочь лишенным ложного пафоса и самомнения рассказом об эпизодах своей жизни и короткой лекцией о том деле, которому он сейчас отдает время и силы. Это ощущение сформулировано в заголовке материала. Действительно, есть что-то очень необычное в армянине, гоняющем на мотоцикле по бездорожью всех стран мира. И в то же время что-то типично армянское в мыслях и чувствах этого человека.

Личность Пьетро Кучюкяна не может не вызывать симпатии. Главная практическая миссия, которую он в последние годы взял на себя, — миссия доставки в Цицернакаберд земли с могил Праведников — не может не вызывать глубокого уважения. Но осмысление им самим этой миссии, которое нашло отражение в тексте лекции, слишком вписывается в рамки политкорректности, чтобы не оставить его без критики. В статье «Временная периферия» («АНИВ» № 38) уже говорилось о том, что использование для Геноцида армян тех философских, моральных, художественных и прочих идей, которые в наше время используются в связи с памятью о Холокосте, ошибочно по одной простой причине. Холокост давно уже и однозначно осужден, и у этого осуждения было множество политических последствий. Ни то, ни другое не имело место в связи с Мец Егерном. Поэтому в осмыслении Холокоста совершенно оправдан переход на иной, деполитизированный, уровень, а деполитизация темы Геноцида армян — большая и серьезная ошибка. Представим, где бы находилось сейчас человечество, если б справедливое возмущение тиранией, произво-

«Забытая земля. Дневник путешественника» 1991

«Голоса в пустыне. Праведники и свидетели для армян» 2000

«Страна кричащих камней» 1991

©ARHE

Возле камня и дерева в честь праведников, увековеченных в Цицернакаберде

лом, угнетением, насилием вело не к ликвидации последствий всего этого, а успешно переводилось в регистр умиротворяющих, исцеляющих от ярости и беспокойства мыслей о Добре. Не иначе как в веке Навуходоносора, неспособное сдвинуться с мертвой точки. Именно бескомпромиссная борьба за истребление Зла (каким его видели и понимали люди), за ликвидацию дивидендов, полученных с помощью Зла, борьба, которой нет и не может быть конца, двигала историю человечества.

Как и прочие ошибки, преждевременный переход к высоким общечеловеческим категориям до завершения трудной и жестокой борьбы за справедливость — следствие того, что с начала Нового времени армянский народ пока еще не родил хотя бы малочисленное «сословие» действительных политиков. При наличии «политического сословия» и самостоятельной политической мысли замечательные люди, подобные Пьетро Кучюкяну, с его энергией, инциативой, ориентацией на практические дела, были бы частью общеармянского Дела. Хочется верить в то, что в скором времени такие люди найдут свое достойное место в эффективной армянской Системе.

Мемориальные камни в Саду Праведников ▼►

В честь Джакомо Горрини

Проспект Праведников в Милане

В честь Праведников, увековеченных в Цицернакаберде

В честь Гранта Динка

Уничтожение как сотворение себя

Фрагменты новейшего исследования – **Раймон Геворкян «Геноцид армян»** *(«Le génocide des arméniens». Odile Jacob. 2006, перевод на английский «The Armenian Genocide: A Complete History». I. B. Tauris. 2011).*
Продолжение. Начало см. «АНИВ» №№ 37, 38.

Из части 2
МЛАДОТУРКИ И АРМЯНЕ ПРОХОДЯТ ПРОВЕРКУ ВЛАСТЬЮ (1908-1912)
Из главы 5
АРМЯНСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И МЛАДОТУРКИ. АНАТОЛИЙСКИЕ ПРОВИНЦИИ И СТАМБУЛ (1910-1912)

Армяне во время Балканского кризиса

Османская империя, стоявшая перед угрозой начала войны с того самого момента, как к власти пришел кабинет Гази Ахмеда Мухтара, согласно мнению экспертов того времени была не в состоянии ее вести. Финансы находились в упадке, армия была плохо организована и деморализована из-за нескольких лет слабой дисциплины. Однако впервые в войне должны были принять участие немусульмане, их мобилизовали, как и других. Патриотические призывы, таким образом, касались всех османских подданных, и армяне были не в последних рядах тех, кто поднялся на «защиту отечества».

Союз балканских стран, похоже, удивил даже европейских дипломатов, которые, несомненно, были озабочены судьбой османской части полуострова, но с точки зрения реформ, к которым они надеялись принудить Высокую Порту. Эксперты соглашались в том, что греческий премьер Венизелос мастерски скрыл свою решающую роль в формировании столь маловероятного союза.

В сентябре 1912 года в Константинополе царила праздничная атмосфера, расцвеченная патриотическими чувствами. Самые большие энтузиасты рассчитывали отметить победу в Софии еще до конца года – Болгария была поставлена в разряд врага номер один империи. Либеральное правительство, составленное из опытных людей, прекрасно осведомленных о слабости армии, недостатке современного оружия и снаряжения, было против войны, как и парламентское большинство. Только младотурки, потерявшие большинство мест в новом парламентском собрании, вели активную кампанию в поддержку начала военных действий. (...) Возможно, насилие, которое имело место при недавних вторжениях османской армии в Македонию и Албанию, объясняло декларацию министра иностранных дел Норатункяна в иностранной прессе о том, что османская армия намерена соблюдать принятые цивилизованными странами правила ведения войны и в оккупированных ею регионах резни не будет. Днем 21 сентября партия Иттилаф организовала стотысячный митинг на площади перед мечетью Султан Ахмед. Одним из первых выступавших был Тиран Келекян, главный редактор «Сабах», который объявил, что выступает за начало войны, и закончил свою патриотическую речь элегантной оборонительной формулировкой: «Либо османцы оставят за собой 30 миллионов могил, либо покажут Европе, из какого материала они сделаны, сокрушив балканские страны».

Вечером того же дня на той же площади свой митинг под руководством Талаата провел Иттихад. Здесь присутствовало больше молодежи. Список выступавших включал самого Талаата, Хасана Фехми, Джемаледдина Арифа, Акопа Бояджяна и представителя АРФ Дашнакцутюн, доктора Карапета Пашаяна. «В целом АРФ выступает против войны, которая несет народу нищету и лишения, – сказал он. – Однако партия может только подтвердить свое одобрение битвы ради защиты отечества против внешней агрессии». Хотя речь Пашаяна, близкая к официальной линии Дашнакцутюн, не отличалась крайностями патриотизма, тем не менее, она подтверждала солидарность АРФ с прежними союзниками в трудных обстоятельствах (18 июля партия разорвала союз с Иттихадом). Последний из выступавших, Омер Наджи, который считался одним из пропагандистов Иттихада, воззвал к «расовому духу», который не знал поражений. Наджи убеждал своих слушателей «плюнуть в лицо горстке малых наций, которые оскорбили семь веков существования турецкой расы». В этой атмосфере патриотического единодушия многие армяне записывались в армию добровольцами, так же как черкесы и курды. Однако следует отметить, что мобилизация не была проведена в Сирии, Месопотамии и восточных провинциях Анатолии. Заявления министра иностранных дел Норатункяна репортеру из Le Temps свидетельствовали о том, что он лично против начала войны.

Как Иттилаф, так и Иттихад искали армянской поддержки своей позиции. Однако иттихадистская оппозиция гораздо лучше знала, как мобилизовать большие толпы. Более того, несмотря на отстранение от власти, партия могла положиться на сети, создан-

ные ранее во всех классах общества. Постаравшись извлечь выгоду из первых массовых демонстраций, она мобилизовала в первую очередь студентов университета, чтобы оказать давление на либеральное правительство Ахмеда Мухтара и дестабилизировать его. Лучше своих противников она знала, какие темы могут собрать людей вместе – отказ от исполнения 23-й статьи Берлинского договора, которая предусматривала проведение реформ в Румелии, идея равенства всех подданных империи – тема, симптоматичная для оценки состояния османского общества в тот период. Гораздо более впечатляющей стала студенческая демонстрация 24 сентября 1912 года, начатая сотней младотурецких активистов. Она быстро переросла в полувосстание и поставила в трудное положение правительство, чье негативное отношение к войне было непопулярным – демонстранты обвинили его в пресмыкательстве «перед балканскими странами». (...)

Чтобы избежать войны, Совет министров не имел другого выбора, кроме как пойти на уступки, требуемые балканскими странами, в частности, ввести в действие статью 23 Берлинского трактата. Легко представить, с какой легкостью иттихадистские сети смогли повернуть «турецкое» общественное мнение против реформ, которые были расценены как акт предательства, выгодный немусульманским группам населения империи – их воспринимали как врагов, пользующихся поддержкой христианских держав. Разрываясь между надеждами, пробужденными обещаниями либерального правительства провести реформы, и тревогой, вызванной враждебностью общества к малейшим уступкам, армянские круги взяли на себя ответственность и призвали своих соотечественников к исполнению долга. Однако их выбило из колеи утверждение «Танин» о том, что в случае введения в действие статьи 23 в вилайетах европейской части Турции, «за ней сразу же последует 61-я статья» – т.е. статья Берлинского трактата, касающаяся армянских провинций. Причинно-следственная связь была высказана совершенно ясно, так же как и параллель между событиями на Балканах и в армянских провинциях Восточной Анатолии. Замечание в «Танин» давало яркое представление о том, каким Иттихад видел будущее империи, о его решимости сохранить территориальную целостность государства. Это оставляло армянам очень слабую надежду на то, что на востоке будут проведены малейшие реформы. Через несколько недель после поражения османской армии от Балканской коалиции Иттихад вновь попробовал пойти на сближение с АРФ, никак не комментируя свою публичную позицию в канун войны. Душой этого приглашения к сотрудничеству был Мехмед Талаат, который распространил его также и на Зохраба. Ситуация была критической, и Талаат, соответственно, дал ряд обещаний, которые со всей очевидностью противоречили позиции, издавна занятой Иттихадом: он выступил с предложением ввести в действие закон о вилайетах 1880 года, разрешив аграрный вопрос (захваты земель) и наказав преступников.

Западное бюро Дашнакцутюн с определенной тревогой наблюдало за первоначальными успехами Балканской коалиции, осознавая, что армяне не могут ожидать никакой поддержки от Европы или России, если турки обратятся против них. Предостережение звучало в утверждении Симона Заваряна: «Важно, что в случае поражения турок они естественным образом захотят отыграться на армянах, которые представляют собой слабейшую группу населения и не могут себя защитить». Для таких опасений были основания. Во время Балканской войны и в последующие месяцы ситуация в восточных провинциях ухудшалась, частично из-за появления бежавших от войны боснийских мухаджиров; они в больших количествах наводняли армянские вилайеты. Эти беженцы и накал их негативных чувств по отношению ко всем христианам беспокоили Ваhана Папазяна. «Мы опасались, – писал он, – что они, как саранча, сожрут все, что имеют армяне, и осуществят новую резню. Таким был дьявольский замысел правительства».

На поле боя армянские солдаты исполняли свой долг, особенно при обороне Янины. Наблюдатели единодушно признавали, что они сражались храбро, отмечали компетентность армянских офицеров, которые особенно выделялись в артиллерии. Как и вся османская армия в целом, они тоже несли большие потери. Однако в потерпевшей поражение, униженной стране это весило не так много.

Лидеры Иттихада особенно остро воспринимали события на фронте – как национальную и личную трагедию, как доказательство полного краха их грандиозных планов. Многие из них, как Талаат, спонтанно принимали решение записаться добровольцем, другие, как Джемаль, исполняли свой долг в качестве офицеров. Доктор Назым испытал унижение плена, он был арестован в историческом штабе комитета «Единение и Прогресс», когда греки захватили Салоники в октябре 1912 года, вместе с ним был арестован албанский заместитель из Дервиш-Бея, глава одной из самых активных групп фидаинов в Комитете. Назым и Серез, доставленные в Грецию под усиленной охраной, по крайней мере были избавлены от зрелища грабежа мусульманского и еврейского населения города, от убийств и насилий, совершенных греческими солдатами перед глазами свидетелей.

Весь опыт генерала Назыма потребовался, чтобы остановить наступление болгарской армии в Чаталдже, в нескольких десятках километров западнее Константинополя, и освободить других лидеров младотурок, задержанных во время боев, при попытке бегства в столицу. Военный министр, презираемый лидерами Иттихада, спас тех самых людей, от чьих рук он погиб после покушения несколько месяцев спустя. В это время новые иррегулярные соединения младотурок сделали свои первые шаги на поприще подрывной деятельности, саботажа и политических убийств. Вскоре они примут наименование «Тешкилат-и Махсусе» («Специальная организация») и сыграют важную роль в подготовке отвоевания Эдирне в июле 1913 года.

В декларации, опубликованной 25 декабря 1912 года, ЦК гнчакистов, объект особой ненависти Иттихада, обобщил дилемму, перед которой оказались армянские политические силы после войны, положившей конец турецкому присутствию в Европе: «В этот критический час, в этот ужасный час, насыщенный событиями и чреватый последствиями, на горизонте маячит также Армянский Вопрос, один из самых тяжелых, самых трудноразрешимых, он стиснут в стальном кольце самых неблагоприятных обстоятельств». Далее редакторы официального органа гнчакистов указывали, что младотурки показали себя неспособными даже в самой малой степени осуществить реформы, что их конституция «была военной «конституцией», которая доказала свое жалкое бесплодие с точки зрения интересов народа». Намекая на те средства излечения, которые лидеры младотурок предписывали стране, редакторы заключали, что иттихадисты «оказались не врачами, но ветеринарами, скорее даже мясниками, забивающими животных на бойне».

из части 3

МЛАДОТУРКИ И АРМЯНЕ ЛИЦОМ К ЛИЦУ (ДЕКАБРЬ 1912 – МАРТ 1915)

из главы 1

ИЗМЕНЕНИЯ В КОМИТЕТЕ «ЕДИНЕНИЕ И ПРОГРЕСС» ПОСЛЕ ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ, 1913 ГОД

Ситуация в восточных провинциях во время Балканских войн

(...) Бесчисленные сообщения из восточных провинций указывали на значительное ухудшение ситуации. Ее начало можно датировать 1912 годом, годом Первой Балканской войны. Циркуляр константинопольского Патриарха Ованнеса Аршаруни, адресованный послам держав, проливает свет на позицию официальных армянских организаций:

«Патриархат армян Турции направляет Вашему Превосходительству перевод такрира, представленного Его Высочеству великому визирю вечером в субботу. (...) В меморандуме, представленном Патриархом его высочеству великому визирю 12 мая этого года, он в последний раз указывал на опасность резни, угрожающую армянам. Он требовал принятия эффективных мер для устранения этой, ежедневно возрастающей угрозы. Ваше Превосходительство осведомлено о том, что положение армян внезапно ухудшилось в результате последствий Балканской войны. Несчастливый исход войны добавил жажду мести к вековой ненависти. Со всех концов Анатолии угроза резни нависает над головами армян. Они стали заложниками в руках мусульман. Если резня пока не произошла, причина состоит исключительно в том, что армяне, даже оказываясь объектом самых предосудительных преступлений, воздерживаются от обращения за правосудием из опасения, что это могут расценить как провокацию. До сих пор им в лучшем случае удается избегать всеобщей резни. Число убийств не уменьшилось, но, наоборот, возросло, и за последнее время они совершаются с очевидным намерением терроризировать армян. Подвергаясь насилию, находясь под угрозой массовой резни, армяне не могут положиться на защиту государства и даже не имеют права на самооборону. Если они приобретают оружие, их немедленно обвиняют в подготовке восстания. Бдительность правительства по отношению к армянам никогда не ослабевает. Действия властей, предполагающих, что армяне всегда готовы взяться за оружие, только разжигают ненависть фанатичных масс... От Алеппо до берегов озера Ван армянский народ живет в страхе перед будущим. Длинные караваны армянских семей в очередной раз направляются в сторону границы. Армяне вынуждены рвать узы, которыми связали их с этой землей века истории и неустанного труда. Невыносимость такой ситуации и отрицательный результат инициатив Патриархата, твердо надеющегося на предстоящее решение по вопросу реформ в Армении, заставляют просить Ваше Превосходительство о принятии срочных мер во избежание грозящей резни в Анатолии».

Кроме обращений к дипломатам, Патриархат продолжал регистрировать поборы и вымогательства в провинциях, информируя о своих действиях Высокую Порту, он привлекал внимание к «преследованиям со стороны правительственных чиновников, которым подвергались только армяне», к «отдельным убийствам, конфискациям собственности, похищениям и грабежам» и к исходу населения, вызванному этими фактами. Не ограничиваясь регистрацией подобных актов, он также интерпретировал их:

«Ситуация позволяет сделать вывод, что армяне больше не имеют права жить в Османской империи. Нынешнее положение вещей может привести только к уничтожению армян в упомянутых выше областях; неоднократные заверения властей о принятии необходимых мер для сохранения чести, жизни и имущества наших соотечественников не приводят ни к каким результатам, и поскольку к этим просьбам, жалобам и протестам, к которым я уже привлекал внимание, нечего добавить, мне остается только обращаться по вопросу будущего армянского народа, исключенного из общества, к совести и чувству ответственности османского государства и народа, а также к состраданию цивилизованного мира».

(...)

«Дрошак», официальный орган АРФ Дашнакцутюн, признавая прежнее отношение к властям как mea culpa *(«моя вина» (лат.). – Прим. ред.)*, не пытался преуменьшить ответственность Иттихада за положение, в котором оказалось армянское население восточных провинций. «За последние четыре года конституционная Турция... еще хитрее и методичнее... как вампир, высасывает кровь армянского народа... а мы, будучи наивными, ослепленными иллюзиями, незаметно для себя шаг за шагом приближались все ближе к роковой пропасти». Дашнакский редактор понимал всю глубину той западни, в которую попали армяне: «Сегодня мы стоим перед жестокой, устрашающей дилеммой. Вопрос стоит о самом существовании армянского народа: либо он получит дей-

ствительные гарантии своего выживания в качестве нации, либо исчезнет под развалинами Турции, как объект жертвоприношения. Здесь нет половинчатого решения, нет промежуточного выхода».

Вывод оказывается еще более поразительным: «Дьявольский заговор, тайно разработанный против армянского народа, уже больше не секрет. Турецкое правительство — младотурки — не видят больше нужды скрывать преступление, которое они задумывают».

Во внутренних отчетах, составленых Политическим Советом (*при армянском Константинопольском Патриархате. — Прим. ред.*) факты раскрывались в еще более ясном свете:

«Согласно информации, полученной за последние дни из абсолютно надежных источников... в шести вилайетах систематически продолжается преследование армян. Оно не скрывается, но проводится совершенно открыто. Теперь все и вся служит предлогом для приписывания армянам подрывных идей и привлечения их к ответственности. Если они убили курдского разбойника, терроризировавшего весь район, если при них нашли оружие, если они собрались вместе, чтобы отметить праздник, если они носят шляпы вместо фесок, их немедленно арестовывают и бросают в тюрьму. Что бы они ни сделали — это всегда считается преступлением, угрожающим «государственной безопасности», по такому обвинению их можно держать в тюрьме до окончания следствия, которое не заканчивается никогда. В это время курды вооружены до зубов, перемещаются небольшими группами... Сея террор, они помогают удерживать армян в подчинении. Занимаясь грабежами, они помогают правительству вести экономическую войну, которую оно объявило армянам. Таким образом, они везде служат интересам турецких властей».

В том же отчете отмечалось, что все убийства армян имеют общую характерную особенность: от пуль убийц всегда гибнут те, кто выделяется из общей массы. Жертв выбирают среди учителей, священников, сельских мухтаров, хозяев, владельцев земли — короче говоря, среди тех, кто в силу образования, профессии или социального положения выполняет важные для сообщества функции. (...)

В заключение Политический Совет отмечал, что по подсказке правительства турецкая пресса начала антиармянскую кампанию; тон турецких газет день ото дня становится все более яростным, в статьях прямо угрожают резней или общим бойкотом. По мнению лидеров армян, турецкие власти преследовали двойную цель: с одной стороны, они хотели терроризировать армян, с другой — убедить державы, что османское общественное мнение не дает возможности уступить европейским требованиям, даже самым скромным.

Во второй половине 1913 года преследования армянского населения восточных вилайетов выглядели частью общей стратегии, выработанной национальным руководством — вероятно, Центральным Комитетом Иттихада.

из главы 2

ПОДХОД АРМЯНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ВОПРОСУ РЕФОРМ

(...) Радикализация Иттихада со всей очевидностью встревожила армян. После продолжительного периода надежд на осуществление режимом младотурок проекта желаемых реформ армянские организации, в конце концов, решили вывести этот вопрос на международный уровень. С этого момента армяне оказались в страшном и беспощадном противостоянии лицом к лицу со своими турецкими «согражданами». Автор передовиц в газете «Гнчак» указывал, что Балканские войны создали «новую ситуацию» и придали Армянскому вопросу «новую актуальность». Со своей стороны орган АРФ Дашнакцутюн «Дрошак» подводил баланс нескольких прошедших лет. Он напоминал своим читателям, что «как только установился новый режим, несмотря на болезненные обстоятельства, подобные резне в Адане... армяне представили красноречивые и конкретные доказательства искренности своих чувств и своей глубокой приверженности Османской конституции». Однако это, как констатировалось далее в статье, не возымело эффекта.

В своем дневнике Григор Зохраб пишет, что в июле 1912 года во время встречи в Стамбуле с председателем Думы Александром Гучковым (*В действительности лидер партии «октябристов» Гучков еще 15 марта 1911 года отказался от этого поста, не желая поддерживать действия правительства Столыпина. Недостаточная информированность о таких важных обстоятельствах была характерна для армянских общественно-политических деятелей того времени. — Прим. ред.*) ему удалось умерить крайнюю враждебность российских лидеров по отношению к армянам. Русские, возможно, под воздействием османской дипломатии, подозревали армян в сепаратистских тенденциях, не говоря уже о настоящей войне, которую царский престол объявил армянским революционным комитетам, в особенности АРФ Дашнакцутюн. Ненависть АРФ к царскому режиму, которая не уменьшалась с момента основания партии, была главным препятствием для деятельности официальных армянских организаций (*До указа 12 июня 1903 года о лишении Армянской Церкви права распоряжаться ее имуществом на территории Российской империи партия не вела борьбы против самодержавия, хотя, безусловно, по своей идеологии и фразеологии была революционной и уже поэтому могла восприниматься царизмом только враждебно. — Прим. ред.*). Если российской дипломатии предстояло сыграть активную роль в осуществлении армянских реформ, бремя, воплощенное в АРФ, должно было быть сброшено — партии следовало согласиться на нормализацию отношений с царским режимом.

Мы не обнаружили документов, которые позволяют прийти к четким выводам по этому вопросу, но первоначальные переговоры в октябре 1912 года между Католикосом Геворгом V и наместником на Кавказе Воронцовым-Дашковым, видимо, указывают на то, что

к этому времени АРФ нашла с российскими властями общий язык (*О нахождении общего языка между Дашнакцутюн и российскими властями свидетельствовал ряд фактов. В марте в Баку состоялась встреча лидера российских кадетов П. Милюкова с представителями армянских партий, в которой он по донесениям царской полиции предложил армянам ориентироваться на Россию, готовую поддержать в будущем независимость «Турецкой Армении». В том же месяце Николай II после достаточно долгой задержки утвердил избрание Католикосом всех армян Геворга Суренянца, который считался ставленником Дашнакцутюн, а ЦК Дашнакцутюн «Шахастан» (Тегеран) принял решение отозвать вооруженные отряды партии из состава сил иранских конституционалистов (Россия оказывала военную и политическую поддержку шахской власти). В апреле неожиданно мягкими приговорами закончился масштабный политический процесс по делу Дашнакцутюн. В июне в Санкт-Петербурге прошла встреча Католикоса Геворга V Суренянца с царем и царицей, а также членами правительства. В связи с приездом Католикоса в столицу впервые за 20 лет в русской консервативной печати появились благожелательные по отношению к Армянской Церкви и армянскому народу оценки. В сентябре Районный съезд партии Дашнакцутюн по Персии (Ирану) принял решение разорвать связи с иранским конституционалистским движением. — Прим. ред.*). Возможно или даже вероятно, процесс был ускорен армянами, находящимися на высоких должностях в Санкт-Петербурге (*Еще в 1883 году в связи с подозрениями в сепаратизме армян, как «неблагонадежных», стали удалять с государственной службы в Кавказском крае, позднее — в Туркестане. Несмотря на изменения, связанные с восстановлением Кавказского наместничества в 1905-м и назначением его главой Воронцова-Дашкова, к 1911 году положение существенно не изменилось. Если говорить о Санкт-Петербурге, в верхних эшелонах государственной службы армяне здесь тем более отсутствовали. — Прим. ред.*). Так или иначе, известно, что два видных санкт-петербургских армянина — профессор Николай Адонц и адвокат Сиракан Тигранян присутствовали в Стамбуле 21 и 22 декабря 1912 года и были приняты в Национальном собрании в тот самый день, когда оно образовало Комиссию по безопасности, которой было поручено заниматься вопросом реформ.

21 декабря за закрытыми дверями состоялось «историческое» заседание Национального собрания в его резиденции в Галате. Политический совет в составе судьи апелляционного суда Степана Караяна, гнчакистов Мурада Бояджяна и Нерсеса Закаряна, дашнаков Карапета Пашаяна и Ваhана Папазяна, а также «центристов» Тирана Ерканяна, Левона Демирчбашяна, Оскана Мартикяна и Саркиса Свина представил свой план проведения реформ в армянских провинциях. Зохрабу, чью роль в постановке Армянского вопроса на повестку дня мы уже обсуждали, было поручено представить причины, по которым Политический Совет предпринял такую инициативу. Предложенный план был единогласно одобрен представителями всех течений, представленных в Национальном собрании, которые согласились с тем, что больше не осталось никаких альтернатив радикальным мерам с целью «раз и навсегда избавиться от опасности общей резни, о которой свидетельствуют все достоверные сообщения, полученные в последнее время».

По этому вопросу Национальное собрание создало Совещательный комитет, которому предстояло тесно сотрудничать с Политическим советом. Он должен был состоять из пяти членов: Арутюн Шахрикян от АРФ, Ваhан Текеян от партии «Рамкавар», Давид Тер-Мовсесян от политического центра, Б. Калфаян от Социал-демократической Гнчакистской партии и, наконец, Зохраб. Для общей координации Смешанный совет — орган, объединяющий Политический и Религиозный советы — создал Комиссию по безопасности под председательством бывшего Патриарха Егише Дуряна. В нее входили Крикор Балакян, Степан Караян, Оскан Мардикян, Левон Демирчбашян, Мурад Бояджян и д-р Ваhан Папазян в качестве исполнительного директора.

(...) С учетом прошлого опыта (*обращений к державам при режиме Абдул-Гамида II. — Прим. ред.*) Константинопольский Патриархат взялся за дело чрезвычайно методично, согласовывая свои действия с Эчмиадзинским Католикосатом. Избранное в ноябре 1912 года армянское политическое руководство и его Особая комиссия действовали с максимально возможной осторожностью. В частности, как признал на заседании 21 апреля 1913 года Караян, Национальное собрание не информировалось о некоторых сторонах деятельности Особой комиссии из соображений безопасности.

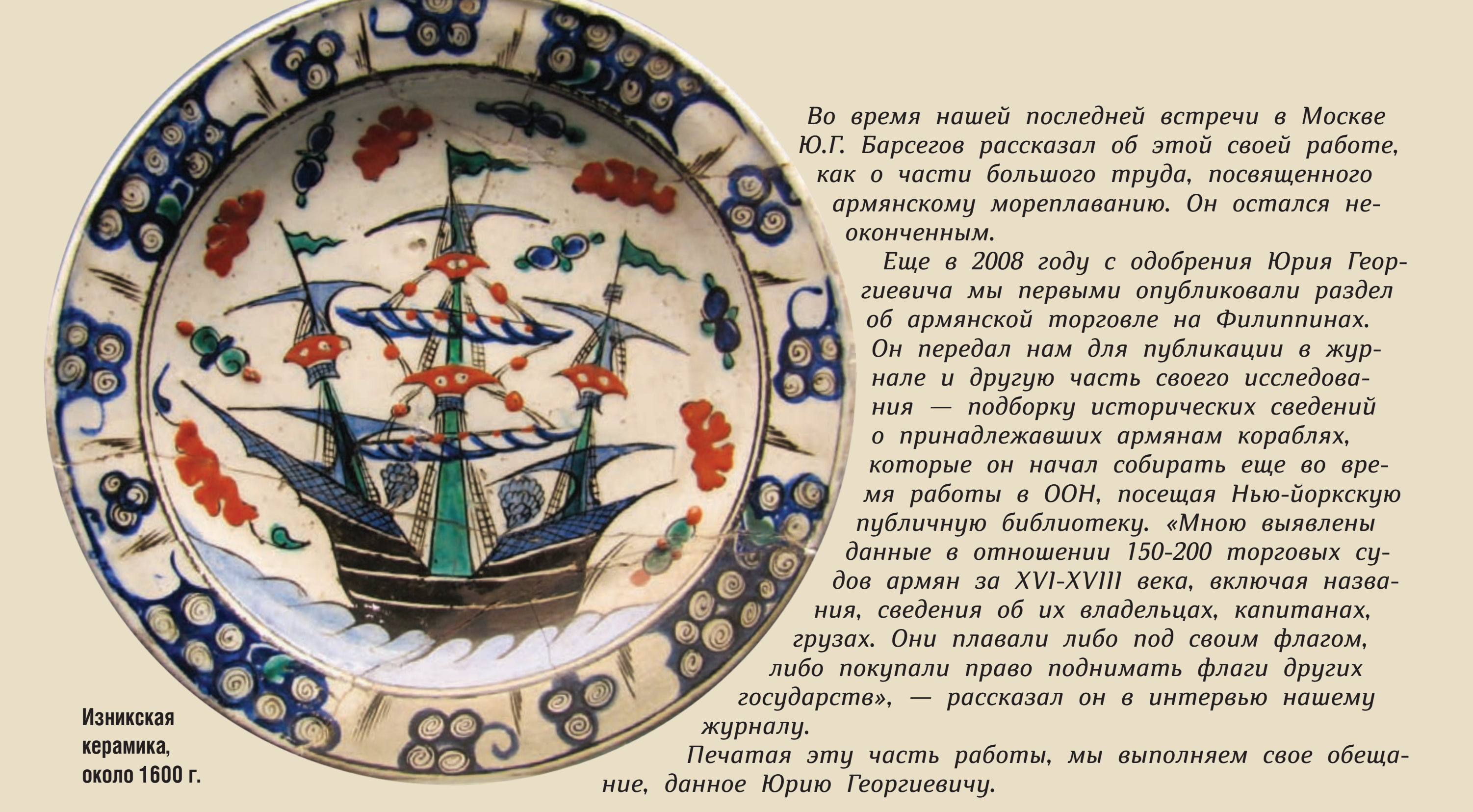
Пока комиссия выполняла свою задачу, Католикос Геворг V назначил Погоса Нубара главой армянской делегации. В конце 1912 года Нубар направился в Париж, чтобы в тесном сотрудничестве с Константинополем и Тифлисом, где также была создана комиссия, провести подготовительную работу, которая, как надеялись, закончится реформами в Армении. Так сформировалось разделение труда: Нубар отвечал за дипломатию и обсуждение вопроса с европейскими правительствами, а Политический совет при поддержке константинопольской и тифлисской комиссий должен был вести переговоры по вопросу реформ с властями Османской и Российской империй.

В то же время совет делал все возможное, чтобы сдерживать массовую эмиграцию измученного армянского крестьянства. Он обещал крестьянам, что вскоре будет установлена система правосудия, соответствующая своему названию; убеждал оставаться в своих селах; отправлял в сельские районы комиссии для учета нужд населения; призывал армянские общины за рубежом протянуть своим соотечественникам в Армении руку помощи; пытался содействовать инвестициям; организовывал чтение в церквях патриаршего послания с призывом к армянскому населению оставаться на родине; разрабатывал планы создания сельскохозяйственного банка, инициировал в феврале 1913 года перепись армянского населения и т.д.

Продолжение следует

Ю.Г. БАРСЕГОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕГИСТР ТОРГОВЫХ СУДОВ АРМЯН

Изникская керамика, около 1600 г.

Во время нашей последней встречи в Москве Ю.Г. Барсегов рассказал об этой своей работе, как о части большого труда, посвященного армянскому мореплаванию. Он остался неоконченным.

Еще в 2008 году с одобрения Юрия Георгиевича мы первыми опубликовали раздел об армянской торговле на Филиппинах. Он передал нам для публикации в журнале и другую часть своего исследования — подборку исторических сведений о принадлежавших армянам кораблях, которые он начал собирать еще во время работы в ООН, посещая Нью-йоркскую публичную библиотеку. «Мною выявлены данные в отношении 150-200 торговых судов армян за XVI-XVIII века, включая названия, сведения об их владельцах, капитанах, грузах. Они плавали либо под своим флагом, либо покупали право поднимать флаги других государств», — рассказал он в интервью нашему журналу.

Печатая эту часть работы, мы выполняем свое обещание, данное Юрию Георгиевичу.

1. Из рассказа францисканца Одорико Порденоне известно, что капитаном корабля, который в 1321 или 1322 году курсировал между портами Индии и Цейлона (Коломбо), был армянин. «И командир корабля сказал нам по-армянски, чтобы никто другой его не понял...» — пишет Одорико[1].

2. В апреле 1645 года губернатору Цейлона сообщили с Коромандельского берега о том, что в январе один армянский и несколько португальских кораблей привезли фарфор из Малакки[2].

Корабли, направлявшиеся с грузом фарфора из Японии в Сурат и дальше — в Персию, шли через Тайвань (Формозу) и Малаккский пролив[3].

3. В 1663 году Жан де Тевено отмечает в порту Бендер-Аббас наличие шести кораблей, направлявшихся в Индию: четырех голландских, одного арабского и одного армянского.

Как француз Тевено не мог воспользоваться голландским кораблем. Желающих путешествовать на арабском корабле было очень мало из-за того, что он был «плохо приспособлен выдержать шторм и еще меньше — для сопротивления корсарам, если бы он подвергся нападению, чего следовало очень опасаться». В этом отношении армянский корабль должен был

выгодно отличаться, поскольку все стремились получить место именно на нем: «на армянский корабль не было мест ввиду того, что многие хотели сесть на него, и даже многих армян не могли принять на корабль».

Этот корабль совсем недавно «был куплен армянином у голландцев и еще носил их флаг». Капитан корабля Ванвик и его штурман были голландцами[4].

4. Маркос Ерезад, назначенный губернатором Сан-Томе (Майлапора) после того как в 1662 году царь Голконды Абдулах Кутуб шах изгнал португальцев из города, послал в 1664 году английскому королю Карлу II драгоценный подарок: упакованные в золотой ларь и запечатанные своей печатью редчайшие камни и украшения. В английских архивах сохранилось сопроводительное письмо армянского губернатора Сан-Томе английскому королю от 4 февраля 1664 года[5] и петиция Стефана Банса, доставившего письмо и подарок[6]. Взамен преподнесенных сокровищ Маркос Ерезад просит английского короля подарить ему корабль, мотивируя это своими доводами и стремясь заинтересовать английского короля результатами армянского мореходства: «И ввиду того что кораблестроение здесь, хотя и вполне совершенное, сопряжено с трудностями, я прошу Ваше Величество пожаловать мне корабль, на котором слуги Вашего слуги, отправляясь в плавания в восточные страны, смогут получать товары высокого качества и большой ценности, с тем чтобы всегда предлагать их Вашему Величеству для удовольствия и в знак должного признания от Вашего преданного слуги».

Предоставление корабля и является, как пишет сам Маркос Ерезад, «предметом его прошения». И хотя сам проситель выражал полную уверенность

Карта «Восточная Индия» (Кэриус, Амстердам, 1726 г.)

в том, что просьба его будет удовлетворена, нам известно, как реагировал на нее английский король. Однако одно несомненно: просьба Маркоса Ерезада была вызвана тем, что армяне все шире и шире прибегали к использованию собственных кораблей дальнего плавания, используя в качестве одной из своих морских баз портовый город Сан-Томе.

5. Лабулайе Легуз, представлявший интересы французского короля Людовика XIV в Персии, сообщал 9 марта 1666 года из Бандар-Конго в Париж, что он уже «написал Его Величеству о том, что для поездки в Индию он сел на армянский корабль, капитан которого был датчанином»[7]. Отправившись 9 марта из персидского порта Конго, корабль 29-го числа того же месяца «бросил якорь у отмели Сурата, у земель Великого Могола[8]» .

6. Согласно «Дневнику» главного представителя Английской Ост-Индской компании в Бенгальском заливе 29 декабря 1676 года, когда они стали на якорь в Масулипатаме, «на рейде стояли на якоре четыре корабля, а именно: «Индалдженс», принадлежащий царю Голконды; «Трипликейн», принадлежащий г-ну (Генри) Карпентеру; маленькое судно, принадлежащее датчанам; и новый корабль, построенный армянином в Масулипатаме»[9].

Обратим также внимание, что в сообщении представителя Английской Ост-Индской компании говорится о корабле, «построенном армянином» в Масулипатаме, а не «построенном для армянина»[10]. Исходя из этого свидетельства, можно предположить, что армяне располагали в Масулипатаме своей кораблестроительной базой.

7. В связи с направлением группы кармелистских миссионеров в Кошин на Малабарское побережье Индии, в кармелитской хронике событий, имевших место в Басре, отмечается, что 28 декабря 1675 года они «достигли корабля и приветствовали владельца, который был армянином-христианином, и капитана, который был голландцем». По словам хроники, «судовладелец очень вежливо позволил им подняться на борт» и сказал, что «по своей доброй воле провезет их бесплатно». Но капитан корабля, разместив миссионеров в своей каюте, все же взыскал с них (30 скуди)[11].

8. Как видно из протокольной записи английских факторов (агентов) в Айютии от 22 ноября 1675 года, в этом году из Сурата в столицу Сиама прибыл армянский купец и судовладелец «Мехха» на корабле «Content». Об этом факте сообщается в связи с тем, что англичане не могли найти «знающего и умелого штурмана» для своего корабля, который они намеревались послать из Айютии в форт Сент-Джордж и Бантам. Поэтому они обратились к армянскому судовладельцу, в экипаже которого были три англичанина, с просьбой «выделить им капитанов». «Видя, что он упорно противится нашему разумному желанию, — говорится в протоколе, — мы, на основании хартии, дарованной Его Величеством предпринимателям нашей достопочтенной компании и как того требовало от нас состояние их дел, единодушно постановили потребовать и удержать г-на Сэма Лифула, помощника капитана названного армянина, для отправки в Бантам при первой возможности»[12].

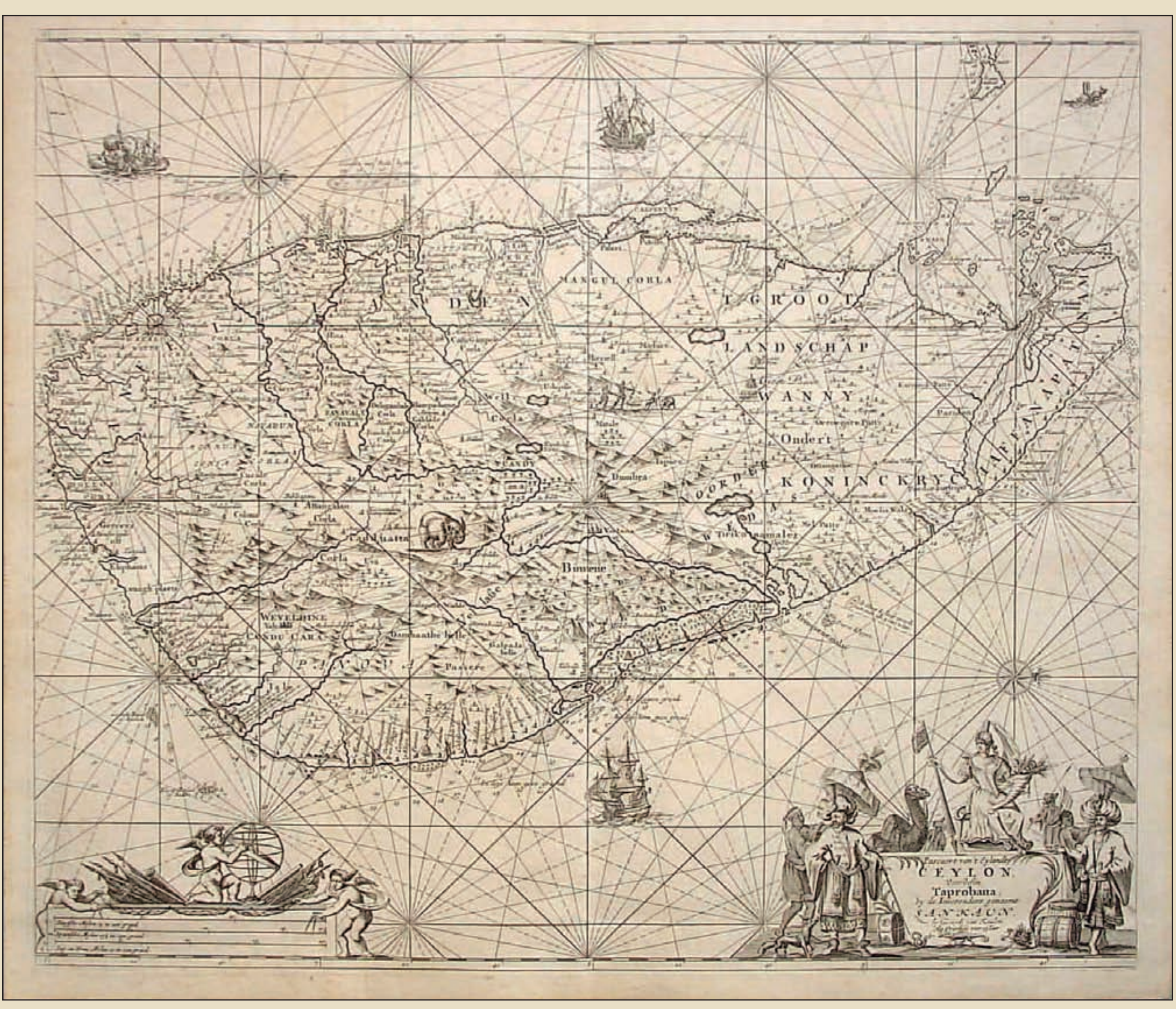
9. В «Мемуарах» Франсуа Мартена имеется запись, сделанная в мае-июне 1679 года, о корабле, капитаном и владельцем которого был армянин: «Армянин, капитан корабля, который пришел с Манильских островов и стал на якорь перед Мадрасом, прибыл в Пондишери. Он подтвердил известие об освобождении капитана и экипажа судна, на котором совершил плавание епископ Гелиопольский. Этот капитан пришел из Порто-Ново, чтобы выяснить, сможет ли он загрузить свой корабль для возвращения в Манилу; в Мадрасе это представляло большие трудности, т.к. здесь непременно нужно было пройти через руки Английской компании, которая продавала свои товары очень дорого, и потому нельзя было извлечь какую-либо выгоду. Армянин нашел более выгодные для себя предложения в Порто-Ново и потому направил туда свой корабль»[13].

10. 16 февраля 1681 года из Тонкина сообщалось, что английский капитан корабля «Эдвайс» купил там армянский шлюп, нагрузил его фарфоровыми чашками и 25 июля 1680 года направился в Бантам[14]. Сообщение интересно тем, что свидетельствует об использовании армянами в этом районе не только больших кораблей дальнего плавания, но и небольших кораблей средней дальности. Оно может служить основанием для предположения, что в этом районе, как и у побережья Индии, армяне занимались также и каботажным плаванием, вероятней всего — перевозкой шелка из Китая в Манилу.

ц11. В марте 1684 года, в связи с доставкой из Басры в Сурат письма Французской компании о прибытии во Францию кораблей «Ройяль» и «Эрёз», аттестуется «принадлежащий армянским купцам» корабль «Саломони». По сведениям Ф. Мартена, при доставке письма армянский корабль шел «обратным рейсом после продажи фарфоровой посуды, которую мы погрузили на этот корабль в прошлом году во время его рейса в Персидский залив»[15].

К этому же или другому армянскому кораблю относятся выявленные нами данные, относящиеся к 1713-1725 годам.

Одно из упоминаний об армянском корабле «Саламани»[16] датируется 4 апреля 1713 года, когда он пришел в Мадрас с армянским капитаном: «Корабль

Карта Цейлона (Ван Кёлен, 1753 г.)

«Саламани», Ходжа Погос нокхида, прибыл из Пегу», — гласит запись, сделанная в форте Сен-Джордж[17]. Обратным рейсом корабль вышел из Мадраса 12 сентября 1713 года и повел его другой армянский капитан: «Корабль «Саламани», Ходжа Симон нокхида, отправился в Пегу»[18].

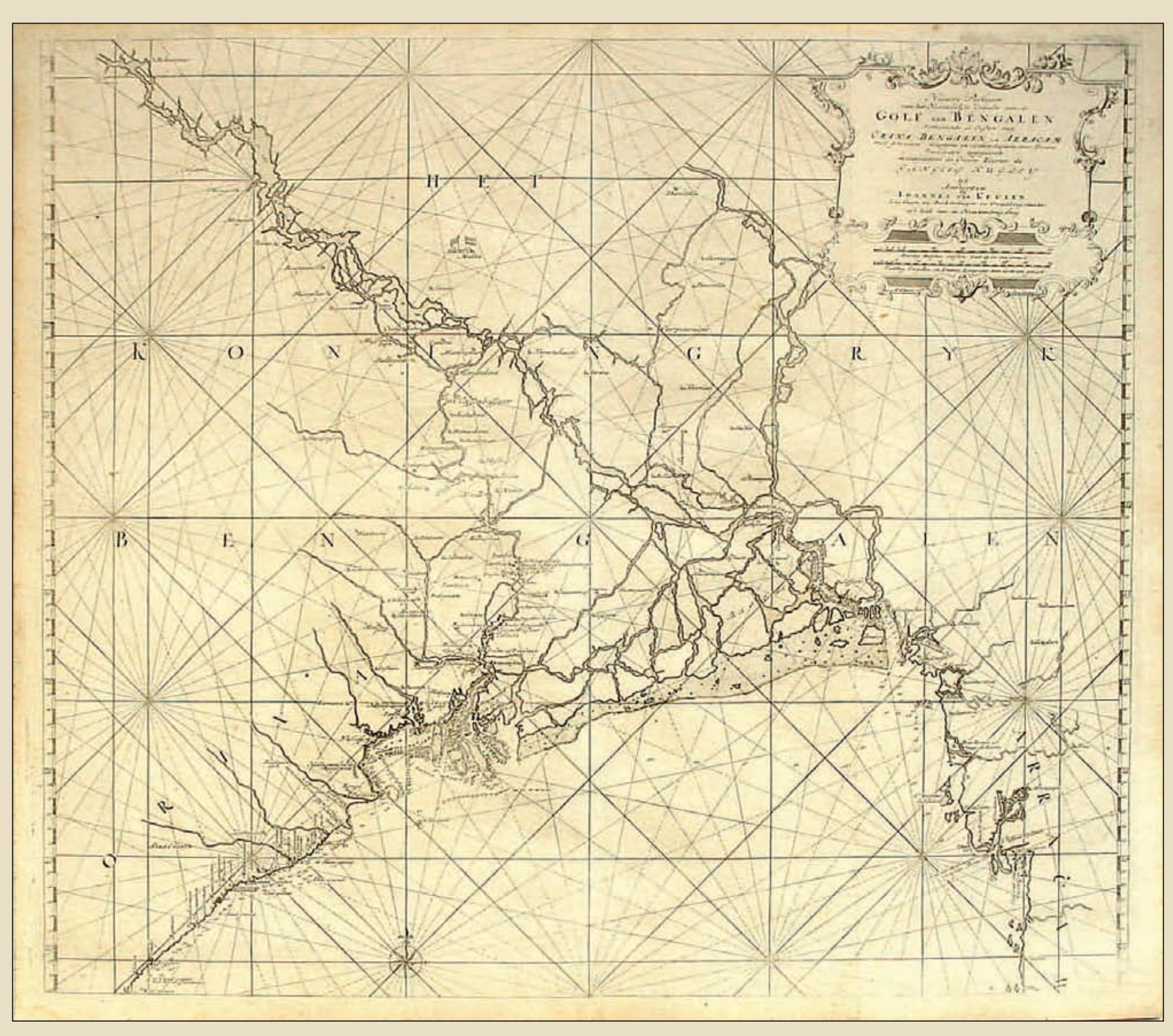
В следующем 1714 году корабль пришел в Мадрас с новым армянским капитаном. Об этом в форте Сен-Джордж была сделана соответствующая запись: «Корабль «Силлеман», Исса Кули нокхида, прибыл из Пегу»[19]. Капитан корабля Исса-Кули был широко известным армянским купцом, очень богатым и влиятельным. Он вел торговые операции в самых различных странах Востока.

К сожалению, выявить сведения об этом корабле за следующие пять лет нам пока еще не удалось. Известные нам данные относятся уже к 1719 году. Эти записи, сделанные в регистре форта Сен-Джордж, содержат указания не только о рейсах корабля, но и о его судовладельце.

Запись от 27 июня 1719 года отмечает, что «корабль «Силлиман», судовладелец Ходжа Закари, прибыл в Порто-Ново»[20], согласно записи от 14 июля того же года «корабль «Силлиман», судовладелец Ходжа Закари, отправился в Nagoor»[21]. Через сорок дней, т.е. 24 августа 1719 года, корабль снова пришел в Мадрас: «Корабль «Суллиман», судовладелец Ходжа Закари, прибыл из Nagoor-а»[22]. Наконец, 4 сентября 1719 года корабль ушел в дальнее плавание, о чем есть следующая запись: «Корабль «Силлиман», Ходжа Саркис[23] нокхида, отправился в Малакку»[24].

Отправив корабль в Малакку под командованием Ходжи Саркиса, сам судовладелец Закар через четыре дня, а именно 8 сентября 1719 года, отправился в плавание в качестве капитана-нокхида в Пегу на другом армянском корабле «Добрый путь» («Bon Voyage»).

В следующем году корабль снова пришел из Малакки в Мадрас, о чем была сделана соответствующая запись 15 марта 1720 года. На этот раз корабль привел капитан Роджер Лей[25].

Карта Бенгальского залива (Ван Кёлен, 1753 г.)

Дальше он направился в Пегу в составе каравана армянских судов, в который помимо него входили «Eli» (нокхида Ходжа Симон) и «Санта-Круз» (нокхида Ага Нур), о которых речь будет идти ниже. Корабль «Саламони» на этот раз вел нокхида Наран[26].

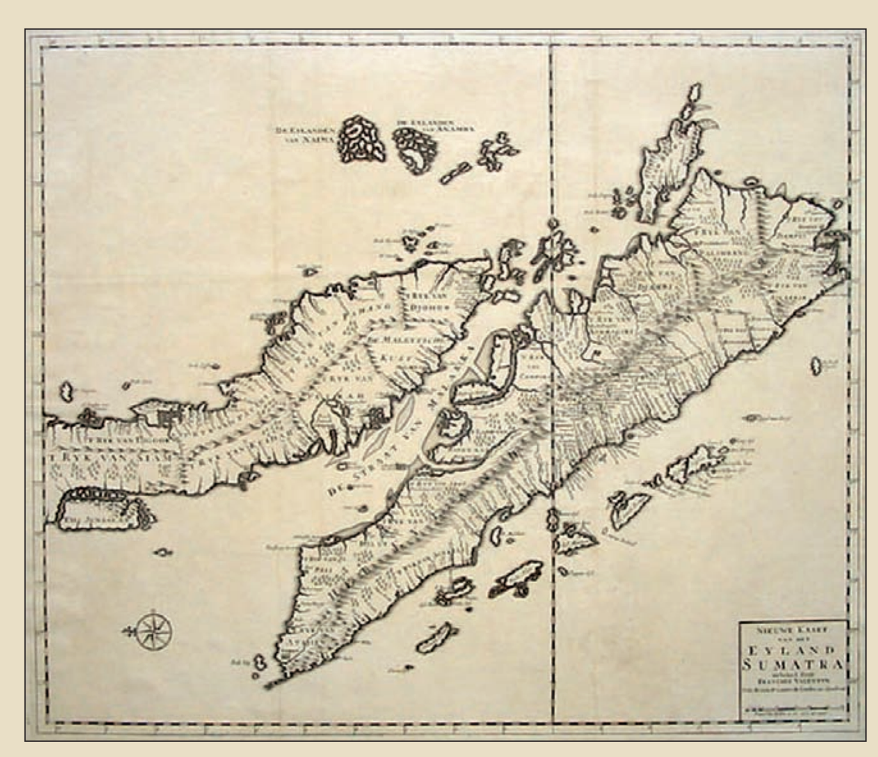
В 1723 году, прибыв из Пегу в Мадрас, корабль направился дальше на западное побережье Индии, о чем в форте Сен-Джордж 10 октября 1723 года была сделана следующая регистрационная запись: «Корабль «Салламани», Ходжа Ованес нокхида, отправился в Сурат»[27].

Об этом рейсе сохранились сведения и в письме, отправленном 10 октября 1723 года из форта Сен-Джордж губернатору и Совету в Бомбее: «Мы договорились с Ходжой Ованесом – капитаном [арм]янского корабля, направляющегося теперь в Сурат, и погрузили на него тридцать бочек, предназначенных для находящихся там Начальника и [Совета]...»[28]. Эти сведения содержатся и во втором письме, отправленном в Сурат[29]. Они подтверждают не только то, что корабль был «армянским», а его капитан – армянином, но и дополнительную деталь: по пути в Сурат корабль заходил в Бомбей.

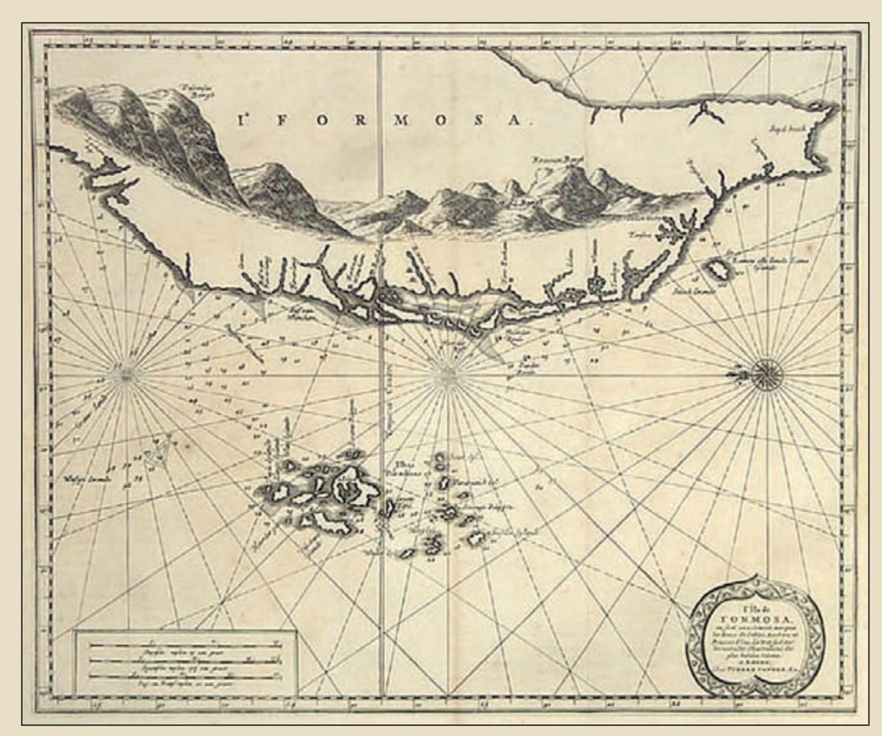
Известно, что и в сезон 1724 года корабль заходил в Бомбей и Сурат. В Мадрас он прибыл 19 мая 1724 года из Сурата, капитаном в этом рейсе был Ричард Комминс[30]. С этим плаванием связаны события, вызвавшие появление «нижайшего прошения Ходжи Саркиса и Ходжи Григора, поверенных Ходжи Симона» как «собственников корабля «Саллиман»[31] . Это прошение, поданное 3 июля 1724 года, его последующее разбирательство в Совете форта Сен-Джордж, принятое англичанами решение и их ответ Ходже Саркису, помимо дополнительной информации о корабле, его рейсах, владельцах и т.п., представляют интерес и с точки зрения демонстрации условий неравной, но упорной борьбы армянских купцов-мореходов с англичанами, настойчиво добивавшимися преимуществ

для своих торговых кораблей, опираясь на мощь Ост-Индской компании и растущей колониальной империи.

В прошении 3 июля 1724 года говорится, что корабль «отплыл из этого порта [т.е. Мадраса] в Сурат, откуда предполагался рейс в Манилу». Однако «рейс из Сурата в Манилу» не состоялся «из-за смерти нокхиды и невозможности найти другого», и «эта неожиданная неприятность заставила корабль вернуться в порт [т.е. Мадрас] с частью груза, предназначенного для доставки в Манилу». О причинах возвращения корабля армяне известили английского губернатора. Имея согласие губернатора и Совета на дополнительную заготовку большего количества груза и отправку корабля в Манилу, податели петиции и «остальные собственники корабля» взяли значительную сумму денег в заем под заклад груза (Respondentia) и направили ее на периферию для приобретения дополнительных товаров. Из этой вновь приобретенной партии 40 или 50 тюков были уже доставлены на склады заявителей и к сигейту (морским воротам), готовые для погрузки на корабль, но англичане наложили запрет на отправку этих грузов. Это, как указывали заявители, «не только сделает невозможной посылку корабля в Манилу в этом сезоне, но принесет также огромный убыток просителям и другим собственникам корабля, взявшим под залог груза так много денег». Исходя из изложенного, заявители просили разрешения на отправку указанных грузов в Манилу.

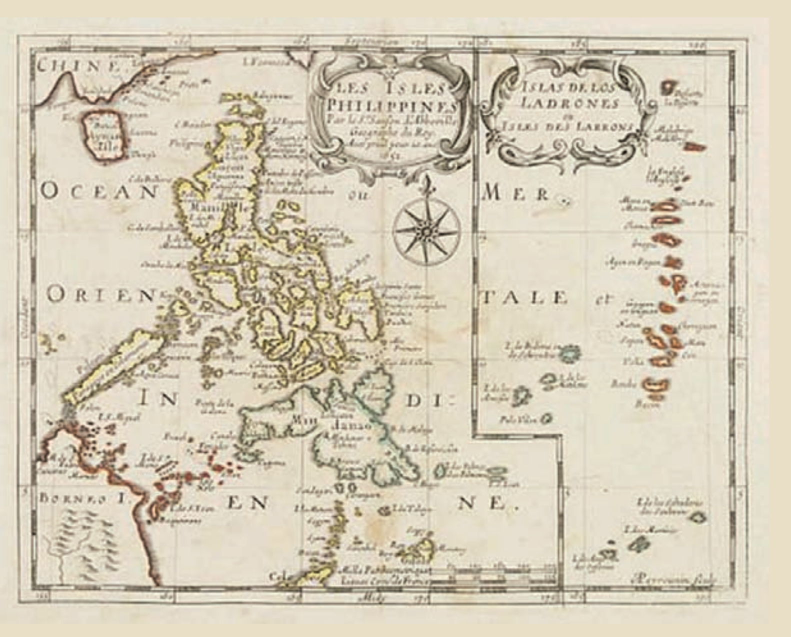

Карта о-ва Суматра и Моллукского пролива (Франсуа Валентин, 1726 г.)

Карта о-ва Формоза (Тайвань), 1729 г.

Прошение Ходжи Саркиса было зачитано и обсуждено на заседании Совета 7 июля 1724 года. После этого он был приглашен для сообщения ему принятого решения[32]. Ходже Саркису ответили, что т.к. он послал свой корабль в Сурат и обещал направиться оттуда прямо в Манилу, англичане не послали в Сурат свой зафрахтованный корабль. Однако Ходжа Саркис «вопреки соглашению» не только приказал своему кораблю вернуться еще раз в Мадрас, но еще и заключил договоры морской перевозки с рядом лиц по заниженным фрахтовым ставкам, и в результате этого для английского корабля нельзя было получить ни одного тюка товаров». В этих условиях все ссылки на чрезвычайные форс-мажорные обстоятельства, соответствие действий армян существующей договоренности с губернатором и Советом и крайне тяжелые последствия для армянских купцов запрета вывоза

Карта Филиппинского архипелага, 1657 г.

Карта Филиппинского архипелага, 1764 г.

Карта Филиппинского архипелага, 1752 г.

груза и отмену готового рейса, естественно, на решение англичан не повлияли. «Поскольку он [Ходжа Саркис] действовал столь несправедливо, правление решило не давать ему разрешения послать свой корабль, если только он не будет загружен его собственным грузом, и никому другому не будет позволено перевезти на корабле свой груз или совершить переезд, за исключением собственников корабля».

Ходжа Саркис, видимо, был готов к такому ответу и имел свой контраргумент, который должен был бы обезвредить ограничительное условие англичан: он заявил им, что было «свыше ста собственников», т.е. все грузоотправители являются совладельцами корабля. Это значит, что для обхода ограничительных условий англичан армянские судовладельцы принимали своих грузоотправителей в судовладельческую компанию на паевых началах — в качестве совладельцев на определенные рейсы.

Не имея формальных оснований настаивать на своем решении, Правление, тем не менее, не посчиталось с доводом Ходжи Саркиса. Как гласит протокольная запись, довод этот «был оценен как намерение обмануть Правление, большинство членов которого считают, что корабль полностью принадлежит армянам, и потому было решено: корабль не должен идти в плавание».

И, действительно, следующая запись, сделанная 11 сентября 1724 года в форте Сен-Джордж, показывает, что вместо Манилы корабль отправился в Пегу. В этот рейс повел его новый капитан Джеймс Берриман[33]. Оттуда корабль вернулся в Мадрас уже весной — 15 апреля 1725 года[34]. Рейс в Пегу, очевидно, не компенсировал последствий отмены подготовленного рейса в Манилу. Едва ли случайно вскоре после возвращения из Пегу армяне продали корабль французам, и 22 июня 1725 года он ушел в Пондишери[35].

Продолжение следует.

[1]*«Poscia fue comandato a me et al compagno, che noi facessimo oracione a Dio, a ciò che noi avessimo vento: e che se noi lo potessimo avere, che ci farebbero grande onore: et acciò ch'altri non potesse questo intendere, quello che regeva la nave, favelo d'Armenia, dicendo: Se'l vento non si può avere, noi gittaremo l'ossa in mare, etc. ...». В латинском оригинале сказано: «Et ne alij hoc andirent, dum nobis dixit rector ille navis armenice: Si ventus haberi non poterit, assa haec proiiciemus in mari». (Viaggi del Beato Odorico da Pordenone, cap. XXIV); «Восточных земель описание, исполненное братом Одорико, богемцем из Форо Юлио, что в провинции Св. Антония» в книге «После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий». Перевод с латинского и староитальянского языков, введение и примечания Я. М. Света. М., 1968, с. 176-177.*

[2]*T. Volker, Porcelain and the Dutch East India Company as recorded in the Dagh – Registers of Batavia Castle, those of Hirado and Deshima and other contemporary papers. 1602-1682, Leiden (E.J. Brill) 1954, p. 97.*

[3]*Ibid., p. 183.*

[4]*Jean de Thévenot, Voyage au Levant, Seconde partie, Livre troisïème, Chapitre V, pp. 485-487.*

[5]*Текст письма см.: M. J. Seth, Armenians in India, Calcutta 1937, pp. 605-606. См. также: A Court of Committees, July 29, 1664. (Court Book, Vol. XXIV, p. 809); A Calendar of the Court Minutes etc.*
of the East India Company, 1664-1667, Vol. 7, p. 5-9, n. 1.

[6]*Петиция Банча находится: Public Records Office, C.O. 77, Vol. XI, f. 217.*

[7]*Текст письма опубликован Ш. Шефером в приложении к книге Рафаэля Дюманса: Le P: Raphael Du Mans, supérieur de la Mission des capucins d'Isphahan, Estat de la Perse en 1660. Publié avec notes et appendice par Ch. Schefer. Paris 1890 (Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, II-e serie, Vol. XX), Appendice, № XXXI, pp. 309-310.*

[8]*Ibid, № XXXII, p. 310.*

[9]*The Diaries of Streynsham Master (1675-1680) and other contemporary papers relating thereto (Ed. By Sir Richard Carnac Temple), Vol. II (The first and second «Memorialls», 1679-1680), London 1911, p. 94.*

[10]*« «...a new ship build by an Armenian at Metchlepatam»: The Diaries of Streynsham Naster (1675-1680) and other contemporary papers relating thereto. (Ed. By Sir Richard Carnac Temple), Vol. II (The first and second «Memorialls», 1679-1680), London 1911, p. 94.*

[11]*Chronicle of events between the year 1623 and 1733 relating to the settlement of the Order of Carmelites in Mesopotamia (Bassora). A contribution to the history of Christian missions in the East, written by Aghathangelus of St. Theresa and others. Now edited for the first time with translation and notes from a unique (autograph) ms. in the author Sir Hermann Gollancz, Oxford University Press, London 1927, p. 346.*

[12]*Опубликованный текст документа см.: J. A. Anderson, English Intercourse with Siam in the Seventeenth Century, London 1890, p. 271 f.*

[13]*François Martin, Memoires, Vol. II, Paris 1932, p. 166.*

[14]*T. Volker, Porcelain and the Dutch East India Company as recorded in the Dagh-Registers of Batavia Castle, those of Hirado and Deshima and other contemporary papers. 1602-1682 Leiden (E. J. Brill) 1954, p. 191.*

[15]*François Martin, Memoires, Vol. II, Paris 1932, p. 346.*

[16]*Название этого армянского корабля в регистрационных записях встречается в нескольких вариациях: «Salamany», «Silleman», «Silliman», «Sulliman», «Salaman», «Sallamony», «Sallamany».*

[17]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1713, (Madras 1929), p. 54.*

[18]*Ibid., p. 129.*

[19]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1714, Vol. 45 (Madras 1929), p. 42.*

[20]*Records of Fort St. George, Diary and Consultation Book of 1719, Vol. 50 (Madras 1930), p. 93.*

[21]*Records of Fort St. George, Diary and Consultation Book of 1719, Vol. 50 (Madras 1930), p. 120.*

[22]*Ibid., p. 151.*

[23]*Ibid., p. 163. Имя капитана, которое мы восстановили как Саркис, в английском оригинале передано как Siracus. Однако в других документах оно дается как Serkis.*

[24]*Ibid., p. 165.*

[25]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1720, Vol. 51 (Madras 1930), p. 46.*

[26]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1722. Vol. 53 (Madras 1930), p. 124.*

[27]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1723. Vol. 88 (Madras 1930), p. 111.*

[28]*Letters from Fort St. George, 1723, 357, p. 79.*

[29]*Ibid., № 58, p. 79. См. также: № 64, p. 82.*

[30]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1724, Vol. 54 (Madras 1930), p. 63.*

[31]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1724, Vol. 54 (Madras 1930), p. 89.*

[32]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1724, Vol. 54 (Madras 1930), p. 88.*

[33]*Records of Fort St. George. Diary and Consultation Book of 1724, Vol. 54 (Madras 1930), p. 145.*

[34]*bid., p. 58.*

[35]*Ibid., p. 102.*

МОСТ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Барбара ДЕНШЕР

История венской типографии мхитаристов

Перевод с немецкого Александра КАРАЛЕВИЧА

Фото Bernhard Denscher

«Конгрегация мхитаристов — типография и художественная печать» элегантно написано золотыми буквами на черном фоне вывески на длинном здании по адресу Мехитаристенгассе, 7. Ниже мелким шрифтом указано: «Основана в 1810 году». Чего здесь не хватает, так это дополнения: «Закрыта в 1998 году», поскольку в конце этого года производство было остановлено.

Закрылась не только богатая традициями венская типография, но прежде всего международно-признанный центр многоязычного книгопечатания. В течение почти 189 лет существования в типографии мхитаристов было напечатано множество трудов в общей сложности на 41 языке. Помимо прочего, Конгрегация действовала и как издательство, при этом особый акцент делался, наряду с немецкоязычной продукцией, на книги на славянских и восточных языках.

В то время как музей и библиотека мхитаристского монастыря доступны для посещения и могут предложить много интересного, типография остается закрытой. От нее больше ничего не осталось. Чтобы мало-мальски компенсировать дефицит, который образовался в течение последних лет работы типографии и привел

к ее закрытию, было распродано все, что могло принести хоть немного денег. К сожалению, при этом некоторые старые изделия, прежде всего деревянные и свинцовые литеры, были проданы просто по цене материала, т.е намного ниже их стоимости как значимых культурно-исторических экспонатов.

Тревожно то, что сохранение культурно-исторического наследия становится для венской Конгрегации мхитаристов все более трудным делом — и не только по финансовым причинам. Количество членов ордена за последние десятилетия значительно уменьшилось. В настоящее время Конгрегация состоит всего лишь из пяти монахов. Наряду с другими обязанностями у них едва ли остается время заботиться, к примеру, о документировании истории типографии, сортировке и сохранении уже давно неупорядоченного материала.

Растет угроза того, что деятельность типографии мхитаристов, которая в течение почти 189 лет была связующим звеном между Востоком и Западом, восточной и западной культурами, будет предана забвению и скоро уже не останется ничего, что можно было бы реконструировать.

Венеция — Триест — Вена

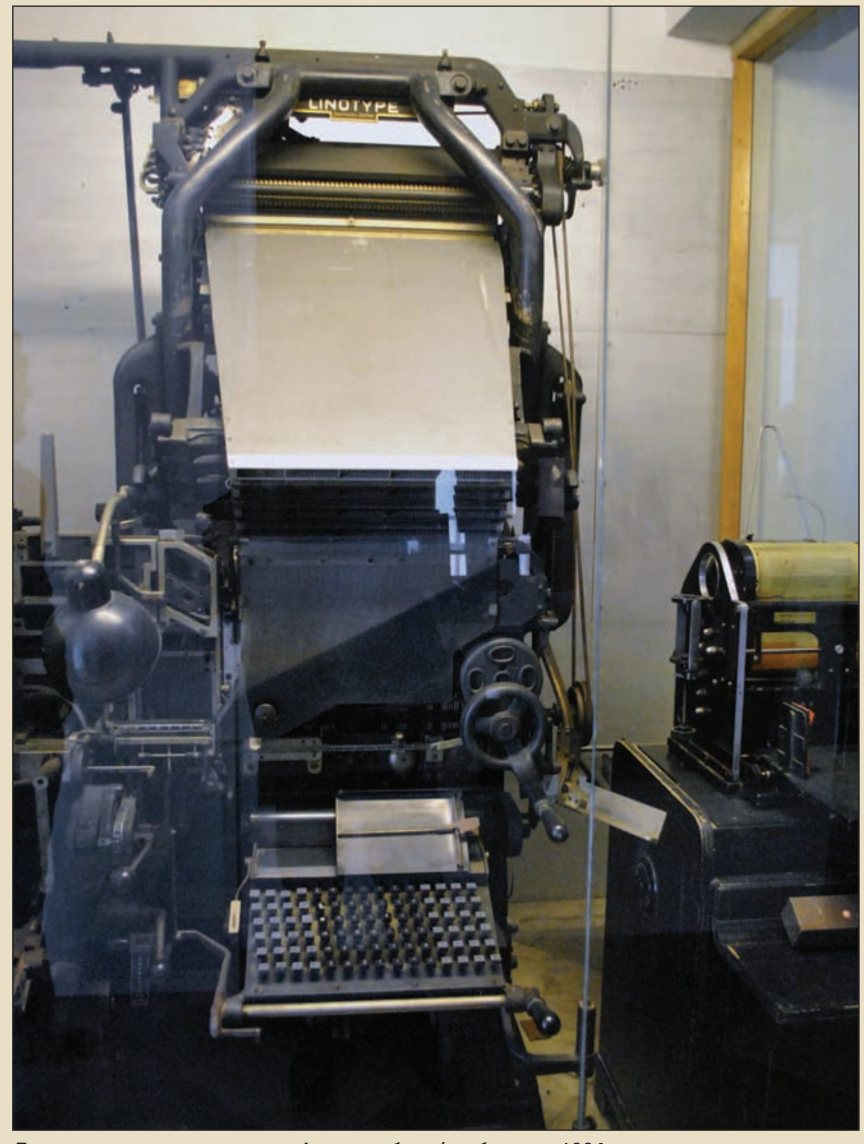
По причине внутренних разногласий в 1773 г. произошел раскол Ордена мхитаристов на две Конгрегации. Некоторые члены ордена покинули Венецию и поселились в австрийском на тот момент Триесте. Наделенные привилегией, выданной им австрийской правительницей императрицей Марией Терезией 30 мая 1775 г., они учредили там типографию для армянских и итальянских книг (так же как позднее мхитаристы на Сан-Лаззаро, где типография действовала с 1789 г.).

В листке «Гражданам и жителям Вены от Конгрегации мхитаристов», опубликованном в 1848 г., отмечалось, что Мария Терезия выдала привилегию с намерением «привлечь армян в расцветающий город и тем самым серьезно оживить торговлю с Востоком».

Когда после наполеоновских войн в 1805 г. Триест в результате Пресбургского мира отошел к Франции, положение мхитаристов начало значительно ухудшаться. Верный Габсбургам орден был не мил новому правительству, он попал под экономическое давление и поэтому стремился перебраться на австрийскую территорию. В октябре 1810 г. мхитаристы из Триеста переселились в Вену и поначалу нашли прибежище в монастыре сервитов (сегодняшний 9-й район Вены, ул. Сервитенгассе).

5 декабря 1810 г. по «высочайшему предписанию» они получили от императора Франца I разрешение постоянно поселиться в Вене. Им был предоставлен в безвозмездное пользование комплекс зданий в пригороде Санкт-Ульрих (в районе сегодняшнего Нойштифтгассе, тогда называвшегося «Ам Платцль»). Ранее здесь находился основанный в 1600 г. венский монастырь капуцинов, который был ликвидирован в 1784 г. в ходе реформ императора Иосифа II, как и многие другие монастыри. После того как обветшалые строения были заново отремонтированы, в феврале 1811 г. сюда вселились мхитаристы.

Из библиотеки бывшего монастыря капуцинов к мхитаристам перешло около 8 тыс. книг — каталог библиотеки капуцинов выставлен в музее венских мхитаристов.

Линотип – автомат для типографского набора (изобретен в 1884 году, использовался в типографии мхитаристов Вены, ныне в музее Конгрегации)

Начало типографии

Император Франц I возобновил выданную Марией Терезией привилегию и специальным письмом от 15 декабря 1810 г. наделил мхитаристов правом печатать книги на «восточных и западных языках». Затем началось оборудование типографии, при этом были использованы часть устройств и литер из Триеста.

Вскоре новое производство вызвало недовольство местных книгопечатников. В январе 1812 г. они (представленные председателями корпорации печатников Бернхардом Филиппом и Антоном Штраусом) подали в венский магистрат жалобу против мхитаристов по причине «весьма вероятного неправомочного использования типографии»[1] . Однако она была отклонена со ссылкой на императорское письмо, так же как и следующая жалоба, в которой председатели корпорации печатников указывали на сокращение рабочих мест из-за конкуренции мхитаристов.

В одном из докладов полицейского управления округа Санкт-Ульрих от 7 февраля 1812 г. о деятельности типографии мхитаристов отмечается, что «под руководством мхитаристского отца Анастазиуса» «подмастерье Иос. Мюллер» и «наборщик Алоис Шлегель» печатают книги «на немецком, латинском, армянском, восточном и западном языках». Кроме этого, мхитаристы «организовали собственное шрифтолитейное производство» — также под руководством отца Анастазиуса — «при помощи подмастерьев шрифтолитейного производства Георга Хишера и Карла Штигеля (...), а также Кайетана Хольцмана (...) и управляющего Франца Гардельера»[2].

Это разделение сфер деятельности оставалось типичным для типографии мхитаристов. В наборном цехе типографии и шрифтолитейном производстве редко работали члены ордена, но почти исключительно рабочая сила, нанятая на венском рынке труда (часто эти люди совсем не знали языков, на которых печатали, либо знали их пассивно), в то время как монахи-мхитаристы отвечали за редактирование, корректуру, управление и надзор.

Это подтверждает также отчет, который был послан нижнеавстрийским правительством (тогда в его ведении находилась также и Вена) 27 февраля 1812 г. в придворную императорскую канцелярию: «Находящиеся в монастыре

«Житие Девы Марии» – первая книга, выпущенная венской типографией мхитаристов (1812)

(...) мхитаристы действительно работают уже четыре месяца, имеют в своем распоряжении два пресса и намерены установить еще два. Они эксплуатируют их не при помощи членов своего ордена, а при помощи нанятых подмастерьев и печатников на восточных и западных языках, однако остаются в рамках своей привилегии»[3].

Первый достоверно известный труд — издание на древнеармянском языке «Жития Девы Марии» — был выпущен венской типографией мхитаристов в июле 1812 г. В том же году здесь напечатали первую книгу на немецком языке — научный труд о лошадях под названием «Оценка внешнего состояния лошади, или так называемый экстерьер». Автор, Иоганн Непомук Йозеф Броше, профессор венского Императорско-королевского ветеринарного института, напечатал книгу, согласно примечанию, за собственный счет. С самого начала у мхитаристов печатались также книги на латинском языке. При этом речь идет в большинстве случаев либо о теологических текстах, либо о диссертациях из области медицины (которые тогда еще составлялись на латыни).

Осенью 1814 года, к началу Венского Конгресса (*дипломатическая конференция в Вене с сентября 1814 г. по июнь 1815 г. под председательством графа Меттерниха по восстановлению системы европейских монархий, разрушенных наполеоновскими войнами, и определению границ в Европе. — Прим. ред.*), типография мхитаристов издала свою первую достоверно известную публикацию на французском языке. Это был регистр толщиной 26 страниц под названием «Guide des étrangers á Vienne pendant le Congrés, contenant les noms des souverains présents dans cette capitale ainsi que ceux des ministres et chargés d'affairs des differentes cours au mois d'octobre 1814; avec l'indication des rues et numeros des maisons qu'ils habitant». В нем можно было найти перечень всех представителей государств, участвующих в Конгрессе, при этом указывались также домашние адреса. Следующий каталог такого же рода увидел свет в январе 1815 г.

Долгосрочные заказы

Для того чтобы гарантировать долгосрочные доходы типографии за счет больших фиксированных заказов, Конгрегация ходатайствовала 21 сентября 1811 г. (сразу же после введения в эксплуатацию производства) о выдаче разрешения на печать церковных книг, т.е. требников и молитвенников на латыни. 13 марта 1812 г. последовало еще одно письмо, где содержалось ходатайство о выдаче эксклюзивной привилегии на печать латинских требников на всей территории Габсбургской монархии. По приказу императора был запрошен отчет о том, «при каких условиях Конгрегация мхитаристов сможет поставить точное количество требников согласно действительной потребности», и после того как были предъявлены «образцы бумаги, литер, печати и формата»[4], типография мхитаристов получила разрешение на печать.

Запрошенная исключительная привилегия была выдана, тем не менее, только лишь на австрийскую половину империи, т.к. привилегия на Венгрию — также в 1812 г. — была выдана типографии Будапештского университета.

В 1824 г. привилегия мхитаристов была продлена на следующие 30 лет. Когда же вслед за этим начали подавать жалобы книгопечатники и торговцы книгами из Ломбардии и Венето, которые считали себя существенно ущемленными из-за исключительного права мхитаристов, эти области, а также побережье и Тироль были изъяты из области действия привилегии. Несмотря на это ограничение, производство требников и молитвенников стало важнейшим источником доходов для мхитаристов.

Печать церковных книг началась, однако, лишь в 1824 г., когда в свет вышел первый том «Breviarium Romanum», второй том последовал за ним в 1825 г. В 1827 г. вышел первый напечатанный в типографии мхитаристов «Missale Romanum». Как молитвенник, так и требник издавались и в последующие годы дополнительными тиражами и в различных, порой очень дорогостоящих, редакциях. В своей книге «История книгопечатания Вены» Антон Майер пишет, что выпущенные в типографии мхитаристов требники «могут быть отнесены к лучшему из того, что вообще было сделано в этом жанре со времен классического книгопечатания»[5].

Портрет Мхитара Себастаци и образцы изданий его трудов мхитаристами

Александр Балджян «Каллиграфия» (1838)

Центр книгопечатания на иностранных языках

С самого начала типография мхитаристов приобрела особенную славу благодаря печати нелатинскими литерами. Еще со времен деятельности Конгрегации в Триесте наряду с публикациями на армянском языке в центре внимания поначалу находились прежде всего тексты на греческом. Там существовала достаточно большая греческая колония, для которой мхитаристы печатали необходимые издания.

Уже в 1818 г. венская типография мхитаристов располагала кириллическими литерами. В этом году в свет вышло первое достоверно известное издание на славянском языке — «Сербско-немецко-латинский словарь». В качестве автора был указан «Вольф Штефансон» — такой была германизированная форма имени и фамилии сербского писателя и филолога Вука Стефановича Караджича, который считается создателем современного сербского письменного языка. В 1813 г. после подавления так называемого второго сербского восстания, в котором он принимал участие, Караджич бежал в Вену, где прожил до своей смерти в 1864 г.

Здесь он посвятил себя научной работе над сербскими языком, литературой и народной культурой, и составил — по примеру братьев Гримм — собрание песен, сказок и пословиц. Почти все его труды (сборники текстов и научно-филологические сочинения) были напечатаны у мхитаристов.

В их венской типографии в 1814 г. был также напечатан известный перевод Караджичем Нового Завета на сербский народный язык, чрезвычайно важный для культурной и языковой истории Сербии. Здесь же, у мхитаристов, выходил в свет научный альманах «Данника» (с текстами по истории, литературе, филологии, этнографии и краеведению Сербии), издававшийся Караджичем в 1826-1834 гг.

Под руководством Караджича, «недовольного литерами, которыми печатались его первые труды», в конце 1830-х гг. «на шрифтолитейном производстве Конгрегации были вырезаны и отлиты различные виды русско-сербских букв»[6].

Начиная с середины XIX в. печатание иностранных изданий стало развиваться еще активнее. В 1847 г. у мхитаристов вышло еще одно крайне важное для южно-славянской культуры поэтическое произведение на сербском языке «Горный венок» («Горски виенац») черногорского поэта-лирика Петра Петровича Негоша, произведение, которое считается национальным эпосом Черногории.

Выходили также переводы иностранной литературы на сербский язык, среди прочего — в 1847 г. вышел «Вильгельм Телль» Фридриха Шиллера в переводе писателя Божидара Радичевича, в 1868 г. — перевод «Рождественской песни» Чарльза Диккенса. В 1868 г. также был издан либеральный манифест Джона Стюарта Миллса «О свободе» на сербском языке. Перевод был сделан тогда еще 24-летним принцем Петром Карагеоргиевичем, который в 1903-1921 гг. правил Сербией как король Петр I.

Наряду с текстами на сербском языке у мхитаристов издавались многочисленные труды на других восточно- и юго-восточноевропейских языках — среди них

много книг на болгарском, а также труды на чешском, польском, украинском, русском, словацком, словенском, румынском и венгерском языках. Темы этих книг чаще всего были похожи на темы сербских книг: художественная литература, история и этнография, а также собрания песен и сказок. Венская типография мхитаристов играла тем самым значительную роль для формирования национально-культурного самосознания этих стран.

Значительную часть продукции на иностранных языках составляли также словари, грамматики и учебники языков, такие, как, например, «Русинско- (т.е. украинско) венгерская грамматика», «Словацкая орфография с краткой грамматикой», итальянский «Compendio di gramatica tedesca», еврейская грамматика, «Краткая грамматика арабского языка», «Русская грамматика для словенцев», трехъязычный турецко-армянско-французский и четырехъязычный греческо-итальянско-армянско-турецкий словари.

Особое значение имеет «Словарь японского языка», первый японско-немецкий словарь, который был разработан венским ориенталистом Аугустом Пфицмайером и выпущен в 1851 г. «По комисионному поручению C.Gerold & Sohn типографией михитаристов». Его издание потребовало особого печатно-технического процесса с литографированием 1034 японских иероглифов. Это значительно подняло стоимость производства, из-за чего из трех запланированных томов в свет вышел только первый, затем проект был закрыт.

Сегодня «Словарь японского языка» является антикварным раритетом. Когда в мае 2007 г. он был предложен по цене 1 200 евро на сайте Международной лиги продавцов антикварных книг, там появилось примечание: «Японский текст прекрасно отпечатан в широко известной типографии мхитаристов, знаменитых своей печатью книг на восточных языках».

Листок с молитвой «hАйр мер» («Отче наш»). Фото Bernhard Denscher

Торговля книгами издательства и розничная торговля

В 1828 г. мхитаристы получили право вести торговлю продукцией издательства и розничную книжную торговлю и открыли на Зингерштрассе, 7 книжный магазин. В том же году аббат ордена Аристакес Азарян основал Союз по распространению хороших католических книг. Такой Союз был ранней формой книжного товарищества и вместе с тем преследовал благотворительные цели. Согласно уставу Союз издавал ежегодно книги общим объемом 120 печатных листов (при этом каждый год выпускались многотомные издания, состоявшие из 4-7 томов).

За подписной взнос в 6 гульденов в год можно было стать «участником» Союза и получить по 2 экземпляра каждой книги; за 18 гульденов ежегодного взноса — стать «членом» Союза и получать по 6 экземпляров. «Благодаря тому, что члены и участники Союза получали издания в большом

количестве», им следовало «распространять хорошие книги среди бедного народного класса»[7]. Сам Союз ежегодно бесплатно отдавал от 500 до 800 книг в больницы, «императорско-королевский дом инвалидов, императорско-королевскую провинциальную тюрьму, исправительно-трудовое заведение и исправительно-трудовую колонию для малолетних преступников», а также в Союз освободившихся заключенных и другие подобные заведения.

Первые пять изданных Союзом книг вышли в свет в 1830 г. Это были двухтомное издание «Дух Св. Франциска Сальского», «История Парагвая и миссий Общества Иисуса в эту страну», «Плоды духа Иисуса в двух юношах», «Семь проповедей во время поста» и повесть «Легкомысленная женщина» Зое Веселли.

Союз просуществовал до 1849 г. и в течение этих 20 лет выпустил в общей сложности 92 издания. Общее количество томов, напечатанных в течение этого периода, составило согласно годовому отчету за 1849 г. 475 889[8].

Наряду с трудами религиозного и церковно-исторического содержания и отдельными литературными произведениями в программе Союза были многочисленные книги по исторической, крае- и страноведческой проблематике, как, например, «История правления Фердинанда Первого», «Полное извлечение из истории Англии», «Интересное и новое о Китае», а также «Исследования и записки по древней и новой истории, книга для любознательных и для наставления».

Относительно выбора работ для издания в пункте 7 устава было записано: «Также члены имеют право предлагать труды, которые они считают подходящими для Союза, которые с удовольствием принимаются и признаются достойными[!] Конгрегацией, как только получат одобрение цензоров Союза».

Согласно пункту 8 эти цензоры «выбирались из числа членов», а в следующем пункте устава подчеркивалось: «Конгрегация мхитаристов видит основную деятельность союза в распространении хороших католических книг, а также поручает ему печатать книги в своей типографии»[9].

После выхода пяти томов в 1849 г. деятельность Союза была остановлена по причине «выросших за последние два года расходов на бумагу, набор и печать» и «слишком малого количества участников Союза» в последние годы[10]. В 1862 г. деятельность Союза была возобновлена, вплоть до 1866 г. в свет вышли 35 книг, после чего он был окончательно распущен из-за нехватки средств. В 1868 г. был также продан книжный магазин на Зингерштрассе (издателю-книготорговцу Генриху Киршу), книжная лавка от издательства продолжала работать в монастыре.

Дорогостоящее строительство

Финансовые проблемы венской Конгрегации мхитаристов, которые привели к продаже книжного магазина, роспуску «Союза для распространения хороших католических книг», сдаче в аренду с 1873 по 1889 г. «Западного отдела» типографии («Восточный отдел» оставался в ведении мхитаристов), стали результатом увеличения инвестиций и строительных работ ордена, вызванных внешними обстоятельствами, а также политического развития событий.

До середины XIX в. мхитаристы могли существенно расширять оборудование типографии. Если в 1812 г. они начинали производство с двумя деревянными прессами, то в 1835 г. в их распоряжении было уже 15 подобных прессов, в 1836-37 гг. были приобретены первые стальные ручные прессы, в 1841 г. — первая скоростная плоскопечатная машина, а в 1855 г. производство было переведено

«Венский мхитарист с миссией на Востоке» на различных языках. Фото Bernhard Denscher

на энергию пара.

В 1838 г. было открыто шрифтолитейное производство, где производились литеры для множества латинских, кириллических, греческих, армянских шрифтов, а также шрифтовые знаки для «еврейского, раши (*особая разновидность шрифта для еврейского алфавита. — Прим. ред.*), самаритянского, коптского, эфиопско-амхарского, церковного шрифта (Kirchenschrift), турецкого, сирийского, халдейского, зендского, клинописи, деванагари, древнегреческого, финикийского, грузинского, глаголицы, рунических знаков, хеттского, японского, китайского»[11].

Если в 1812 г. производство начиналось с шестью работниками, то в 1833 г. в венской типографии мхитаристов было занято около 80 сотрудников[12].

о. Михаэл Везмадян «Описание императорской и королевской столицы Вены» с ручной раскраской гравюр (1829)

Резко увеличили финансовую нагрузку на Конгрегацию последствия крупного пожара, который разбушевался 11 марта 1835 г. в предместье Санкт-Ульрих, когда монастырь и церковь мхитаристов пострадали так сильно, что возникла необходимость нового строительства. Автором проектов стал известный австрийский архитектор Йозеф Георг Корнхойзель. Строительство монастырского здания — вместе с типографией — началось относительно скоро, закладка первого кирпича состоялась 18 октября 1837 г. в присутствии императора Фердинанда I. В 1843 г. переулок, где находились монастырь и типография, был переименован из Kleine Kapuzinergasse в Mechitaristengasse (в нетрадиционном для ордена написании без буквы «h»).

Строительство церкви тем не менее затянулось из-за высокой стоимости и началось только лишь с 1871 г. (после того как старое здание официально было закрыто по причине ветхости) под руководством архитектора Франца Зитте и его сына Камилло Зитте. 15 августа 1874 г. была освящена новая церковь, которая и поныне является церковью Конгрегации.

Революционный 1848 год

Существенный, хотя и временный, ущерб производство венской типографии мхитаристов испытало в революционный 1848 год. Вследствие подстрекательских лозунгов, в которых мхитаристы назывались «назойливыми чужаками», неправомочно поселившимися в Вене, чтобы обогащаться за счет местных рабочих, 8 апреля 1848 г. произошло нападение на монастырь.

Антон Майер писал об этом в своей истории книгопечатания: «Рев и крики заполнили воздух, толпа бросала камни в окна и пыталась проникнуть внутрь, чтобы все разрушить. В 12 часов ночи наконец-то раздался звук набатного колокола, затем появилась национальная гвардия и рассеяла возбужденную чернь. Типография была спасена, однако Конгрегации пришлось на время закрыть ее. Настоятель Аристакес Азарян направил заявление правительству, в котором он попросил оказать защиту от возможных новых демонстраций и разрушения типографии. Тогдашний министр внутренних дел Фрайхерр фон Пиллерсторф заверил его, что потребовал от полицей-обердиректора в случае необходимости совместно с комендантом города защищать имущество и членов Конгрегации. Нижнеавстрийское правительство выразило свое глубокое сожаление и отметило, что было бы весьма целесообразно для Конгрегации объяснить свое положение в специальных статьях в газетах и научных журналах, в особенности — свое законное право на книгопечатание»[13].

Вслед за этим Конгрегация опубликовала 18 апреля 1848 г. листок «Гражданам и жителям Вены!», в котором монахи ссылались на выданную еще Марией Терезией привилегию и отмечали: «Так как уже распространились слухи, что мы свободно от налогов и сборов пользуемся своим правом на книгопечатание, мы вынуждены со всей серьезностью заявить, что это коварная ложь, так как наши налоги в настоящий момент составляют ежегодно 441 флорина 34 кройцера (...) Как известно, цена восточных книг в последнее время стала для покупателя чрезмерно высокой, мы серьезно повлияли на ее снижение вместе с другими нашими монахами, мхитаристами из Сан-Лаццаро, и тем самым значительно облегчи-

Отпечатанные сегменты для глобуса на армянском языке

ли изучение и приобретение восточной литературы в Германии. Будучи друзьями немецкого образования, немецкой цивилизации, мы способствуем через восточные книги, в особенности через армянский журнал, распространению по всему Востоку немецкого образования и немецкого влияния; в то время как все остальные восточные листки распространяют только лишь французское, английское и русское влияние, мы же передаем все немецкие явления в немецком духе (...) Армянская нация со всего Востока присылает нам за это сюда в Вену ежегодные пожертвования и другие подарки, отчего часть населения Вены получает большую пользу; благодаря поступающим сюда из далеких стран деньгам, наша типография продолжает действовать и дает работу многим рабочим, печатникам и переплетчикам, некоторые из которых в противном случае не имели бы средств к существованию»[14].

Нападений на типографию больше не последовало, тем не менее производство пришлось закрыть на месяц, и после запуска (поскольку рабочие большей частью нашли работу в других типографиях) оно восстанавливалось очень медленно.

К текстам, напечатанным мхитаристами в 1848 г., относится также ряд революционных листовок — среди прочего версия известного стихотворения «Университет!» Людвига Августа Франкла.

Со 2 июля 1848 г. здесь выпускался один из первых самостоятельных печатных органов австрийского рабочего класса «Австрийская типография, журнал рабочих для рабочих». Всего до 15 августа 1848 г. в свет вышло 13 номеров «Австрийской типографии», затем издание прекратилось (основанная в 1865 г. «Типография» печаталась уже не у мхитаристов).

Ответственным редактором и издателем считался наборщик Йозеф Германн Гиллиш (на самом деле — Гиллишер), который с 7 сентября 1848 г. печатал у мхитаристов редактируемую им «Рабочую газету» (с третьего номера она выходила с припиской «Орган первого Всеобщего объединения венских рабочих»). Однако после выхода в свет шестого номера она также была закрыта 24 сентября 1848 г.

Банковские билеты, школьные учебники и журналы

За относительным затишьем 1848 г. последовал большой государственный заказ: в типографии мхитаристов должны были печататься венгерские банковские билеты достоинством 6 и 10 кройцеров. Специально для этого заказа — он находился под строгим контролем самого аббата Ордена — были приобретены новые скоростные плоскопечатные машины. После окончания печатной серии в 1850 г. они были выкуплены министерством финансов и затем переданы государственной типографии.

В последующие годы типография мхитаристов получила новые государственные заказы, прежде всего на печатание текстов законов и школьных учебников на языках Австро-Венгерской монархии. До этого школьные учебники, начиная с 1844 г., издавались типографиями «Уберройтер» и «Пихлер» на основании договора исключительного права. Не имея необходимых кириллических литер, они печатали часть учебников не сами, а отдавали заказ мхитаристам. Когда же в 1853 г. возникавшие по этой причине расходы стали слишком высокими для органов власти, договор с «Уберройтер» и «Пихлер» расторгли и заказ на печатание передали мхитаристам.

Типография уже не смогла достичь максимального уровня 1830-х и начала 1840-х гг. по числу занятых на производстве рабочих — в среднем 80 человек. Тем не менее благодаря долгосрочным заказам — в том числе на печать многочисленных журналов, как, например, «Журнала императорско-королевского придворного и национального театра Вены», который более десятилетия печатался мхитаристами — ее положение укрепилось. На рубеже XIX и XX вв., когда в 1901 г. типография перешла с паровых двигателей на электромоторы, она предоставляла в среднем 70 рабочих мест.

Крушение Австро-Венгерской монархии в 1918 г. означало для мхитаристов серьезное экономическое падение. Оно было обусловлено сильным сокращением печатной продукции на не-немецких языках монархии. В поступавших до 1918 г. с определенной регулярностью государ-

ственных заказах теперь из-за развития политической ситуации не было никакой необходимости; по этой же причине отпали заказы из новых стран, образовавшихся на территории Габсбургской монархии.

Сокращение заказов отразилось и на количестве рабочих мест: если в конце войны, в 1918 г., типография мхитаристов сообщала о 61 работнике, то в 20-е и 30-е годы XX в. это количество составляло от 25 до 40 человек.

Репутация, которую мхитаристы получили благодаря печати не-латинскими литерами, принесла, тем не менее, ряд заказов и после 1918 г., но и они были результатом развития политической ситуации того времени. Так, типография получала заказы на печать кириллическими шрифтами от русских эмигрантов. Болгарский революционер Георги Димитров, который в 1919 г. был одним из учредителей болгарской коммунистической партии, а в 1946-1949 гг. – болгарским премьер-министром, напечатал у мхитаристов первые 13 номеров (27.10.1923 — 4.2.1924) газеты «Работнически вестник», которую он возглавлял как главный редактор. Хотя типография мхитаристов и не упоминается в этом нелегальном так называемом «Венском издании», но и Гюнтер Витрценс и Кармен Петра Моисси в своих исследованиях указывают на то, что печать газеты с высокой степенью вероятности производилась у мхитаристов[15].

«Национальная библиотека»

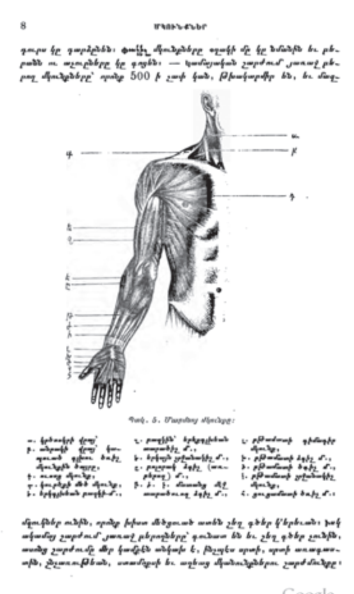
После уничтожения армянских общин в Турции в 1915 г., после того как в прежней русской Армении спустя два года государственной независимости (1918-1920 гг., когда посольство Армении в Вене находилось в монастыре мхитаристов) установилась советская власть, издательская деятельность мхитаристов приобрела новое значение для сохранения армянской культуры. Например, через издаваемую мхитаристами серию «Azgain matenadaran» («Национальная библиотека», основана в 1890 г.) Серия «Azgain matenadaran» содержала научные работы преимущественно по армянской истории, литературе, церковной истории, истории искусства и филологии, среди них — научные трактаты мхитаристов и переиздания старых текстов. В качестве 239 тома «Azgain matenadaran» в 1996 г. вышел труд по армянской нумизматике.

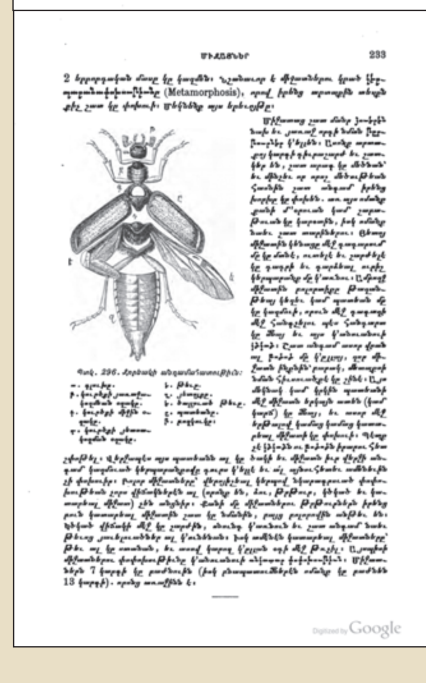
С 1917 г. в типографии мхитаристов печаталась серия «Исследования армянской истории», где публиковались статьи на различных языках (армянском, немец-

Карта Армении из «Атласа мира для национальных школ» о. Аствацатура Авагяна

◄ **Страницы учебника о. Габриела Меневишяна «Иллюстрированная естественная история и зоология для училищ и гимназий», отпечатанного в типографии венских мхитаристов в 1897 году. В том же году он был одобрен Советом по образованию Центрального национального правления в Константинополе и Константинопольским патриархом Армянской Апостольской церкви в качестве учебника по Естественной истории**

ком, английском и французском). Последними по счету томами в этой серии были: «Концерты Арама Хачатуряна» Томаса Айгнера (1989), «Диаконисы армянской Церкви в канонической перспективе» Мари Кристин Арат (1990) и «Средневековый арабско-армянский ботанический словарь» Джона С. Греппина (1997).

Уже в 1887 г. тогдашний аббат ордена Арсен Айдинян основал научный журнал «Handes Amsorya» («Ежемесячник»), который уделял особое внимание филологическим и литературоведческим темам.

«Handes Amsorya» выходит в свет до сегодняшнего дня, однако уже давно не как ежемесячник, а как ежегодное издание. Как и прежде, он редактируется мхитаристами, однако после закрытия типографии выпускается в Армении.

Значение армяноязычного печатного производства венской типографии мхитаристов подтверждает высказывание директора армянской Национальной библиотеки Давида Саркисяна[16]. По его словам, темы, которые во времена Советского Союза, и прежде всего в годы сталинизма, находились под запретом, по которым в советской Армении ничего не публиковалось, после обретения страной независимости могли быть раскрыты благодаря трудам из венской типографии мхитаристов.

«Печаталось все»

Во времена национал-социализма «монастырь и его обитатели остались нетронутыми»[17], однако типография работала в очень ограниченном объеме.

За 1938-1940 гг. ежегодно выходило три книги или брошюры, в 1941 г. — ни одной, в 1942 г. — одна, в 1943 и 1944 гг. — снова ни одной. Этими заказами на печать были «Учебник с контрольными вопросами по автомобилям и мотоциклам» и брошюра «Закон о Дорожной полиции и правилах движения транспортных средств для приезжающих учеников и водителей», «Положения палаты для венгерского семинара священников Пацманнойм в Вене» (все издания 1938 г.), молитвенник, распорядок богослужений, теологическая диссертация, болгарское сочинение «Сообщение о деятельности королевского Болгарского Генерального консульства в Прессбурге», а также три книги на армянском языке из серии «Национальная библиотека» (среди них два обширных, общим объемом 742 страницы, тома об «Армянских монастырях в области Васпуракан — Ван» и книга «Армянское студенчество в Дерптском университете»).

После окончания войны благодаря своим кириллическим литерам и известному качеству печати на иностранных языках типография мхитаристов получила нового заказчика, а именно — советскую оккупационную власть.

«От простых формуляров и брошюр до целых трудов — печаталось все», — отмечает бывший директор по печати Роберт Е. Каспер в своей книге «Сто пятьдесят лет типографии мхитаристов» (1961 г.) и добавляет: «Многое использовали и забирали, некоторые из произведенных тогда шрифтов оставались лежать в производственном подвале и были уничтожены лишь несколько лет назад»[18].

Это доказывает, что уже тогда в типографии не заботились и, вероятно, не имели достаточных возможностей для документирования и системного архивирования типографского производства.

Наряду с иностранной печатью важным источником доходов после Второй мировой войны вплоть до закрытия типографии в 1998 г. стала печать журналов.

В типографии мхитаристов было выпущено большое количество специальных журналов. Так, в 1960 г. Каспер отмечает, что «непрерывно печаталось примерно тридцать еженедельников и ежемесячников на всех языках»[19]. Этот спектр включал в себя такие издания, как «Бумага Австрии» («полиграфически образцово выполненный ежемесячник бумажной промышленности»[20]), «Австрийская пекарная газета», «Промышленность» и «Биржевой курьер», а также «Политические перспективы. Журнал Австрийского Академического союза».

Также печатались и иностранные журналы и брошюры, среди них — в период с 1988 по 1990 г. — турецкоязычная газета «Yeni Zaman», которая ориентировалась на проживающих в Вене турок.

К самым значительным заказам на печать книг относятся опубликованная в 1953 г. богато иллюстрированная книга Эмиля Пирчана, Александра Витешника и Отто Фритца «300 лет Венского оперного театра», изданная в 1976 г. с многочисленными цветными фотографиями книга Хайде и Хельмута Бушхаузена «Иллюстрированные армянские манускрипты Конгрегации мхитаристов в Вене», а также девятитомная серия Георга Риха и Альфреда Комарека «Вид на Австрию с высоты птичьего полета», которая вышла в 1986-1990 гг. в издательстве «Kremayr & Scheriau». Кроме этого, в типографии мхитаристов печатались многочисленные выставочные каталоги, в том числе для Музея истории искусства.

В последние годы работы типографии к венским мхитаристам перешла печать книг, которые выходили в «Casa Editrice Armena» — издательском доме мхитаристов Сан-Лаззаро, потому что типография мхитаристов в Венеции была закрыта уже в начале 90-х гг. XX в. Такое сотрудничество с Венецией было знаком постепенного сближения обеих групп Ордена. Наконец, в июле 2000 г. конгрегации Венеции и Вены снова объединились после 228 лет раскола.

Обложка номера журнала «hАндес Амсорья» за 1901 год

Наряду с полной переорганизацией всего типографского ремесла из-за появления новых, слишком дорогих для маленького производства технологий причина нерентабельности работы венской типографии состоит еще и в том, что вместе с распадом Советского Союза и сегодняшней независимостью Армении был утерян большой рынок. Теперь армянские книги печатаются в самой Армении без каких-либо ограничений и, что важно, с более низкими затратами. То же самое относится и к соседней стране, Грузии, куда ушла одна из последних напечатанных венскими мхитаристами книг: перевод книги Райнера Мариа Рильке «Дуинские элегии» на грузинский язык.

[1]*См. Arat, Mari Kristin: Die Wiener Mechitharisten. Armenische Mönche in der Diaspora. Wien 1990. S. 159. (Арат, Мари Кристин: Венские мхитаристы. Армянские монахи в диаспоре. — Вена, 1990. — с. 159.)*

[2]*Allgemeines Verwaltungsarchiv (Общий управленческий архив), Alter Cultus (92: 145 ex Febr. 1812, fol. 60-61, zit. nach: Arat, S. 160).*

[3]*Mayer, Anton: Wiens Buchdrucker-Geschichte. Wien 1887. Bd 2. S. 182. (Майер, Антон: История книгопечатания Вены. — Вена, 1887. — Т. 2. — с. 182.)*

[4]*Майер, с.183.*

Последняя книга, напечатанная в типографии венских мхитаристов — «Дуинские элегии» Р-М. Рильке в переводе на грузинский язык. Фото Bernhard Denscher

[5]Майер, с. 255.

[6]Kalemikar, Gregoris: Eine Skizze der literarisch-typographischen Thtigkeit der Mechitharisten-Congregation in Wien. Wien 1898. S. 64. (Калемикар, Грегорис: Набросок литературно-типографической деятельности Конгрегации мхитаристов в Вене. — Вена, 1898. — с. 64.)

[7]Statuten des «Vereins zur Verbreitung guter katholischer Bücher», zit. nach: Kalemikar, S. 44 (Уставы «Союза для распространения хороших католических книг», цит. по: Калемикар, с. 44)

[8]Калемикар, с. 46.

[9]Калемикар, с. 44

[10]Калемикар, с. 45 и далее.

[11]Schriftproben der Mechitharisten-Buchdruckerei in Wien. Wien 1910. S. 51ff. (Образцы шрифтов типографии мхитаристов в Вене. — Вена, 1910. — с. 51 и далее.

[12]Майер, с. 186.

[13]Майер, с. 184.

[14]Flugblatt vom 18.04.1848 «An die Bürger und Bewohner Wiens! Von der Mechitharisten-Congregation». Museum des Mechitharistenklosters Wien. (Листок от 18.04.1848 «Гражданам и жителям Вены! От Конгрегации мхитаристов». Музей монастыря мхитаристов в Вене.)

[15]Wytrzens, Günther: Die slavischen und Slavica betreffenden Drucke der Wiener Mechitharisten. Wien 1985. S. 180. (Витриценс, Гюнтер: Славянские и касающиеся славян издания венских мхитаристов. — Вена, 1985. — с. 180.)

Moissi, Karmen Petra: Die Bulgarica der Wiener Mechitharisten-Druckerei. Wien 1999. S. 36 ff. (Моисси, Кармен Петра: Болгарика венской типографии мхитаристов. — Вена, 1999. — с. 36 и далее)

[16]Интервью с Барбарой Деншер, 16.03.2007.

[17]Durstmüller, Anton: 500 Jahre Druck in Österreich. 3 Bde, Wien 1982-1988. Bd 3. S. 161. (Дурстмюллер, Антон: 500 лет печати в Австрии. — 3 тт. — Вена, 1982-1988. — Т. 3. — с. 161.)

[18]Kasper, Robert E.: Hundertfüfzig Jahre Mechitharisten-Buchdruckerei. Wien 1961. S. 46. (Каспер, Роберт E.: Сто пятьдесят лет типографии мхитаристов. — Вена, 1961. — с. 46.)

[19]Каспер, с. 50.

[20]Дурстмюллер, т. 3, с. 162.

Настоящий текст является переработанной и дополненной редакцией статьи автора для издания: «Изучение книги и ее происхождения. Юбилейный сборник в честь Мюррэя Дж. Холла к 60-летию», изд. Герхардом Реннером, Венделин Шмидт-Денглером и Кристианом Гастгебером.

Издательство «Презенс», Вена 2009 г.

Использованы фотографии участников экспедиции журнала «Анив» в Вену.

Интервью с автором статьи о типографии мхитаристов, публицистом и радиожурналистом Барбарой ДЕНШЕР (Вена)

Какими были обстоятельства Вашего первого приезда в Армению в 2000 году? Какие впечатления были самими яркими и неожиданными?

Тогда, в июне 2000 года, я впервые посетила Армению. Мы провели там 5 дней, чтобы принять участие в открытии фестиваля «Дни венской музыки» и послушать концерты. Фестиваль проводился Армянским Филармоническим оркестром под руководством маэстро Лориса Чкнаворяна на высоком художественном уровне. Это стало для меня одним из самых ярких открытий — то, что искусство, и в первую очередь музыка, имеет в Армении такое большое значение и такое высокое качество. За 5 дней я также увидела некоторые достопримечательности страны: Эчмиадзин, Гегард, Гарни, озеро Севан. Я была восхищена красотой страны и ее древней культурой. Но еще больше — дружелюбием и готовностью прийти на помощь людей Армении.

Каких тем Вы касались в цикле Ваших австрийских радиопередач об Армении?

Я сделала несколько радиопередач об Армении. Среди прочего я освещала историю Армении и историю армян в Вене, 1700-летие христианства в Армении, армянское искусство и культуру, экологические проблемы в контексте озера Севан, туризм в Армении, молокан, жизнь музыкантов в Дилижане.

«Меня впечатлил высочайший творческий потенциал людей...»

Трудно ли Вам было учить армянский язык? Есть мнение, что при всем отличии двух языков армянский язык похож на немецкий принципами словообразования для сложных понятий, которые образуются от соединения корней слов.

Разумеется, это всегда большой вызов для человека – изучать другой язык. Но я могу сказать, что для меня армянский не стал большой трудностью. Я думаю, что дело в том, что армянский – очень ясный и логичный язык. Определенная близость с немецким языком объясняется общим происхождением индоевропейских языков, к которым, разумеется, относятся как армянский, так и немецкий. Я считаю, что армянский язык – прежде всего в грамматике – имеет много общего с латынью, которую я изучала в школе. Ну и прежде всего армянский – очень красивый язык, и поэтому мне очень интересно и радостно им заниматься.

Так как я изучала германистику, а также работала в школе и университете, то у меня появился контакт с группой студентов и учащихся по специальности «немецкий язык» из Гюмри. С ними я регулярно провожу семинары, на которых они могут тренировать свои языковые навыки и тем самым получить лучшую специальную квалификацию.

Как появился замысел Вашей первой книги об Армении «Im Schatten des Ararat. Armenische Kontraste»? Как бы Вы обозначили главную тему книги?

Идея книги возникла из радиопередач. Многие в Австрии говорили мне, что они были бы рады узнать об Армении больше. Цель книги – дать немецкоязычному читателю информацию об этой восхитительной стране.

Что лично Вас больше всего заинтересовало в армянской культуре – древней и новой?

Армянская культура настолько разнообразна, что едва ли представляется возможным выделить какую-либо ее отдельную сферу. Меня интересуют многие ее области – от древней письменной культуры и музыки до современной живописи. Особенно хочу сослаться на успехи, достигнутые в обучении студентов, прежде всего молодых художниц и художников, в Академиях художеств Еревана и Гюмри.

В Армении меня впечатлил высочайший творческий потенциал людей.

С чем связана, по-Вашему, болезненная реакция активистов турецких общин в

Австрии и некоторых других странах Европы на позитивный образ Армении? Это спонтанный негатив или он направляется властями Турции через посольства?

Для ответа необходим тщательный анализ конкретных случаев. Но, вероятно, есть отличие между официальной политикой и самими людьми. В связи с этим есть признаки позитивного сближения. Я знаю, что, например, в Австрии есть много положительных и дружественных контактов между армянами и турками.

Недавно государственные лидеры некоторых стран Западной Европы (в частности, Германии и Великобритании) говорили о неудаче политики мультикультурализма. Что Вы об этом думаете?

Современный мир многообразен в культурном отношении, и это – факт. Отсюда следуют некоторые проблемы, но в первую очередь – много шансов и большие возможности. И эти положительные аспекты должны развиваться и использоваться.

Нередко приходится слышать от европейских интеллектуалов, что современную Европу уже нельзя ассоциировать с христианством. Согласны ли Вы с этим?

Я думаю, что религиозность и размах христианской веры в различных европейских странах неодинаковы. Поэтому тут сложно давать какие-либо оценки. В Австрии религиозные общины по-прежнему сохраняют свое место в духовной, культурной и общественной жизни. Кроме этого, важно отметить то, что идея Европы не описывается через общую религию, но решающим образом была сформирована гуманистическими ценностями рационализма и философии эпохи Просвещения. Знаковыми именами здесь являются Вольтер, Кант, Лессинг, Гете и многие другие.

В Ереване в октябре 2011 года Вы выступали с докладом о типографии венских мхитаристов на конференции, посвященной 200-летию Конгрегации в Вене. Что Вам особенно запомнилось на конференции?

Я снова была впечатлена тем большим интересом, который уделяется в Армении культурным вопросам. О конференции сообщали в газетах и по телевидению, на ней присутствовало много людей. Они с интересом слушали и задавали очень компетентные вопросы.

Каким было Ваше первое знакомство с Конгрегацией венских мхитаристов? Каковы Ваши личные впечатления от общения с монахами? Многим ли в сегодняшней Вене известно о существовании Конгрегации и монастыря?

В ходе моего исследования по теме «История армян в Вене» я, разумеется, вышла на контакт с мхитаристами. Конгрегация и прежде всего настоятель Паулус Коджанян (*Հ. Պողոս Գոճանյան — Прим. ред.*) помогли мне с источниками информации по армянской истории и культуре. Конечно, Конгрегация мхитаристов известна в венских интеллектуальных кругах, и я надеюсь, что знание о них распространится еще шире, т.к. они являются важным элементом в истории венской культуры.

Одним из немногих современных исследований, выполненных целиком на основе работы у мхитаристов Вены, стали публикация и анализ проф. Хельмутом Бушхаузеном лучших миниатюр из манускриптов библиотеки мхитаристов...

Я знакома с публикациями проф. Бушхаузена и встречалась с ним единожды лично. Его труды – важное достижение австрийской науки, их можно найти во всех крупных научных учреждениях – например, в Австрийской Национальной библиотеке.

Во время нашего пребывания в Вене мы убедились в опасном несоответствии богатств, которые находятся в руках мхитаристов, численности монахов и их преклонного возраста. Не существует каталога богатого музейного собрания, очень непросто получить разрешение для работы в библиотеке и тем более в архивах. История типографии мхитаристов может повториться с другим, еще более ценным, историческим достоянием. Каким видится Вам решение этой проблемы? Какую роль могли бы сыграть государственные и общественные структуры Австрии и Армении в гарантии сохранения богатств мхитаристов, в том, чтобы эти богатства стали доступными ученым-арменоведам и востоковедам через полную каталогизацию, цифровое фотографирование экспонатов, сканирование книг и документов?

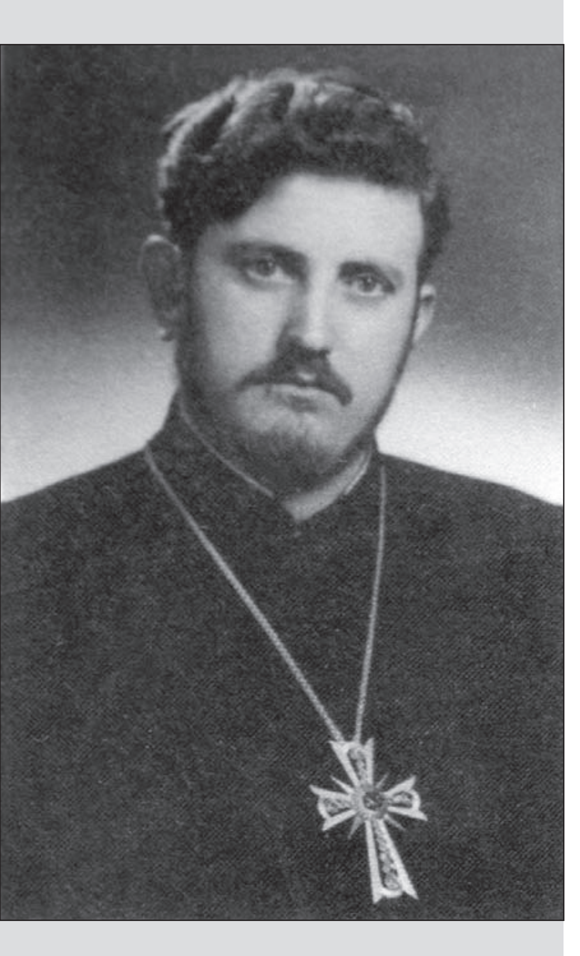
Как раз в последнее время Конгрегация мхитаристов получила значительную поддержку на реставрацию монастыря и церкви, а также на поддержание в исправном состоянии библиотеки от Вены и Австрийской Республики. Разумеется, очень трудно подобающим образом сохранять культурное наследие такого большого объема, как монастырь мхитаристов. В будущем было бы, наверное, возможно содействие других спонсоров из числа международного армянского сообщества.

*Перевод с немецкого
Александра Каралевича*

фрагменты из воспоминаний архиепископа Тирайра МАРТИКЯНА, многолетнего главы епархии Румынии и Болгарии Армянской Апостольской Церкви

Продолжение. Начало в «АНИВ» № 39.

ЖИЗНЬ ПОД ЗНАКОМ КРЕСТА

Вардапет, исполняющий обязанности главы епархии Азербайджана

Когда 9 мая 1954 года скончался Католикос Геворг VI, в Эчмиадзине почти не было духовенства высокого ранга. Единственным был архиепископ Ваhан. Без проведения выборов местоблюстителя он сам себя провозгласил таковым. Взял под свою власть все дела Эчмиадзина в надежде на то, что очень скоро его изберут Католикосом. Крупного телосложения, с окладистой бородой, он имел хороший почерк. В Эчмиадзине он появился неожиданно, прибыв из Индии и Ирана (*речь о бывшем главе Исфаганской епархии Армянской Церкви епископе Ваhане Костаняне, высланном из Ирана по подозрению в сотрудничестве с советскими спецслужбами. – Прим. ред.*). Носил красиво украшенные ризы. Еще при жизни Веhапара он был председателем Высшего духовного совета.

После смерти Католикоса Аветик Исаакян, Камсаракан, Минас Минасян и я опечатали входную дверь в его покои. Потом, когда мы открыли ее в присутствии Ваhана србазана, он стал забирать разные вещи со стола в кабинете, из комнат. Например, шелковые покрывала:

– Это мне дарили – в Индии, в Персии.

Я предупредил Аветика Исаакяна:

– Смотрите, Варпет, он все заберет из покоев.

– Ничего, сынок, ничего. Потерпи, Господь накажет.

Хозяином и властелином был Ваhан србазан. Он начал отдавать приказы и распоряжения. На место Минаса Минасяна инспектором училища назначил Мартиросяна, дядю Комитаса србазана. Занятия в училище стали нерегулярными. (...) Ребята пришли ко мне как протодьякону пожаловаться и попросить написать от имени всех учащихся письмо в министерство по делам религий *(точнее Совет по делам Армянской Церкви при Совете Министров Армянской ССР, созданный в годы войны аналогично Совету по делам Русской Православной Церкви в Москве. – Прим. ред.)*, которым в то время руководил Рачья Григорян, объяснить положение в училище. И я написал письмо с критикой действий начальства, попросил ребят, чтобы кто-нибудь переписал его своим почерком и отправил в министерство. Ребята пообещали, но послали то письмо, которое написал я. Министр получил его и прочел, что в училище происходят антисоветские вещи, оно стало похожим на школу Тер-Тодика (*персонаж романа Раффи «Искры», священник и учитель, который олицетворяет отсталые методы обучения детей. – Прим. ред.*): нет ни правил, ни порядка, ни положенных служб, ни литургии – полный хаос. Он немедленно вызывал к себе Ваhана србазана и, показав письмо, предупредил, что государство направит людей проверить, соответствует ли действительности написанное. Ваhан србазан пришел в ярость и хотел узнать от назначенного им инспектора и от других, кто автор письма. Мой одноклассник Арменак сказал:

– Эврика, эврика, знаю.

– Кто написал?

— Дьякон Тигран.

После этого в качестве наказания мне разрешали только ходить в церковь, мне нельзя было есть вместе с монахами и учениками, я должен был питаться отдельно. Не давали ни дров, ни хвороста, чтобы отапливать комнату, пришлось жить в холоде. И так я жил месяц за месяцем по распоряжению Ваһана србазана. Многие мои товарищи стали монахами, были рукоположены в вардапеты. Один взял себе имя Ваһан, считая, что Католикосом станет Ваһан србазан. Другой взял имя Егише — в честь местоблюстителя Иерусалимского патриархата, считая, что того изберут Католикосом. Очередь дошла и до меня: «Либо становись вардапетом, либо уходи из училища».

В то время я болел и лежал в больнице. Инспектор Минасян зашел ко мне сказать, что Ваһан србазан в ярости:

— Немедленно напиши заявление, что хочешь быть вардапетом. Если нет, он хочет избавиться от тебя и удалить из монастыря.

Я написал, что хочу быть вардапетом, инспектор Минасян своей рукой передал заявление Ваһану србазану, чтобы на Высшем духовном совете приняли решение и дали мне ответ.

Не прошло и недели, как Ваһан србазан представил мое заявление Высшему совету. На заседании как член совета присутствовал и будущий католикос, епископ Вазген. Мое письмо было показано оборванным со всех сторон, как будто его мыши обгрызли.

— Посмотрите, дьякон хочет посмеяться над нами — посылает в Высший совет такое письмо.

Все удивились и хотели наказать автора. Тут Минас Минасян, который тоже был членом совета, избранным от Национального собрания, сказал:

— Вы ошибаетесь, србазан. Эту бумагу я дал дьякону Тиграну в больнице. И ручку тоже дал. В моем присутствии он написал свое заявление, и я вам передал бумагу совсем не в таком виде.

Все еще больше удивились. Епископ Вазген, кажется, был настроен против меня в связи с моим письмом. Но увидел, что Ваһан србазан начинает и его преследовать как молодого епископа, а потом как своего возможного соперника на выборах Католикоса. Став Католикосом, епископ Вазген понял, в чем было дело, узнал правду и очень меня полюбил...

Мое письмо получило защиту, назначили день моего рукоположения, праздник Цахказард (Вербное воскресенье). После смерти Веһапара Геворга VI в 1954 году на средства фонда Гюльбенкяна больше года, вплоть до выборов следующего Католикоса, реставрировался весь кафедральный собор. Поскольку в соборе происходила реставрация, монахов и монашествующих священников рукоположил Саак србазан в историческом монастыре Рипсиме, 4 апреля 1955 года, на праздник Цахказард.

Раз уж речь зашла о Сааке србазане, расскажу следующее. Он был очень честным и благородным человеком. Бывший священник, прошедший ссылку в Сибирь. Ему остригли бороду и отправили в ссылку, но через десяток лет он вернулся. Геворг VI пригласил служить Церкви всех бывших священников, выпускников училища, духовных и светских людей, знающих грабар и знакомых с церковной жизнью. Дал им звания вардапетов, епископов, поскольку многих епископов, священников, выпускников училища сослали в Сибирь, и Эчмиадзин был опустошен (*Речь идет об изменении отношения власти к церковным организациям в годы войны, когда Геворг Чорекчян был архиепископом и местоблюстителем престола. «Одной из главных забот Србазана Геворга была организация новой монашеской Конгрегации. Как было сказано, в Эчмиадзинском монастыре оставались только два монаха. Надо было набрать новых, но где найти подходящих людей? Србазан нашел единственно правильный выход — поискать бывших светских выпускников Эчмиадзинской Геворгянской Духовной Академии и Тифлисской Нерсисянской Семинарии. Из них десятерых он рукоположил в сан архимандрита, а некоторых впоследствии и в сан епископа. Новые монахи пришли в храм улучшить свое материальное положение. «Это не монахи, это недоразумение, — говорил потом Католикос Геворг VI, — у меня других кандидатов не было, потому и привел». — Журнал Московской Патриархии, № 4, 1994, «В борьбе за существование» — воспоминания епископа Паркева Геворгяна. — Прим. ред.).* У Саака србазана был прекрасный почерк. Он преподавал нам обрядоведение. Имел хорошее чувство юмора. Все свои кресты и панагии он вешал у себя на стену, как на выставке. Он был глухим, и в Америке, куда его направили, местные армяне подарили ему специальный аппарат, чтобы лучше слышать — в Советском Союзе таких не делали.

Жил он на втором этаже. Однажды жарким летом он спал в кровати при открытой двери. В комнату пробрался вор и стал собирать в мешок кресты и панагии, которые висели на стене. В этот момент Саак србазан проснулся, увидел его и не растерялся — поднес ко рту свой слуховой аппарат:

— Товарищ начальник милиции, говорит Саак србазан из монастыря. Быстрей приезжайте, сюда забрались воры.

Вор понятия не имел о слуховом аппарате и решил, что это нечто вроде телефона. Бросил вещи, кубарем скатился по лестнице и пустился бежать.

Саак србазан не раз говорил мне:

— Тигран-джан, черный цвет тебе так идет, так идет. Красиво выглядишь.

После службы мы снимали наши облачения и оставались в рубашках.

— Слушай, сынок, я бы на твоем месте даже в бане облачение не снимал.

Однажды в церковь пришли родители с ребенком. Саак србазан предложил ему поиграть в «зеркало»: «Что бы я не сделал, ты должен повторить». Потянул себя за ухо — мальчик тоже потянул, закрыл глаз — мальчик тоже закрыл, взялся за нос — тот повторил. Потом вдруг вынул изо рта вставную челюсть — ребенок стал

тянуть рукой свои зубы, но ничего не вышло, он проиграл.

Однажды в зале во времена Католикоса Вазгена I он держал речь и сказал, что Веһапар – несчастливый Католикос. Веһапар удивился: как это так – все говорят, что счастливый, а Саак србазан считает наоборот. Саак србазан объяснил: «Я глухой, Езник србазан слепой, Сурен србазан хромой, Вардан србазан – то ли он есть, то ли его нет».

Ваһан србазан все равно решил от меня избавиться, поскольку я, как секретарь покойного Католикоса, знал много секретов. Послал меня как новоиспеченного монаха на пять месяцев в епархию Азербайджана, в Баку (*до конца 1918 года существовала Ширванская, или Шемахинская, епархия. Однако в октябре 1918 года после резни и грабежей армян в Шемахе турками и кавказскими тюрками (азербайджанцами), бегства армянского населения в Баку архиепископ Баграт Вардазарян перенес сюда епископскую кафедру, и епархия получила название Бакинской. После периода активных религиозных гонений и репрессий в 1930-х гг. работа епархии возобновилась в 1945 г. – Прим. ред.*). Я собрал в дорогу небольшой сундучок с книгами и 30 часов ехал по берегу Аракса один в своем купе – пока доехал, выучил Чинопоследование Божественной Литургии.

Епархиальный совет назначил меня секретарем епархии. Утром и вечером, без пропусков и опозданий, я принимал участие во всех службах.

Когда выяснилось, что мне придется ехать в Баку, один из моих друзей-вардапетов сказал:

– Пусть Тигран не радуется, его в Баку не посылают, а ссылают.

Я ответил:

– Тигран знает, что его ссылают, поэтому поедет с большой радостью.

Моя пятимесячная ссылка в Баку продлилась пять долгих лет, прежде чем мне предложили возглавить епархию Румынии и Болгарии. Первые месяцы я постоянно находился в церкви вместе с Хореном. (Хорен Пальян получил сан дьякона, затем вардапета под именем Месроп. Потом познакомился с Лусине Закарян, научился петь. Сдружился с ней, влюбился, отказался от монашества и сана, чтобы жениться.) Я как молодой вардапет читал проповеди, у Хорена был хороший голос. Каждый день народ – армяне, турки, русские, татары – заполнял церковь.

– Где этот молодой вардапет, который приехал из Иерусалима, знает много языков, красиво говорит по-турецки?

Предводитель епархии архимандрит Гарегин Акопян называл меня Шеко (Рыжий).

– Шеко, если захочу, накажу тебя, – так он все время говорил, не объясняя, как и за что.

Однажды дал мне конверт с деньгами:

– Пойди передай от моего имени министру Азербайджана по делам религий *(точнее председателю соответствующего Совета при Совете Министров Азербайджанской ССР. – Прим. ред.)*.

Я отказался. Сказал, что они азербайджанцы и государственные служащие, а он – армянский священник.

– Вы, святой отец, не имеете права давать взятку государственному должностному лицу. Я Вам не советую.

– А я тебе приказываю.

Вместе с епархиальным советом, священниками и дьяконами. Баку

— Вы не можете мне приказать. Вы можете приказывать только в церкви, вне церкви я вашим приказам не обязан подчиняться. Идите без меня и делайте что хотите, но Вы поступаете неправильно.

— Я покажу тебе, я тебя накажу. У меня есть бумага, чтобы тебя наказать.

— Делайте что хотите, я не обязан подчиняться.

Хорен тоже со мной согласился.

Србазан взял с собой священника, знающего азербайджанский, и вместе они пошли к министру. У того был секретарь по фамилии Багиров, который продолжал потом и дальше работать. Когда министру торжественно передали конверт, Багиров заметил, что глава армянской епархии дал министру взятку. Дело происходило в 14-этажном Доме правительства. Он немедленно сообщил наверх, оттуда сообщили в Ереван, из Еревана — в Эчмиадзин Ваhану србазану. Я получил от него телеграмму: «Св. отцу Тирайру. Предводитель епархии вардапет Гарегин передает ключи и печать монаху Тирайру и немедленно окончательно возвращается в Св. Эчмиадзин».

Тот самый Ваhан србазан, который меня сослал, теперь прислал телеграмму, чтобы мне передали ключи и печать.

— Забрал ты у меня престол, Шеко, так со мной поступил. Смотри, какая бумага у меня есть.

Как оказалось, когда я прибыл в Баку из Эчмиадзина, Ваhан србазан отправил письмо с надписью «Строго секретно».

«Св. отец Гарегин, св. отец Тирайр — опасный человек, революционер, имеет хороший голос, талант, знает обряд, знает много языков. Следите за ним и в церкви, и за ее пределами. Если только сделает какой-то ошибочный шаг, сообщите, чтобы я его немедленно выгнал и освободил Армянскую Церковь от этого революционера».

Теперь это «строго секретное» письмо попало в мои руки. Очень жаль, что епархию перевернули вверх дном во время конфликта с азербайджанцами, я так и не знаю, что случилось с письмом. Но все эти слова я видел своими глазами. Мы с Хореном уже укладывали вещи и книги, когда пришла телеграмма.

Глава епархии уехал, а я остался в Баку. Приближалось время выборов Католикоса. Ваhан србазан отправил приглашение своему другу, святому отцу Езнику, чтобы после выборов сделать его епископом. Все священники перешли на его сторону, подкупленные, чтобы отдали свой голос за Ваhана србазана. Все они были избраны делегатами. кроме меня, монаха Эчмиадзина. Но случилось чудо. В Кировабаде, втором по величине городе епархии, где проживало 70 тыс. армян, престарелый священник заболел и не смог поехать. Епархиальный совет выдал мне официальную бумагу с печатью, что делегатом от Кировабада на выборы отправляется святой отец Тирайр. Перед выборами я прибыл в Св. Эчмиадзин представиться Ваhану србазану и Вазгену србазану.

— Ты что здесь делаешь, негодяй? По какому праву приехал к Св. Престолу? Убирайся вон немедленно! — потребовал Ваhан србазан.

— Србазан, вначале прочтите эту бумагу.

Он прочел, что назначенный им человек тяжело болен и епархиальный совет выбрал делегатом меня. Я стал самым молодым делегатом. Для участия в выборах Католикоса нужно было быть не моложе 30 лет, а мне в то время исполнилось всего 24. Вазген србазан понял игры Ваhана србазана и сказал:

— Каким красивым ты стал вардапетом, с такой славной бородой.

Католикос Вазген I и семь вардапетов. Эчмиадзин, 6 октября 1956 года (крайний справа Тирайр Мартикян)

Католикос Вазген I вместе с патриархом Болгарии Кириллом и патриархом Румынии Юстинианом. Эчмиадзин, 1958 год

Дело происходило в 1955 году. Был созван Национальный Церковный Собор для избрания нового Католикоса. 144 делегата представляли армян с разных концов света. Я, самый молодой, участвовал в выборах от епархии Азербайджана.

Сегодня с грустью думаю о том, что 143 других делегатов уже нет на этом свете, остался один я.

В Эчмиадзине я увидел Авага Петросяна. Обнялись и поцеловались – хоть я имел звание вардапета, он обращался ко мне «Тигран-джан». Он был делегатом от епархии Карабаха. От Карабаха был и певец Арменак Тер-Абраамян. Делегатом от Азербайджана был Шара Тальян.

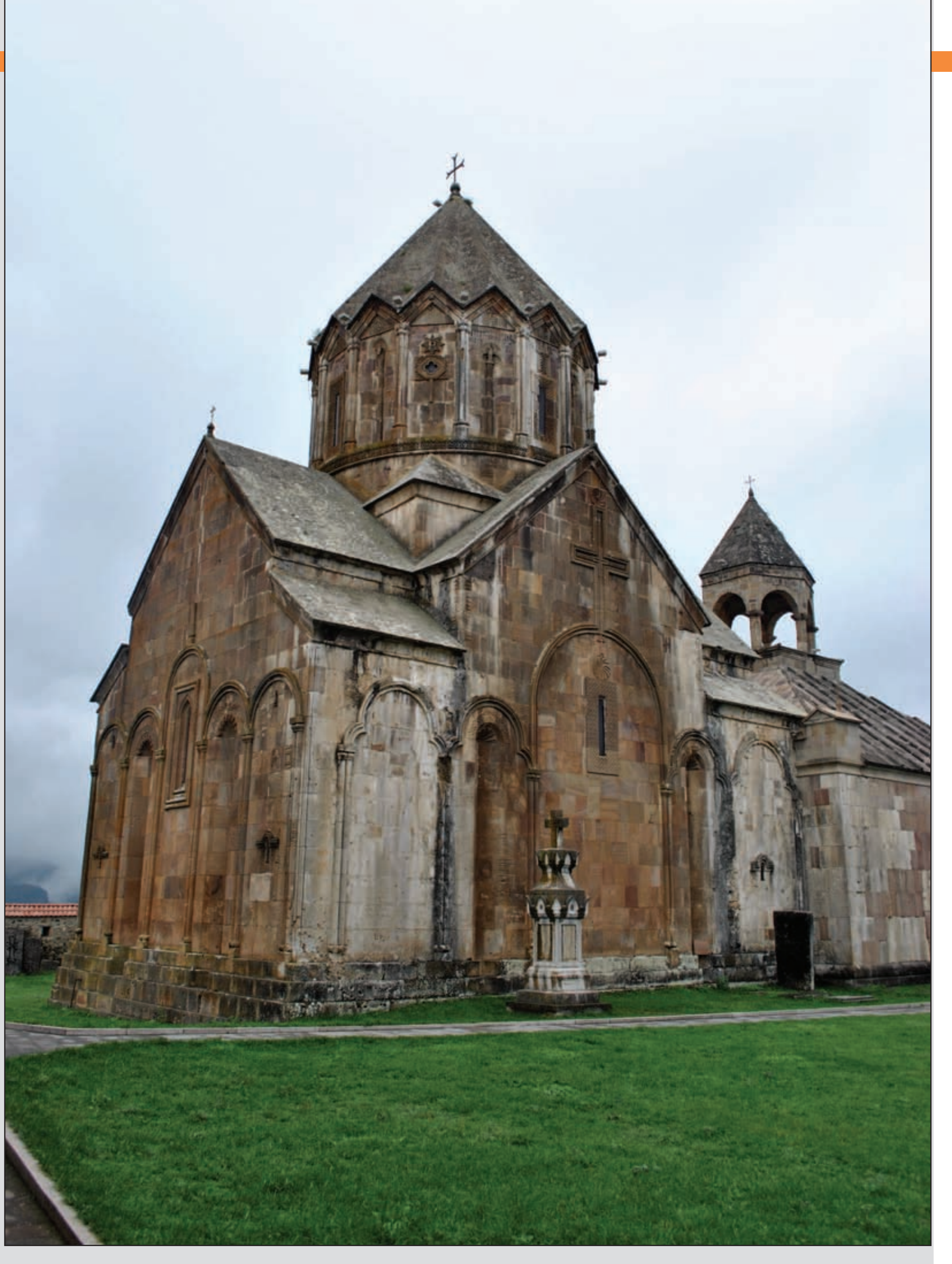
(*Арменак Тер-Абраамян — уроженец Тифлиса, солист ереванского Оперного театра им. Спендиарова, ансамбля народных инструментов Радио Армении, в 1942 г. один из организаторов Театра муз. комедии имени А. Пароняна, в 1954 г. получил звание народного артиста Армянской ССР. Его пение звучит во многих фильмах («Пепо», «Зангезур», «Севанские рыбаки»), снятых на киностудии «Арменфильм». Шара Тальян — уроженец Тифлиса, в 1912 г. первым исполнил партию Саро в опере Тиграняна «Ануш» и с тех пор считался непревзойденным ее исполнителем, в 1927 г. создал ансамбль «Ереванские ашуги», в 1938-1941 гг. руководил гусанским ансамблем имени Саят-Новы, в 1939 г. получил звание народного артиста Армянской ССР, был солистом ереванского Оперного театра. Авав Петросян – род. в селе Гямрез, солист Государственного хора Армении, ереванского Оперного театра, в 1956 году получил звание народного артиста Армянской ССР. — Прим. ред.*)

Мы все стояли вместе, когда Аваг Петросян спросил:

– Тигран-джан, что будет? Мы первый раз участвуем. Что делать, чтобы не ошибиться?

Мы вчетвером зашли в одно заведение, я предложил выпить по чарке. И начал объяснять, как проходят выборы – тайное голосование и пр. Сказал, что Советский Союз не хочет человека из-за границы, поскольку тот будет незнаком с законами и правилами страны. Зарубежные делегаты не хотят человека из Армении, считают, что такой будет назначенцем советской власти и КГБ. Хотят кого-то из нейтральной страны, например, из Румынии. Когда я назвал епископа Вазгена, все сказали, что им уже говорили о нем. Других имен они даже не знали. Спросили меня, за кого я буду голосовать. Я задал им ответный вопрос: за кого проголосуют они? И дал совет подумать, чье имя сегодня носится в воздухе. Все сказали: Вазген. Значит, голосуйте за него. Сам я не сказал, за кого проголосую.

Арменак Тер-Абраамян очень красиво исполнял произведения Комитаса. После избрания епископа Вазгена Католикосом всех

Монастырь Гандзасар ▲►

армян на литургии интронизации пел Шара Тальян. Арменак Тер-Абраамян сказал мне:

— Святой отец, певец, который не прошел через церковь, в церкви не надевал рубашку, не может быть настоящим певцом. Шара Тальян не певец, а крикун.

Я поинтересовался его мнением об Аваге Петросяне, ведь тот тоже не пел в церкви. (Отец Авага Петросяна был купцом-переселенцем из Акори, красивым мужчиной с сильным баритоном, его часто приглашали в Эчмиадзин солировать во время литургии. К несчастью, он погиб в цветущем возрасте.) Сказал, что Аваг Петросян личность исключительная, выдающийся певец, незаменимый исполнитель ролей Чобана и Ашота в нашем вокальном искусстве.

Арменак Тер-Абраамян подтвердил мою правоту.

Сразу после выборов я вернулся в Баку. В то время в городе проживало 250 тыс. армян, столько же евреев, русских и чуть меньше азербайджанцев. В Гандзаке (Кировабаде) насчитывалось 70 тыс. армян. Если прибавить Карабах с более чем 120 тыс. армян, получается, что к моей пастве относилось полмиллиона человек (*согласно результатам Всесоюзной переписи населения 1959 г. в Азербайджанской ССР проживало 442 089 армян. — Прим. ред.*). Вернувшись в Баку, я стал работать активнее, и Веһапар оценил мою работу — уже на следующий год меня рукоположили в вардапеты. В том же 1956 году Веһапар попросил меня отправиться в Карабах, изучить состояние монастырей Гандзасар и Амарас, отправить ему отчет, чтобы он, в свою очередь, обратился в Москву с просьбой разрешить открыть несколько исторических карабахских монастырей.

(*В письме Католикоса Вазгена I председателю Совмина СССР Николаю Булганину от 12 мая 1956 года, в частности, говорилось:*

«...5. Вашему высокому вниманию представляем и задачу открытия новых церквей в находящихся внутри Советского Союза районах с большим количеством армянского населения, что мы считаем весьма важной задачей по следующим соображениям:

На территории Азербайджана проживает свыше полумиллиона армян, однако там существуют всего лишь две церкви — в Баку и Кировабаде. В автономной области Нагорного Карабаха, где живет около 200 тысяч одних армян, есть только одна церковь и то не в областном центре, а в одном из отдаленных сел. Нет церквей также в районах армянского населения Нахичеванского края. Нет действующих церквей в республиках Средней Азии, где количество армянского населения доходит до 100 тысяч. В Республике Грузия, где имеется более 400 тысяч армян, действуют лишь четыре церкви — две в Тбилиси и две в отдаленных районах. Нет церквей в таких крупных городах с большим населением армян, как в Батуми и Сухуми.

Все эти факты известны посещающим Советскую Армению зарубежному высокопоставленному духовенству и выдающимся общественным деятелям, и приходится отметить, что это дает повод для неблагоприятного мнения о постановке церковного дела в нашей стране.

Католикосат Св. Эчмиадзина получает многочисленные пись-

ма от верующих армян, как из районов Армении, так и из областей Советского Союза, заселенных армянами, с просьбой ходатайствовать об открытии церквей. В этих письмах верующие жалуются на то, что в результате отсутствия церквей они лишены духовного утешения и возможности исполнения необходимых религиозных обрядов.

Представляя вышеупомянутые факты и обстоятельства на Ваше высокое усмотрение, Мы бы хотели просить разрешения правительства на открытие ряда церквей, как в районах Армении, так и в заселенных армянами районах Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа, Средней Азии.

6) В Закавказье и на Северном Кавказе есть много старых армянских монастырей, имеющих большое историческое значение для нашего народа. Считаем необходимым три из этих монастырей, находящихся ныне в запущенном состоянии, отдать Эчмиадзину, дабы мы могли соответственно заботиться о них. Эти монастыри: Ганзасар (в Азербайджане), Татев (в Армении) и Сурб Хач (в Ростовской области)».

Употребляя термины Армения, Азербайджан, Грузия, Католикос, естественно, имел в виду союзные республики в их границах. — Прим. ред.)

И я отправился в Карабах. Добрался до села Ванк у подножия горы Гандзасар. На ночь остановился в семье армянина Миши. Люди со всего района — директор, главврач и др., узнав, что приехал вардапет и хочет открыть монастырь, пришли меня встретить. Я рассказал о своей жизни за границей — о Бейруте, Ливане, Иерусалиме. Они, бедняги, ничего о загранице не знали. В то время они даже не знали, что значит 24 апреля, Егерн.

Ночь я провел в доме. Согласно обычаю невестка должна принести воды из реки, согреть и вымыть ноги высокому гостю. Я как молодой священнослужитель (невестка тоже была очень молода) постеснялся, но со мной был монах Тер-Акоп Мангасарян, урожденный карабахец.

— Քե մատաղ հայր սուրբ, у нас такой адат, обычай, невестка должна вымыть гостю ноги.

Я согласился, чтобы было потом о чем рассказать за границей. Невестка молча вымыла и вытерла мне ноги. Приготовила красивую и чистую постель.

Утром гюхапет привел мне коня по имени Джейран, чтобы из центра села я верхом поднялся к монастырю. Пришли дети, школьники с цветами, весь народ выстроился вдоль дороги. Но я никогда в жизни не садился на коня. Они считали духовного предводителя самым смелым человеком, который умеет все. Для сельского человека предводитель, который не может сесть на коня, — жалкое существо, жалкий человек. Мне хватило ума сказать ближайшим ко мне молодым людям, что езда верхом по селу не соответствует достоинству вардапета и сану духовного предводителя. Я должен быть в положенном одеянии, должен приветствовать народ и благословлять его крестным знамением.

— Вы, двое ребят, держите поводья, чтобы у меня были свободны обе руки, и я обеими руками спокойно приветствовал и благословлял бы народ.

Меня усадили на очень красивого коня Джейрана. Двое ребят взяли в руки вожжи и пошли рядом, пешком. В сопровождении других молодых всадников я медленно, благословляя людей, направился в сторону горы с монастырем на

вершине. Вскоре конь привык ко мне, я к нему. Я сказал тем, кто держал поводья:

– Когда доедем до последнего дома, садитесь на своих коней, и дальше все поднимемся верхом.

Как только дома закончились, дорога превратилась в узкую тропу, по которой могли подниматься в лучшем случае одна лошадь за другой. Когда добрались до вершины, молодежь зарезала барана, принесли рыбу, которую выловили из реки Хачен, бросив туда динамит. Я в жизни не ел такой вкусной рыбы. В чем секрет? В воду для варки рыбы насыпали кислые ягоды растущей поблизости ежевики, которые придали воде красный цвет. Размешали их в воде, красный цвет и кислота передались рыбе.

На вершине горы я начал понемногу копировать все надписи на армянском, выбитые на камнях. Когда, кем построено и т.д. Прочел молитву. Здесь был похоронен Католикос Есаи. Я отслужил панихиду за упокой его души. После того как закончил срисовывать надписи, мы пообедали в лесу, съели хоровац и отправились вниз, чтобы продолжить наш путь вдвоем-втроем к другим монастырям, снова верхом.

Тропа, яма на дороге, ущелье. Я был в своем одеянии, уже несколько дней как ноги онемели, ведь я не умел ездить верхом. Но этого никто не почувствовал. Когда все закончилось, я вернулся Баку и послал оттуда письмо Веһапару с отчетом, который он хотел получить. Он обратился в Москву, но там отказали, сказали, что Карабах – это азербайджанская территория, пусть азербайджанское правительство решает – открывать монастырь или нет.

– Посмотрим, святой отец, как тебе удастся преуспеть, – сказал по телефону Веһапар.

В то время министром по делам религий в Азербайджане был ёлдаш (товарищ) Мамедов. Я отправился к нему, сказал, что есть вот такой вопрос.

– Поезжай в Мартакерт, там армяне в руководстве. Сам найди с ними общий язык.

Я отправился в Мартакерт. Когда зашел в здание местной власти, сторож крикнул девушке-секретарше на своем диалекте:

– Վրդապետը եկալ ա, ի՞նչ անեմ: (Вардапет пришел, что ему сказать?)

– Ասա փերերիվ ա: (Скажи: перерыв.)

И армянские руководители Карабаха меня не приняли.

Я снова вернулся к ёлдашу Мамедову. Пригласил его на обед. Все работники столовой были армянами. Я предупредил, чтобы никто про наш обед не узнал, и мы уединились за занавеской. Я рассказал, как было дело. «Без Вашего звонка, без Вашего согласия они не разрешат». Он взял телефон и, ничего больше у меня не спрашивая, приказал удовлетворить мою просьбу.

Я снова отправился в дорогу, на этот раз взял с собой священника Ншана из Кировабада. Приехали в Мартакерт, открыли церковь. Обыкновенная церковь, типа базилики (*мартакертская церковь Сурб Ованес Мкртич (Св. Иоанна Крестителя) была построена в 1881 году. – Прим. ред.*). Я провел службу, прочел проповедь. Вряд ли присутствовавшие что-то поняли.

Если бы в Карабахе не было действующей церкви, Католикос не мог бы посетить этот регион. Когда открытие церкви было официально подтверждено, он сказал:

– Теперь я официально имею право. Церковь в Мардакерте открыта, я даже могу провести там службу.

Католикос поблагодарил меня, и мы договорились, что в сентябре 1957 года, когда он приедет в Баку, он посетит Кировабад, а оттуда отправится в Карабах – Гандзасар и Амарас.

20 сентября Католикос на самолете прибыл в Баку, впервые посетив епархию Азербайджана (*Католикос посещал Баку также в 1962 и 1969 гг. – Прим. ред.*). Я уже исполнял обязанности главы Закаспийской и Азербайджанской епархий (*своим кондаком от 3 сентября 1920 г. Католикос Геворг V Суренянц подчинил армянские церкви в Средней Азии главе Бакинской епархии, которая стала называться епархией Баку и Туркестана. С 1945 г. в границах Азербайджанской ССР центральными властями было разрешено открыть две церкви Сурб Григор Лусаворич – в Баку и Кировабаде, тогда же стало ясно, что возобновить работу армянских церквей в Средней Азии не удастся, и епархия стала называться епархией Азербайджана. – Прим. ред.*). Когда мы встречали Веһапара в аэропорту, я попросил товарища Мамедова о присутствии милиции, чтобы народ не нарушал закон и порядок.

– Ничего не случится, – сказал ёлдаш Мамедов.

Когда мы ехали в город, Веһапар остановил машину.

– Куда меня везешь?

– В церковь, Веһапар.

Когда Католикос еще только прибыл в аэропорт, я позвонил по телефону, чтобы священники подготовились, встречающие собрались, девушки из хора оделись, как положено, и мы смогли бы принять его по заведенному порядку, с пением «Հրաշափառ».

– В армянскую церковь, Веһапар.

– Молодец, в других местах епископы или твои сверстники вардапеты меня направляли прямо в гостиницу, что неверно. Католикос должен в первую очередь посетить церковь. Молодец, поздравляю. Откуда у тебя такой опыт?

И вот церковь, чудесно убранная (*Бакинская церковь Сурб Григор Лусаворич была заложена в 1863 г. по инициативе главы Шемахинской епархии вардапета Даниэла Шахназарянца на средства Джавада Меликова, бывшего сотрудника промыслов Витте, который именно в том году разбогател, запустив первую в Апшеронском нефтеносном регионе нефтеперегонную установку собственной конструкции. Церковь была освящена в 1869 г., с 1918 г. стала кафедральной. – Прим. ред.*). Встречая католикоса у входа, девушки из хора выпустили голубей. Во время своего пребывания в городе Католикос 7 раз посетил церковь, в т.ч. на литургию в суб-

▶▲ Церковь Сурб Григор Лусаворич в Баку

боту вечером и в воскресенье. И всякий раз повторялось то же самое: в небо выпускали голубей. Католикос удивился и спросил:

– Святой отец Тирайр, откуда столько голубей, чтобы каждый раз их выпускать?

– Веһапар тер, есть у меня сосед-перс, который держит голубей. Он мне дает обученных голубей, а я отдаю их девушкам из хора. Голуби садятся на крышу и через час, прежде чем закончится служба в церкви, мой сосед снова передает нам тех же самых голубей.

Веһапар рассмеялся. Идея ему понравилась.

В церкви я так начал свое приветственное слово:

– Веһапар тер, если прежде народ ездил в Святой Эчмиадзин получить там утешение и духовный заряд, сегодня Вы из Эчмиадзина приехали к народу дать ему этот заряд и духовное обновление.

В ответ Веһапар сказал:

– Мы рады, что больше двух лет вместе с епархиальным советом делами епархии умело управляет наш дорогой Тирайр вардапет – наш представитель и уполномоченный. Тирайр вардапет еще очень молод, и редко случается, чтобы такой молодой вардапет так благоразумно, серьезно и с любовью руководил столь важной и крупной епархией. Мы рады, что не ошиблись, назначив Тирайра вардапета на этот пост, поскольку видим, что он исполняет свои обязанности с верой, преданностью и теплом души. По этому случаю мы поздравляем Тирайра вардапета и даруем ему нагрудный крест в знак патриаршей оценки его трудов.

После визита Католикоса в Баку мы на поезде отправились в Кировабад, исторический Гандзак, где в то время проживало около 70 тыс. армян. На вокзале нас ожидало интересное зрелище: тысячи людей на сотнях машин приехали встречать Веһапара с букетами цветов. Все вместе отправились к прославленной церкви Сурб Григор Лусаворич («*Строительство ее было начато в 1853 и завершено в 1869 году. В народе ее долгое время называли «новой». До тех пор пока она не осталась единственной действующей апостольской церковью в Гандзаке. Великолепное здание, воздвигнутое на четырех колоннах, имело в длину 30,5 м, ширина составляла 20 м. Высокие и узкие окна, казалось, сами излучали свет. Перед дверьми были небольшие симпатичные паперти. Сама же церковь, вместе с прилегающими школой и двором, была окружена красивой стеной, не столько защищавшей церковь, сколько украшавшей ее общий вид. На куполе этого величественного строения можно было увидеть след от ядра, пущенного закавказскими татарами из пушки в 1905 году с левого берега реки. Ядро не смогло пробить розовый армянский туф, из которого была построена церковь. Изнутри церковь была украшена великолепными образцами армянской настенной живописи на религиозные темы. Церковь имела как бы внутренний балкон, что придавало ей по-домашнему уютный вид» – из книги Левона Мелик-Шахназаряна «Гандзак: неутраченный мир». В конце 1988 года церковь стала центром самоорганизации и самообороны армян Гандзака против погромщиков. – Прим. ред.*). Улицы были устланы коврами и цветами. Во дворе церкви был накрыт стол на 250 человек. Веһапар выразил свое недовольство:

– Нехорошо ты сделал. В саду, в присутствии такого количества народа, я не могу обедать.

– Веһапар, Вам необязательно есть, благословите для народа накрытый стол. Ведь этот народ встречает и принимает Вас не как Верховного Патриарха, а как спасителя и освободителя.

Мы вошли в церковь. Католикоса приветствовал духовный пастырь, священник отец Ншан. Веhапар захотел произнести наставление. Когда он произнес «Во имя Отца...», народ начал аплодировать. Аплодисменты не умолкали, и Веhапар остановился. Через некоторое время народ успокоился, но как только Веhапар вновь повторил «Во имя Отца...», зазвучали еще более бурные аплодисменты. Это повторилось трижды. Католикос был очень растроган и сказал:

— Святой отец Тирайр, успокой народ и дай мне слово.

Призывая к тишине, я простер руки вверх, как пророк Моисей.

— Дорогие верующие, хочу вам сообщить радостную новость. Увидев ваш прием, воодушевление и эту атмосферу, Верховный Патриарх решил остаться с вами еще на один день.

Аплодисменты в церкви загремели еще громче.

— А теперь послушайте наставление Верховного Патриарха всех армян.

Церковь Сурб Ованес Мкртич в Мартакерте. Современный вид с пристроенной колокольней

Воцарилась полная тишина. Веhапар произнес свое слово, а потом не только благословил стол, но и сам пообедал. Вечером снова участвовал в службе, обращался к собравшимся, а потом сказал мне:

— Святой отец Тирайр, здесь меня принимали лучше, чем в Бейруте в мое первое посещение.

После Кировабада мы отправились в Карабах. Собственными глазами Католикос увидел развалины армянской части Шуши, дома, в свое время сожженные турками (*Под словом «турки» автор здесь и в некоторых других местах имеет в виду кавказских тюрок, т.е. азербайджанцев. Армянская часть города была сожжена во время резни армян в марте 1920 г. — Прим. ред.*). Побывал в монастыре Гандзасар. Молодежь снова накрыла стол с хоровацем, и он благословил народ. Ночь провели в столице, Степанакерте. Здесь отец Роберта Кочаряна, как председатель исполкома, пригласил Католикоса и сопровождающих к себе домой на обед (*отец Р. Кочаряна был заместителем председателя исполкома. — Прим. ред.*)

С благодарным сердцем Веhапар вернулся в Св. Эчмиадзин, а я вернулся в Баку, к месту исполнения своих обязанностей. (...)

Жизнь в Баку оживилась. Церковь Сурб Григор Лусаворич находилась в самом центре города. Величественная церковь. Из рассказа звонаря выяснилось, что здесь похоронен известный ученый, епископ Тер-Мкртчян (*Карапет Тер-Мкртчян (1866-1915) родился в селе Цгна Нахичеванского уезда. После окончания духовной семинарии Геворгян в Эчмиадзине в течение 5 лет учился в университетах Лейпцига, Галле, Берлина и Тюбингена у всемирно известных профессоров Гарнака, Гута, Вундта, Лутарда и др., изучал богословие, философию, древние и новые языки. В 1893 г. в Лейпциге получил степень доктора философии. Продолжил образование в Париже, Сорбонне и Коллеж де Франс. В 1894 г. в Св. Эчмиадзине был рукоположен в иеромонахи, в 1895 г. получил сан архимандрита. С 1899 по 1903 г. служил инспектором Эчмиадзинской семинарии как педагог, проповедник, администратор, публиковал многочисленные научные труды на армянском и немецком языках. В 1902 г. ему было поручено подготовить заново выверенное издание Библии на армянском языке. Однако в связи с событиями 1903 г., когда Армянская Церковь в России подверглась гонениям со стороны властей и была лишена права распоряжаться своим имуществом, эту работу закончить не удалось. В 1907-1912 гг. был главой епархии Атрпатакана. 25 октября 1909 г. был возведен в сан епископа. С 1914 г. до своей кончины возглавлял епархию Шемахи. Скоропостижно скончался 19 ноября 1915 г. в больнице г. Баку от заражения крови. — Прим. ред.*). Мы собрали средства у прихожан и поставили на его могиле красивое надгробие. Во время пребывания в Баку Католикос Вазген отслужил панихиду и обрадовался, что под церковной колокольней обнаружилось надгробие Карапета Тер-Мкртчяна (*Здесь также был похоронен известный деятель армянского национально-освободительного движения, член партии Дашнакцутюн архимандрит Баграт Тавакалян (1850-1911). — Прим. ред.*).

В Баку, в краю нефти и газа, зимой в церкви было холодно. Газ в помещение не был проведен. Я распорядился установить печки на газе, чтобы люди могли согреться. В противном случае они не снимали во время службы головных уборов или же уходили раньше ее окончания. Многие запротестовали: как это мы газ проведем в церковь, печки поставим? Я сделал так, чтобы людям удобно было ставить свечи. В Баку на побережье очень чистый песок. Я велел привезти такого песка, накрыть его крышкой с отверстиями, в которые люди могли вставлять свечки. Кому-то и это не нравилось. Провел в здание воду. Зимой и летом, в холод и солнцепек звонарь поднимался на колокольню и оттуда звонил в колокола. Мы

открыли два прохода вниз, и звонаря уже не беспокоили ни холод, ни жара, он мог звонить снизу. Народ ожил. Из церкви больше не убегали из-за холода. Мой авторитет вырос, тем более что я был первым священнослужителем из репатриантов, который приехал работать в Баку.

Шейх-уль-ислам очень полюбил меня, поскольку я говорил по-турецки и немного знал арабский. Однажды он пригласил меня на большой мусульманский праздник — шекер-байрам (*букв. «праздник сахара» по окончании поста Рамадан. — Прим. ред.*). Я не смог прийти. Через несколько недель умер его помощник ходжа. Приехали моллы из разных закаспийских и закавказских районов, чтобы участвовать в обрядах по случаю похорон. Я тоже получил приглашение от шейх-уль-ислама.

Мы поехали вместе с русским протоиереем отцом Сергием и сели в машину втроем. Русский не знал азербайджанского языка, шейх-уль-ислам не говорил по-русски. Я переводил одному на русский с азербайджанского, другому наоборот.

Доехали до мечети. Здесь собрались сотни молл, множество народу. Женщины находились за занавесом. Смотрели оттуда, и было слышно, как они говорили обо мне «джаванд, джаванд» («молодой, молодой»). Шейх-уль-ислам стукнул посохом по занавесу и сказал «аип тыр, аип тыр» («стыдно»). Когда закончились похороны, шейх-уль-ислам пригласил меня, как армянского духовного предводителя, произнести надгробное слово. Сегодня я уже не помню точно, что сказал. Сказал примерно так: «Получив от друга приглашение по радостному поводу, иди, чтобы умножить радость. Но если твой друг в боли и скорби, не жди приглашения, иди сам, чтобы разделить его боль. Мой друг, шейх-уль-ислам, звал меня порадоваться на шекер-байрам, тогда я не смог прийти. Но сегодня пришел разделить вашу боль, ваше горе». Все это я сказал по-турецки. В ответ поднялся большой шум. Эти моллы целовали мне ноги, края одежды прикладывали к лицу. Я боялся, помня о 24 апреля: если что-нибудь не то скажу или сделаю — могут меня зарезать. Но получилось наоборот — меня приняли и выслушали мои слова с большим удовлетворением, с радостью. Говорили о том, как я «сладко говорю на хорошем османском языке».

В Азербайджане было принято, что женщины, которые не могли забеременеть, приходили к шейх-уль-исламу. Он открывал Коран и говорил: «Твое лекарство, твое спасение у молодого армянского вардапета. Иди к нему».

И каждый день у нас в церкви стали появляться женщины-азербайджанки, наши священники заработали много денег.

Я должен был первый раз совершить обряд крещения. Мне сказали, что ребенку надо дать имя Яшар. Имя турецкое. Молодой, недавно посвященный в сан, я не согласился.

— Нет, не смогу крестить.

Хорен тоже запротестовал. Нам объяснили, что у женщины было несколько детей и все умирали через четыре-пять месяцев. Ей сказали, что надо дать чужое, турецкое, имя, тогда ребенок выживет. Поэтому решили дать имя Яшар, в переводе «молодец».

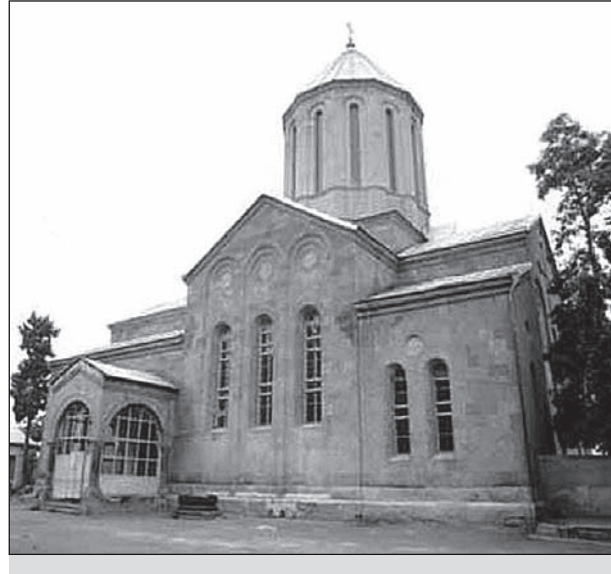
Я нашел выход:

— Очень хорошо. У нас есть имя Апрес. Есть фамилия Апресян.

И крестили:

— Яшар, Апрес, слуга Иисуса.

Большой конверт денег собрался на столе. Здесь давали не копейки, как в Румынии и Болгарии (*рассказчик забегает вперед, говоря о своем последующем служении в этих странах. — Прим. ред.*). Здесь целующий крест кидал деньги. Могу сказать, что сумма за одно крещение равнялась трем-четырем нашим годовым окладам. Представьте себе, если в день происходило трое-четверо похорон. Достаточно было раз в день участвовать в похоронах, произнести молитву над гробом — получался месячный заработок. Поэтому за проступки священников я их наказывал, не позволяя целую неделю ходить на кладбище.

Церковь Сурб Григор Лусаворич в Гандзаке/Гяндже

В Баку свадьбы устраивали дома, в столовых или ресторанах. В церквях не венчались. Из-за страха или по другой причине, но традиции забыли. Однажды мне сказали, что вечером в церкви будет свадьба. Я подготовился с крестом, в клобуке, ризе. Пришла невеста, пришел крестный отец. Ждем-ждем — нет жениха. Через час он пришел подвыпивший. Спрашиваю:

— Փեսա, տե՞ր տես: *(Согласно армянскому обряду венчания священник спрашивает жениха: Տե՞ր ես, որդյակս: (букв. «Хозяин (господин) ли ты, сын мой?»), что подразумевает его способность быть главой семьи и нести за нее ответственность. Вопрос невесте звучит так: Հնազա՞նդ ես պավակս: (букв. «Покорна ли ты, дитя мое?»). — Прим. ред.)*

— Պասպորտը ջըբումն ա: (Паспорт в кармане), — отвечает он на карабахском диалекте.

— Փեսա, տե՞ր ես:

— Паспорт в кармане.

Дважды повторив одно и то же, он бросил все и сбежал.

Так я и не смог провести свое первое венчание.

Однажды после окончания службы ко мне подошла молодая пара. Сказали, что уже обращались к врачам... Случилось вот что. Девушка заснула за чтением книги, а

жених положил ей на шею белую мышь. Когда она увидела мышь у себя на шее, у нее отнялся язык. Им сказали, что можно пойти в армянскую церковь. Тикин Роза, продававшая свечи, сказала мне:

— Святой отец, у девушки отнялся язык, прошу Вас, прочтите молитву.

У нас в таких случаях принято читать «Нарек», а потом дважды или трижды просовывать в рот и поворачивать большой ключ от дверей церкви. Я очень воодушевился, поскольку девушка была еще молода и действительно не могла вымолвить ни слова. С волнением прочел «Нарек», Евангелие, два-три раза повернул ключ у нее во рту. Когда пошел переодеться, услышал шум. Услышал, как наша продавщица свечей по-русски говорит: «Стыдно вам. Стыдно смеяться над нашим вардапетом».

Чтобы выйти на улицу из церкви, нужно спуститься на несколько ступеней. Как только девушка ступила на них, к ней вернулся дар речи. От радости она начала целоваться, громко смеяться, а наша продавщица свечей решила, что девушка шутит надо мной.

Потом они с женихом пришли меня поблагодарить. Сказали, что хотят сделать подарок церкви. Подарили большой ковер, который мы приняли под расписку. Отец у этой девочки был очень уважаемым академиком. Через некоторое время меня пригласили к ним домой на обед. Начали разговаривать по-турецки. Они удивились, что священнослужитель может столько знать в сравнении с их моллами. Девушка была художницей и нарисовала мой портрет. Я сказал ей:

— Доченька, другие рисуют комбайнеров и рабочих коммунистической эпохи, а ты взялась рисовать тертера (*батюшку. — Прим. ред.*), да еще армянского.

Свою картину она отдала мне. Картина была у нас дома, не знаю, что с ней случилось — украли, или я потерял ее, или где-то она осталась.

В другой раз привели ребенка шести-семи лет, страдающего эпилепсией. Раз в неделю его приводили, постепенно болезнь ослабела, он пришел в себя. Мать торговала зеленью на базаре и не знала, как меня отблагодарить. Но что мне делать с зеленью? И она везде рассказывала, какое чудо совершил армянский духовный предводитель.

Через некоторое время в Баку приехал из Бейрута Дереник србазан вместе с сестрой. И я сам, и священники рассказали ему о разных чудесах, случившихся за время моего пребывания здесь. Он все записал, чтобы приехать и издать обо мне книгу под названием «Чудеса вардапета, подобного Иисусу». К несчастью, этого епископа потом убили...

Мать очень боялась, что я стану вардапетом. Как я буду относиться к людям? В молодости я был очень гордым, и мать беспокоилась, что я не смогу с каждым найти общий язык. Через год я пригласил ее приехать в Баку. Она увидела, что к женщинам я обращаюсь «тетя», ко всем отношусь скромно, со смирением.

— Это уже не мой сын, — удивлялась она. — В детстве был как петушок, а сейчас стал таким скромным.

Как раз в те дни я организовал четырехголосный молодежный хор. Прежде в хоре пели пожилые люди, а я собрал студентов консерватории — участвовали и евреи, и татары, и русские. Солистка Джульетта имела очень хороший голос.

Распространился слух, что приехал молодой вардапет и совершил революцию в армянской церкви — студенты из разных институтов приходят посмотреть, послушать и т.д. Действительно, девушки приходили на службу целыми группами, ставили свечи. Если до меня церковь имела доход, скажем, в сто рублей, то в мое время он доходил до тысячи. С утра до вечера она была открыта. Каждый день служили два дежурных священника, а я контролировал их из своего кабинета.

Ректор консерватории, азербайджанец, был женат на армянке по имени Тереза. Он сказал жене:

— Ваш молодой вардапет — настоящая бомба. У нас даже близко нет ни одного такого моллы. Знает языки... Пригласи его на обед, познакомимся.

Меня пригласили не домой, а в ресторан роскошной гостиницы «Интурист» на берегу моря. Муж сообщил Терезе секрет, а она его передала мне:

— В это воскресенье должны прийти сотрудники госбезопасности, сделают вид, что просто ставят свечи... Ты организовал хор из студентов нашей консерватории. Будь осторожен.

Я собрал всех стариков, а молодым сказал, что они на воскресенье свободны. Дирижером поставил Гришу, которому было за 70 лет. В хор пригласил в основном женщин того же возраста из прежнего состава, которые пели в один голос.

Пришли сотрудники, поставили свечи, посмотрели по сторонам — нигде не видно молодых. И сообщили наверх, что все это пустые слова, ничего такого в церкви нет. Доносчицей оказалась Джульетта, та самая солистка хора — на почве зависти. Я выгнал ее из хора, а она принесла в подарок моей матери торт и попросила:

— Святой отец выгнал меня. Прошу вас, пусть он примет меня обратно.

Мать пришла ко мне:

— Балик-джан, приходила Джульетта. У нее хороший голос, а ты ее выгнал. Что плохого, если обратно возьмешь?

— Мама, завтра я куплю тебе билет — вернешься к мужу, детям и внукам. Здесь моя работа, мое право решать. Если я расскажу тебе, что сделала эта девушка, ты, как мать, как верующая христианка, дашь мне право решать или нет? Я организовал из молодежи хор, который ты слышала, а она написала донос, что я, как молодой вардапет, тем и сем занимаюсь с молодежью. Вот я ее и выгнал.

— Молодец, — сказала мать и хотела поцеловать мне руку, но я ей руки не протянул.

— Поняла твой урок.

Когда девушка снова пришла, мать сказала:

— Я в дела сына не вмешиваюсь.

С тех пор она ни разу не пыталась выступать посредницей. Всем говорила: «Он умней меня, он человек Божий, у него много дарований, я не могу его вразумлять, воспитывать».

Однажды в воскресный день, уже получив нагрудный крест, я читал проповедь. Тогда я был очень худым и во время проповеди крест болтался справа налево. Мать заплакала, и все, кто стоял рядом, стали спрашивать ее, что случилось.

— В наших краях или в Ливане, когда епископы надевают крест, он лежит на животе, не двигается, а у моего сына качается туда-сюда. Потому и плачу.

Бедная мама, если б она теперь была жива-здорова, увидела бы, что крест у меня на груди больше не двигается ни вправо, ни влево — держится прямо на сердце, как прибитый.

Раз уж я заговорил о матери... В то время вокруг не было проповедующих вардапетов и епископов. Я один читал проповеди и должен был делать это каждое воскресенье. Необходимые для проповедей книги тоже отсутствовали, было очень мало книг о житиях святых и вообще религиозной литературы. Даже мне, вардапету, нужные книги не попадались. И поскольку под рукой не было никакой литературы, я решил схитрить.

— Ты же мать священника. Скажи мне, кто такие Св. Минас и Св. Антон.

Мать наизусть знала жития всех святых. В каком веке родились, в каком году были распяты, просто убиты или побиты камнями. Она рассказывала мне жития святых.

— Стыдно, ты мать священника, твой сын вардапет, а ты ничего не знаешь.

Но я уже взял из ее рассказа самое важное:

— В воскресенье приходи, буду читать проповедь. Как раз про Св. Антона и Св. Минаса.

Я пересказал то, что говорила она, только в более ярких красках. Украсил и представил как проповедь. Мать была поражена:

— Балик-джан, дай руку поцелую, я такого не знала.

Бедная мама, ушла в мир иной, так и не узнав секрета, что была моей первой учительницей. Первые уроки веры преподала мне она, и ей я обязан тем, что читаю проповеди.

Продолжение следует

На стр. 64 и 65 использованы фотографии из книги Эдуарда Жамгочяна «Армянский кафедральный собор в Бухаресте»

От редакции.

После прочтения фрагментов воспоминаний Тирайра Мартикяна о его пребывании в Баку может возникнуть впечатление идиллических межнациональных отношений в столице советского Азербайджана. Безусловно, у приезжего главы епархии было меньше возможностей сталкиваться с бытовым национализмом по отношению к армянам, чем у горожан, вовлеченных во взаимоотношения по месту проживания, работы, учебы. Однако в целом положение вещей действительно было иным по сравнению с семидесятыми и тем более восьмидесятыми. Причины тут две.

Первая: в 1950-е годы азербайджанцы составляли в городе еще явное меньшинство. Азербайджанских специалистов в разных областях было еще сравнительно мало, поэтому в науке, образовании, медицине, промышленности, в разного рода учреждениях и организациях на руководящих и ведущих должностях было еще много русских, армян, евреев. Люди всегда тонко чувствуют баланс сил и в качестве представителей «слабой» стороны ведут себя совершенно не так, как если представляют «сильную» — для Востока это особенно характерно.

Однако именно с середины 1950-х годов начался очевидный процесс перемен. Как пишет Одри Альтштадт в своей довольно проазербайджанской книге «Азербайджанские тюрки» («The Azerbaijani Turks» Hoover Institution Press. Stanford University 1992): «Он (первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана с 1954 по 1959 г. Имам Мустафаев. — Прим. ред.) руководил масштабной иммиграцией азербайджанских турок в Баку, тем самым склоняя в их пользу баланс населения столицы. Перепись 1959 года начинает показывать рост азербайджанского населения в столице в результате как естественного прироста, так и иммиграции. К моменту переписи в 1979 году эта демографическая «реконкиста» Баку будет свершившимся фактом».

Вторая причина: тесная связь между относительной либерализацией в обществе и ростом национализма, давно отмеченная многими исследователями. Если говорить об Османской империи, даже худшие времена всевластия «кровавого султана» не могут в этом смысле сравниться со временем младотурок, которые приняли либеральную конституцию, начали проводить выборы в парламент и дали возможность массам населения в гораздо большей степени влиять на политику. И сегодня мы видим, как после свержения режима Мубарака в Египте и демократизации жизни в стране резко ухудшилось положение христиан-коптов.

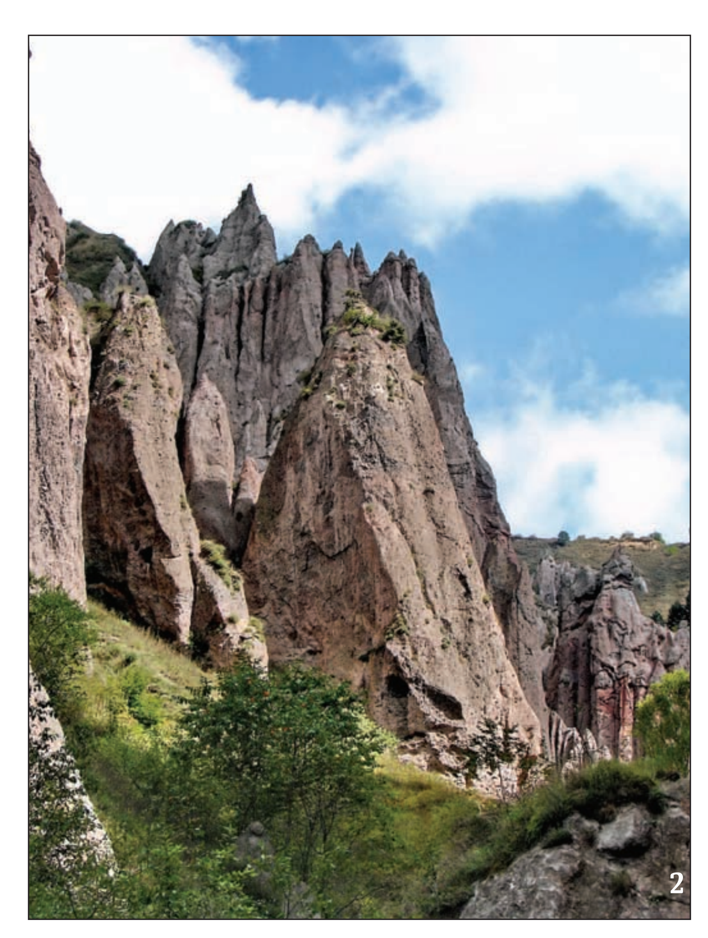
Именно после окончания эпохи сталинизма и масштабных репрессий по всей стране в таких городах, как Баку и Тбилиси, под громкими коммунистическими лозунгами началась тихая, но целенаправленная политика «национализации столицы» на самых разных уровнях — одновременного изменения демографического баланса в пользу «коренной национальности» и перехода в ее руки всех должностей и «хлебных мест», мало-мальски связанных с престижем, высокой зарплатой, возможностью «иметь связи» и извлекать «нетрудовые доходы». С завершением этого процесса в 1970-е годы социальная микросфера, в частности, в Баку, коренным образом изменилась по сравнению с серединой 1950-х, подготавливая следующий этап перемен в конце 1980-х, перемен гораздо более радикальных, связанных с гораздо более резкой либерализацией «сверху».

СГНАХИ ДЗОР

Стефан АБРААМЯН, Рубен АТОЯН

Ущелье «Сгнахи дзор» (арм. — «Սղնախի ձոր») находится в Сюнике. Этого названия нет на картах — так ущелье называют местные жители. Небольшое по размерам, оно является одной из красивейших природных достопримечательностей в окрестностях Гориса. Силы воды и ветра создали в мягкой известковой породе многочисленные скалы-останцы причудливых форм высотой до 50 метров. На местном наречии скалы называют «керцер» (քերծեր). Горисцы почти не используют общепринятое слово «жайрер» (ժայռեր).

Слово «сгнах» означает «военное укрепление». Широкое распространение оно получило в

Из цикла «УЩЕЛЬЯ АРМЕНИИ»

1

Арцахе и Сюнике во время вооруженной борьбы армян в первой трети XVIII века.

Отправной точкой пути к ущелью является село Арташен (бывшее название — Зангезур), которое расположено в 12 км юго-восточнее Гориса. Старая грунтовая дорога протяженностью примерно 3 км ведет из Арташена к развалинам бывшего села Азаташен, недалеко от которого расположено ущелье.

Окрестности Гориса, богаты подобными красотами природы. Скалы-останцы есть на окраине города, в Старом Горисе и в других многочисленных ущельях региона — недалеко от сел Хндзореск, Тех, Хнацах и Вагатур.

4

5

6

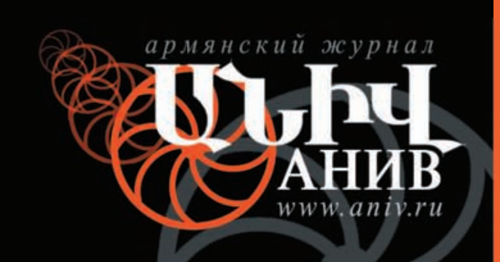
8

9

10

Фото Самвела Атояна (1), Стефана Абраамяна (2, 4, 5, 8, 11), Рубена Атояна (6, 7, 9, 10).
1 — дорога к Сгнахи дзор от села Арташен, 8 и 9 — церковь и кладбище бывшего села Азаташен,
3 - схематическая карта ущелья, автор Стефан Абраамян, 2012 г.

Подписка на журнал «АНИВ» 2012 г. (по России)

Чтобы оформить подписку на журнал «Анив» на 2012год (6 номеров), Вам необходимо:

- Заполнить анкету:

Фамилия, Имя, Отчество..

Индекс..

Область/край...

Город/населенный пункт..

Улица..

Дом.................... Корпус............... Строение..

Офис/квартира..

Особые примечания...

....

Телефон...

E-mail...

- Оплатить подписку в размере 1080 р. в любом банке России и прислать анкету и копию квитанции об оплате по почте: Москва, 119048, ул. Усачева, д. 10, на электронный адрес: podpiska-aniv@yandex.ru или по факсу +7-495-974-20-02

Платеж
Получатель: ООО «АНИВ-М»
КПП:770401001 ИНН: 7704669288
Р/сч.: Р/с 40702810700310000530
в: ОАО «ОТП Банк»
БИК: 044525311 К/сч.: 30101810000000000311
Платеж: подписка на журнал «Анив», 2012 г.
Плательщик: ____
Адрес плательщика: ____
ИНН плательщика: ___________ № л/сч. плательщика: ____________________
Сумма: 1080 р. Сумма оплаты услуг банка: _____ руб. __ коп.
Подпись:____________________ Дата: " __ " ______ 2012 г.

Квитанция
Получатель: ООО «АНИВ-М»
КПП: 770401001 ИНН: 7704669288
Р/сч.: Р/с 40702810700310000530
в: ОАО «ОТП Банк»
БИК: 044525311 К/сч.: 30101810000000000311
Платеж: подписка на журнал «Анив», 2012 г.
Плательщик: ____
Адрес плательщика: ____
ИНН плательщика: ___________ № л/сч. плательщика: ____________________
Сумма: 1080 р. Сумма оплаты услуг банка: _____ руб. __ коп.
Подпись:____________________ Дата: " __ " ______ 2012 г.

По всем вопросам обращайтесь по телефону +7-495-974-20-01, добавочный 43-08

Vem Radio